Александр Асов

Русские веды

Песни Птицы Гамаюн

Изборник «Книги Коляды»

Александр Асов

Русские Веды

Песни Птицы Гамаюн

Изборник
«Книги Коляды»

Москва
2011

Эти песни волшебные пропела пращурам нашим птица Гамаюн.

Прилетала она из сада Ирийского с горы Алатырской. И садилась она на яблоню у озера Светлоярова, у стен Китеж-града.

И вещала птица Гамаюн о будущем, и поминала она прошлое. И учила она красоте, истине и любви.

И Хранители Вед слушали те песни. И завязывали узелки на память. И были то не просто узлы, а знаки слов. И складывались те слова-узлы в нити строк. И сматывались те нити в клубки... А клубки складывались в короба берестяные.

И каждый раз потом, являясь в Китеж-граде, Гамаюн рекла Хранителям:

«Откройте короб песен! Размотайте клубок! Ибо кончилось Время Древнего Молчания и пришло Время Слов!»

И вот вновь пред нами — врата в прошлое. И мы стоим между двух зеркал, и видим длинную череду наших предков.

И вот прошли мы по мерцающему голубым светом коридору. И в конце увидели яркий свет, какой бывает в летний солнечный день...

И сделали шаг — и оказались в сокровенном Китеж-граде.

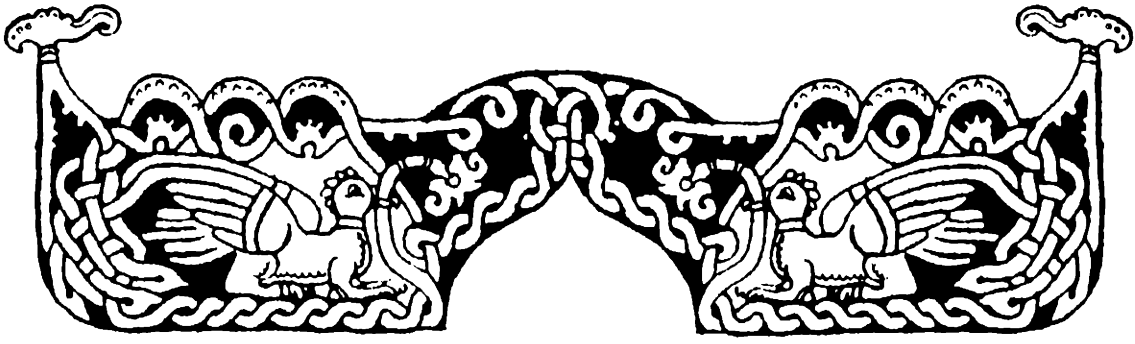
И там учитель достал берестяной короб, в котором были спрятаны священные клубки с письменами.

На коробе потускневшими красками написана полуптица-получеловек с дивным именем — Гамаюн.

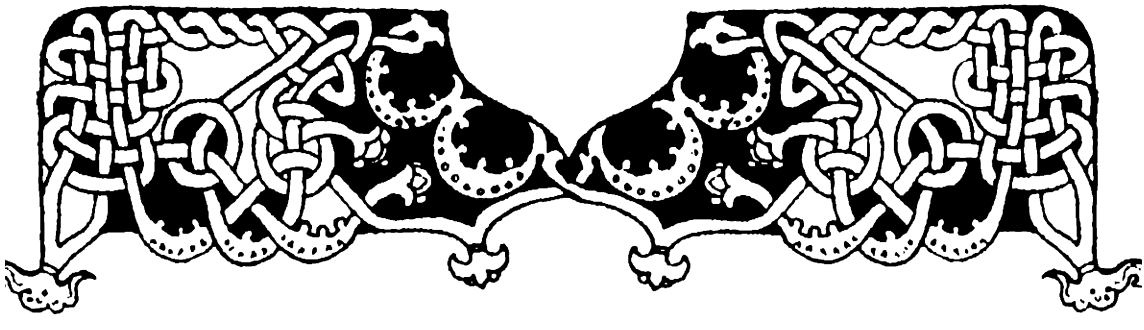
И учитель открыл короб. Вынул из короба клубок. И установил он рамку и стал навешивать на неё сложно переплетённые нити с узлами.

И не прерывались те нити. И легко он разрешал самые сложные узлы, ибо знал тайну узелкового письма...

Прилети, Гамаюн, птица вещая,
Через море раздольное,
Через горы высокие,
Через тёмный лес, через чисто поле.
Ты воспой, Гамаюн, птица вещая,
На белой заре, на крутой горе,
На ракитовом кусточке,
На малиновом пруточке.

КОРОБ РОДА

ПЕРВЫЙ КЛУБОК
РОЖДЕНИЕ МИРА

Разгулялась непогодушка, туча грозная подымалась. Расшумелись, приклонились дубравушки, всколыхалась в поле ковыль-трава. То летела Гамаюн — птица вещая со восто́чноей со сторонушки, бурю крыльями поднимая. Из-за гор летела высоких, из-за леса летела тёмного, из-под тучи той непогожей.

Сине море она перепархивала, Сарачинское поле перелётывала. Как у реченьки быстрой Смородины, у Бел-горюч Камня Ала́тыря во Ирийском саде на яблоне Гамаюн-птица присаживалась. Как садилась она — стала песни петь, распускала перья до Сыро́й Земли.

Как у Камня того, у Ала́тыря, собиралися-соезжалися сорок грозных царей со царевичем, также сорок князей со князевичем, с ними сорок могучих витязей, с ними сорок мудрых волхвов. Собиралися-соезжалися, вкруг её рядами рассаживались, стали птицу-певицу пытать:

— Птица вещая, птица мудрая, много знаешь ты, много ведаешь... Ты скажи, Гамаюн, спой-поведай нам... Отчего зача́лся весь Белый Свет? Солнце Красное как зача́лось? Месяц светлый и часты звёздочки отчего, скажи, народились? И задули как ветры буйные? Разгорелись как зори ясные?

— Ничего не скрою, что ведаю...

До рождения Света Белого тьмой кромешною был окутан Мир. Был во тьме лишь Род — Прародитель наш. Род — Родник Вселенной, Отец богов.

Был вначале Род заключён в Яйце, был Он семенем непророщенным, был Он почкою нераскрывшейся. Но конец пришёл заточению, Род родил Любовь — Ладу-матушку.

Род разрушил темницу силою Любви, и тогда Любовью мир наполнился.

И родил Он Царство Небесное, а под ним создал Поднебесное. Отделил Океан — море синее от небесных вод твёрдью каменной. Разделил Свет и Тьму, Правду с Кривдою.

И Корову Зему́н, и Козу Седу́нь Он родил во Царстве Своём Святом. И из их сосцов разлило́сь Молоко по небесному своду синему.

Род родил Седа́ву-звезду в вышине, а под нею Камень Ала́тырь. И Ала́тырем пахтал-сбивал Молоко и из масла родил Землю-Матушку. Как роди́лася Мать Сыра́ Земля, так ушла она в бездну тёмную, в Океане она схоронилась.

Солнце вышло тогда из лица Его самого Рода небесного, Прародителя и Отца богов!

Месяц светлый — из груди Его. Звёзды частые — из очей Его. Зори ясные — из бровей Его. Ночи тёмные — да из дум Его. Ветры буйные — из дыхания. Дождь, и снег, и град — то от слёз Его. Громом с молнией — голос стал Его!

Утверждён в колеснице огненной Гром гремящий — Господень глас. В лодке золотой Солнце Красное. А в ладье серебряной — Месяц.

Родом рождены были для Любви небеса и вся поднебесная. Род — Отец богов, Род и Мать богов, Род — рождён собой и родится вновь.

Род — все боги и вся поднебесная. Род — что было и то, чему быть суждено, что родилось и то, что родится.

Род из уст испустил Птицу Матерь Сва, Духом Божьим родил Сварóга. И четыре главы Род Сварóгу дал, чтоб осматривал он Вселенную.

Путь Сварóг стал Солнцу прокладывать по небесному своду синему, чтобы кони-дни мчались по небу, после утра чтоб разгорался день, после вечера — наступала ночь.

И изрёк Сварóг:

— Будет небо пусть! Пусть двенадцать столпóв небеса подпирают! Будут пусть облака в поднебесье, звёзды — ночью тёмной, свет — ясным днём! Пусть ветра исходят из Божьих уст и волнуется море широкое!

Высокá высота поднебесная, глубокá глубина океанская, широкó раздольюшко в мире Божьем...

Над Сварóгом сияет Солнце, светит Месяц, мерцают звёзды. А под ним Океан расстилается — волны плещут и пеной пенятся. Осмотрел Сварог поднебесье, не увидел лишь Землю-Матушку.

— Где же Мать-Земля? — опечалился.

Тут заметил он — точка малая в Океане-море чернеется. То не точка в море чернеется, это Уточка серая плавает, пеной серою порождéнная. На одном месте не сидит, не стоит — всё поскакивает и вертится.

— Ты не знаешь ли, где Земля лежит? — стал пытать Сварог серу Уточку.

— Подо мной Земля, — говорит она, — глубоко в Океане схоронена...

— По велению Рода-батюшки, по хотению по Сварожьему Землю ты добудь из глубин морских!

Ничего не ответила Уточка, в море синее унырнула, целый год в пучине скрывалась. Как год кончился — поднялáсь со дна.

— Не хватило мне духа-силушки, не доплы́ла я до Земли чуток. Волосок всего не доплы́ла я...

Поднялись тогда ветры буйные, расшумелося море синее... Вдунул ветром Род силу в Уточку:

— По велению Рода-батюшки, по хотению по Сварожьему Землю ты добудь из глубин морских!

Ничего не ответила Уточка, в море синее унырнула, на два года в пучине скрылась. Как срок кончился — поднялáсь со дна.

— Не хватило мне духа-силушки, не доплы́ла я до Земли чуток. На полволоса не доплы́ла я...

Расшумелись тут ветры буйные, скрыли небеса тучи тёмные. Глас Сварожий — Гром небеса потряс, и ударила в Утку молния. И вдохнул Сварог дух и силушку бурей грозною в серу Уточку:

— По велению Рода-батюшки, по хотению по Сварожьему Землю ты добудь из глубин морских!

Утка ничего не ответила, в море синее унырнула, на три года в пучине скрылась. Как срок кончился — поднялáсь со дна: в клюве горсть земли принесла она. А с Землёю — маленький камень: Бел-горючий Камень Алатырь.

И отдáла Сварогу-батюшке горсть сырой земли сера Уточка, а Алáтырь — горючий Камень — всё же тайно сокрыла в клюве.

Взял Сварог землю ту, стал в ладонях мять.

— Землю ты согрей, Красно Солнышко! Остуди её, светлый Месяц! Вы же, ветры буйные, — дуйте! Помогите слепить из земли сырой Землю-Матушку, мать-кормилицу.

Землю мнёт Сварог — греет Солнышко, Месяц студит и дуют ветры. Ветры сдули Землю с ладони, и упала она в море синее. Обогрело её Солнце Красное — Мать-Земля запеклась сверху корочкой, остудил её Месяц светлый.

И заклял Сварог Землю-Матушку — разрослась тогда Мать Сыра Земля. Тяжелеть стал Камень горючий. Трудно стало тут серой Утке — не удержишь Ала́тырь в клюве! И она его обронила. Там, где пал Бел-горючий Камень, поднялáсь гора Алáтырская.

Так Сварог сотворил Землю-Матушку. Три подземных свода он в ней учредил, три подземных, пекельных царства. Землю он утвердил на воде, воду ту — на жарком огне, а огонь — на великой тьме, а у той-то тьмы конца-края нет.

А чтоб в море Земля не ушла опять, Род родил под ней Юшу мощного — Змея дивного, многосильного. Тяжела его доля — держать ему годы и века Землю-Матушку.

Так была рождена Мать Сыра Земля. Так на Змее она упокоилась. Если Юша-Змей пошевéлится — Мать Сыра Земля поворóтится.

ВТОРОЙ КЛУБОК

БИТВА С ЧЕРНЫМ ЗМЕЕМ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как устроен был поднебесный мир? Родились как силы небесные, как родился Сварожич сияющий? И о силах чёрных поведай нам! И о первой битве Добра со Злом, о победе Правды над Кривдою!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как по морюшку, морю синему птица Матерь Сва проплывала, перья белые, лебединые в сине морюшко окунала. Не встряхнётся она, не ворóхнется...

А как время пришло — встрепенулася, сине морюшко всколыхнулося. Выходила она на крутой бережок, и яички клала́ в золотой песок — не простые, а золотые, силою святой налитые.

Раскололось яичко златое, что исполнено силой Яви. Из того яйца вылетал Орёл, возносился он к Солнцу Красному. Следом птичья рать — стая соколов взвилась! Огнепёрые Рарог и Финист!

И явилась Стратим сильнокрылая из златого яйца с ветром буйным. Если птица та встрепенётся — море синее всколыхнётся, в поле травушка уплетётся.

И порхнула за ним Алконост — зорева́я птица, рассветная, — та, что яйца кладёт на краю земли

в сине море у самого берега. Вслед за нею сладкоголосая птица Сирин, что песнею чудною очаровывает и манит в Ирий светлый.

А затем поднялась в небо синее птица вещая — Гамаюн.

Как на море купалась Уточка, полоскалась на море серая, выходила она на крутой бережок. Встрепенувшись, Уточка вскрикнула:

— Ой ты, морюшко, море синее! Ой ты, матушка — Мать Сыра Земля! Тяжелёшенько мне, тошнёшенько — вре́мя мне яички откладывать, что исполнены силой Нави, неподвластные силе Яви.

Стала Уточка класть яички. Не простые яйца — железные, на крутом бережке, в золотом песке.

Тут завыли ветры и грянул гром — и разбилось яичко железное. Явлен был из яйца силой Нави Чёрный Ворон — сын серой Уточки.

Ворон стал над Землёю пролётывать, задевая крылом Землю-Матушку. Там, где Ворон пёрышко выронил, — вознеслись хребты неприступные, а где Землю задел краешком крыла — там Земля на ущелья растрескалась и легли овраги глубокие.

А за Вороном стаей чёрною поднялись птицы, Навью рождённые: птица-лебедь Обида с печальным лицом, а за нею Магуль чернокрылая, что поёт в ночи и дурманит — за собой в царство смерти манит.

Потемнело от птиц Солнце Красное, вороньё над полями заграяло, чёрны лебеди закурлычели, а сычи и совы закычели.

Тут ударил Сварог тяжким молотом по Ала́тырю Бел-горючему — и рассыпались искры по небу. Так создал Сварог силы светлые и своё небесное воинство.

И тогда одна искра малая на Сыру Землю-Матушку падала. И от искорки занялась Земля, и взметнулся пожар к небу синему.

И родился тотчас в вихре огненном, в смаге-свиле той очищающей — сам Семаргл-Велес, Сварога сын.

Ярый бог, словно Солнце Красное, озаряет он всю Вселенную. Сам он — Свет, идущий от Солнца. Он и Жар, и Сварожье Пламя! Властелин Огня, Ве́лес Пламенный!

Он Сварожич — Огненный бог! Под Сварожичем — златогривый конь, у того коня — шерсть серебряная. Его знамя — дым, его конь — огонь. Чёрный выжженный след оставляет он, если едет по полю широкому.

И завыли тут ветры буйные, и из вихря-свили явился, силою святою рождён, сам Стрибог — могучий Сварожич.

Он парил над горами, он летал по долам, он выпархивал из-под облака, падал на Землю, вновь от Земли отрывался, раздувая великое пламя!

Подползал к Белу Камешку Чёрный Змей, ударял по Ала́тырю молотом. Порассы́пались искры чёрные по всему поднебесному царству. Так рождалася сила чёрная — змеи лютые, многоглавые и вся нечисть земная и водная.

Что там в небе шумит, что грозою гремит? Это птицы в небе слетались, это Правда бивалась с Кривдою. Это с силами Нави боролась Явь. Это Жизнь боролась со Смертью.

Стая светлая из-под облака стаю чёрную примечала. Видят: сила чёрная нагнана у того у Камня горючего.

С поднебесья вниз с грозным клекотом стали падать они к стаям грающим.

Вот слетел Финист-Сокол на Камешек, на гнездо Чёрного Ворона. Ухватил за правое крылышко — проточилась кровь из-под крылышка. Стал просить тогда Ворон Сокола:

— Ты пусти меня, Ясный Сокол, к воронятам моим на волюшку!

— Я тогда отпущу, как крыло ощиплю, пух и перья развею по ветру!

Как по морюшку, морю синему одинокая Лебедь плавала. Млад сизой Орёл налетел, настиг — и расшиб, убил, растерзал её. Из-под крылышек кровь-руду пустил, распустил её перья по ветру. Мелкий пух пошёл в поднебесье, кости ссыпались в море синее.

Так слеталися птицы дивные, бились яростно Правда с Кривдою. Одолеть Кривда Правду хотела, но — Правда Кривду всё ж переспорила. Поднималась Правда на небеса к самому небесному Пращуру. Опускалась Кривда к Сырой Земле. Понесло Кривду по всей Земле, по всему поднебесному царству-мытарству.

В чистом поле, широком раздолье грудь на грудь две силы сходились: со святою силой Сварожич и чудовищный Змей с силой чёрною.

То не огненный вихрь по Земле кружил — то Сварожич с силой небесною шёл на силушку Змея лютого!

Стал Сварожич жечь силу чёрную, змей топтать-рубить и копьём колоть, а их головы далеко метать в море синее. Нечисть с нежитью сын Сварога жег, расходясь огнём во все стороны.

Как подъехал он к Змею лютому, Змею Чёрному, многоглавому. У того-то Змея тысяча голов, у того-то Змея тысяча хвостов. У Сварожича — тысяча очей, тысяча зубов огненных.

Завязалася битва грозная, собиралися тучи чёрные. И сжигал-палил Змея Чёрного смагою-огнём сын Сварога!

Обратился он в Ясна Сокола, в птицу огнепёрую Рарога — падал Соколом на врага своего.

А Змей лютый сбирал силы чёрные, тьмою мир застилал и тушил-заливал пламя, Вихрем-Стрибогом раздутое.

И от битвы той затряслась Земля, шевельнулся под ней мощный Юша-Змей, море синее всколыхалось, ужаснулась вся подвселенная.

Далеко залетел Ясный Сокол, вороньё бия, — к морю синему! Силы тут у него недостало, и померкло тут Солнце Красное, погрузилося в море тёмное. Потеснил Сварожича Чёрный Змей, затопил он мглой Землю-Матушку.

И вознёсся Сварожич на небеса ко Сварогу небесному в кузницу. Полетел за ним лютый Чёрный Змей, он вскричал на всю подвселенную:

— Покорил я всю Землю-Матушку, покорил я всю поднебесную! Был я князем Тьмы — ныне буду я всей Вселенной царь!

В кузне бога Сварога на небесах не огонь горит, не железо шипит — это Велес-Семаргл пляшет во печи.

А Стрибог раздувает его меха, в горне крутит он вихри-*свили* — разгорается пламя-*смага*, искры сыплются, будто молнии.

И работа в кузнице спорится. И двенадцать там подмастерий, кузнецов искуснейших *Ребей*, молоточками звонко бьют и Сварогу-отцу со Сварожичем споро плуг булатный куют.

Реби бьют-куют, Змею так рекут:

— Лютый Чёрный Змей, повелитель Тьмы, пролижи скорей три небесных свода, все три двери в кузню небесную! Мы тотчас на язык тебе сядем, станешь ты тогда всей Вселенной царь!

Стал лизать Чёрный Змей двери кузницы. Он лизал-лизал, а тем временем плуг сковали Сварог со Сварожичем. Реби закалили Сварожий плуг и клещи в огне раскалили.

Наконец пролизал дверь последнюю, и язык свой в кузницу высунул. И тогда Сварог со Сварожичем ухватили клещами горячими за язык Змея Чёрного лютого — зашипел меж клещами его язык, и забился, и взвыл обожжённый Змей.

Начал бить Сварог Змея молотом, бил по всем головам Змея лютого, а бог Велес-Семаргл сын Сварожич, запрягал его в Плуг Сварожий.

И рекли они Змею Чёрному:

— Будем мы делить подвселенную, по Земле Сырой проведём межу. Справа пусть за межою будет царство Сварога, слева же за межою будет Змеево царство.

ТРЕТИЙ КЛУБОК

ТВОРЕНИЕ СВАРГИ И ПЕКЛА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как посажен был Ирий в горах Алатырских? Пекло как под Землёй оказалось? Заселилась как поднебесная? Как родились боги бессмертные?

— Ничего не скрою, что ведаю...

Опустились Сварог со Сварожичем вместе с Чёрным Змеем, запряженным в плуг, вниз на Землю со свода небесного.

Видят — вся Земля с кровью смешана, капли крови на каждом камешке, горы перьев везде рассыпаны.

По велению Рода-Вышнего, по хотению по Сварожьему — там, где перья вороньи рассыпались, встали горные кряжи Рипейские, там, где падали соколиные, — груды золота залегли в горах.

И тогда Сварог со Сварожичем стали Землю плугом распахивать. Там, где борозды были проложены, протекали реки глубокие: тихий Дон, Дунай и великий Днепр.

Как текла-протекала реченька, а водичка в ней вся слезо́вая, и в той реченьке струйка малая, струйка малая — вся кровавая. Вытекала она с-под Камня, из-

под Камешка Алатырского, протекала речкой Алатыркой.

Поднимался росток из-под Камешка, потянулся вверх — вырос в дерево. К небу дерево протянулось, а корнями ушло в Землю-Матушку.

Вырос то не дуб, и не вишня, и не яблоня — златы яблочки, это Дерево Бога Вышня поднималося на Алатыре. В сам Алатырь — пустило корни, и связало тем Землю-Матушку с Троном Вышня и Божьей Сваргой.

На восточных веточках Дерева свил гнездо Алконост солнцеликий. Луноликая птица Сирин свила гнёздышко в ветках западных. На вершину его садилась птица Вышнего Гамаюн.

А в корнях его — Змей шевелится. У ствола же ходит небесный царь — сам Сварог, а с ним Лада-матушка.

Возрастали затем деревья на вершинах Ирийских гор. Как на горушке Сарачинской поднялось кипарисово дерево — древо смерти, печальное дерево.

А на белой горе Березани поднялась берёзонька белая — вверх кореньями, вниз ветвями.

А на той горе Алаты́рской — распустился Ирийский сад. Там подня́лось вишнёвое дерево, рядом — солнечный дуб вверх кореньями, вниз ветвями-лучами и яблоня с золотыми волшебными яблоками — кто отведает злато яблочко, тот получит вечную молодость.

Так был Ирий посажен в горах Алатырских. Бродят в Ирии звери дивные и колышутся травы чудные, птицы вещие распевают.

Серебрятся ручьи хрустальные, драгоценными камнями устланные, златопёрые рыбы плещут. В том саду лужайки зелёные, на лугах трава мягкая, шёлковая, а цветы во лугах лазоревые.

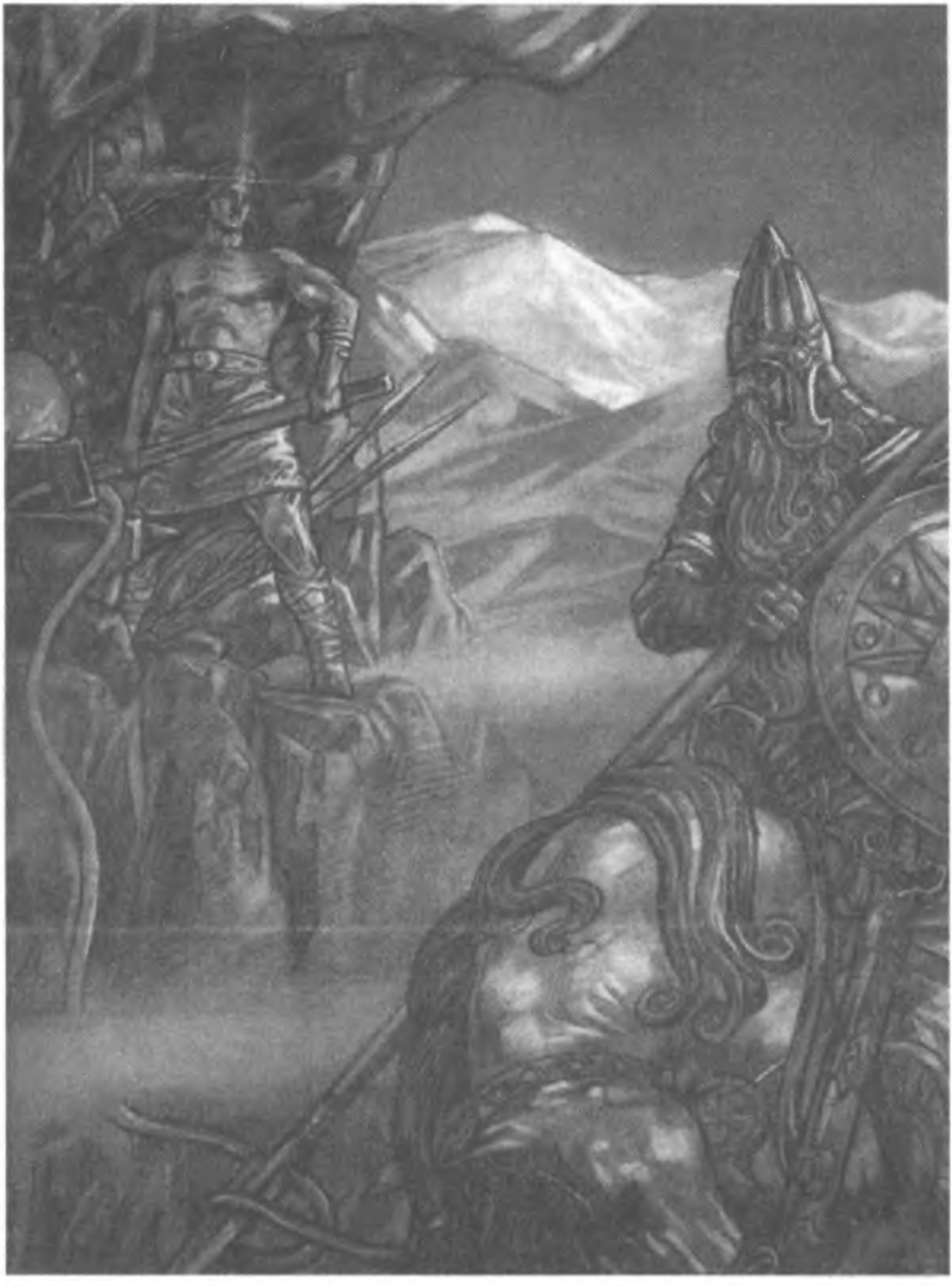
Нет прохода в те горы пешему, нет проезда сюда и конному. Все дороженьки заторожены, заколодели-замуравели. Горы путь заступают толкучие, реки путь преграждают текучие. Все дорожки-пути охраняются василисками меднокрылыми и моргулями медноклювыми.

А затем Сварог со Сварожичем подразрезали Землю-Матушку, плугом острым её поранили, чтоб поверхность земная очистилась и ушла вся кровь в Землю-Матушку. Как подрезали Землю-Матушку — расступилась Земля, поглотила кровь.

И в провал, в ущелье, в подземный мир по хотенью-веленью Сварожьему был низвержен Змей — Повелитель Тьмы.

Вслед за Змеем в царство Змеиное все низринулись силы чёрные. Чёрный князь Мориа́н со сестрою Чернавой; Пан, Магуль и Вий — подземельный князь, сын Седуни и Змея Чёрного.

Тяжелы веки Вия Змеича, страшно войско его, страшен зов его. Он во мгле кромешной вступил в союз с Матерью Землёю Сырою. И роди́лись в тьме, сотрясая мир, па́ны тёмные и горыни — Змей Горыня, Дубыня с Усынею.

А затем по велению Рода от Земли подня́лся Великий Столп, дабы Небо на нём упокоилось. И тогда родил Святогора Род — диво-дивное, чудо-чудное.

Так велик Святогор, что и Мать-Земля еле-еле носит детинушку. Он не может ходить по Сырой

Земле. Он велик, как гора, ходит он по горам, только горушки те Святые — Святогора могут удерживать.

И тому Святогору Родовичу сам Сварог небесный коня сотворил. И велел Сварог Святогору вкруг столба дозором объезживать и во веки веков охранять его.

Как в небесном саде Ирийском, у златой горы Алатырской поднимался цветочек Астры. Род лучами златыми звёзд озарил Ирийские горы — и тогда цветок распустился.

Расцвела то не просто Астра — то родилася Злата Майя из Любви Всевышнего Рода, из лучей золотистых звёзд.

Во горах высоких Ирийских распустился чудесный сад, во саду явились палаты. Как во тех золотых палатах Злата Майюшка вышивала.

Вышивала она чистым золотом. Шила первый узор — Солнце Красное, а второй узор — светлый Месяц, шила третий — то звёзды частые.

И пролился дождь на Ирийский сад — водяными нитями с неба. И в тех струях родилась Макошь — Повелительница Судьбы.

Она нити прядёт, в клубок сматывает. Не простые нити — волшебные. Из тех нитей сплетается наша жизнь — от завязки-рожденья и до конца, до послед-ней развязки — смерти.

А помощницы — Доля с Недолею на тех нитях не глядя завязывают узелочки: на счастье, на горе ли — только Макоши это ведомо. Даже боги пред нею

склоняются, как и все они подчиняются тем неведомым нитям Ма́коши.

Что за туча по небу движется? То не туча — Корова небесная ко Ала́тырю приближается.

Это Род ту Корову Земун породил, чтоб богов молоком насыщала она, чтоб река молока в Ирии протекла от Коровы в сметанное озеро. Создано то сметанное озеро, чтоб от горя, скверны и нечисти очищать весь Мир, всю Вселенную, чтоб питать её Соками чистыми.

То не туча по небу движется, то не буря к горам приближается, то Земун — Корова небесная по горам и долинам шествует. И идёт Земун по Ирийским полям, ест траву Земун и даёт Молоко — и течёт Молоко по небесному своду, и сверкает частыми звёздами.

И ступила Земун да на Матушку-Землю. Мать-Земля всколыхалась от топота, океаны-моря расплескались, твердь небесная всколебалась.

Как ходила Лада по небесному саду, как ходила, гуляла и сеяла Хмель, а как сеяла — приговаривала:

— Поднимайся, Хмель, по тычинке вверх! Ты расти, Хмелюшка, — голова весела! От чего ты, Хмель, зарождаешься?

По чему ты, Хмель, поднимаешься? Зарождаешься ты — от Сырой Земли. Поднимаешься по тычиночке. И куда ты, Хмель, поднимаешься? Поднимаешься к Солнцу Красному, чтоб сияла, как Солнце, питная сурья! Чтобы сурица пи́лась во славу богов!

Как у Хмелюшки ножки тоненькие, голова его высока, умна, а язык у Хмеля весьма болтлив. У него бесстыдные оченьки, руки держат всю Землю-Матушку.

Набухай же, Хмель, ты пьянящей силой! Набухай своими стеблями! Без тебя, без Хмеля, не ва́рится пиво, без тебя, без Хмеля, сурьи́ не бывает, без тебя, без Хмеля, невесел пир.

Пращур-Род Сварогу небесному повелел населить поднебесную, сотворить людей, рыб, зверей и птиц, насадить леса, травы и цветы. Чтобы птицы летали в подоблачье, чтобы звери лесами прорыскивали, рыбы плавали бы по водам.

Сотворил Сварог рыб, зверей и птиц. Насадил леса, заселил моря. В небеса пустил стаи певчих птиц, а зверей свирепых — в тёмные леса, и в моря — китов, а в болота — змей.

Птицы полетели в подоблачье, звери по лесам стали рыскать, змеи поползли по болотам, рыбы в водушках разыгрались.

И затем создавать стал Сварог людей вместе с милостивой Ладой-матушкой.

С Ладою Сварог брали камешки и бросали их себе за спину. Бросит камень Сварог, приговаривает:

— Там, где был бел-горючий камешек, стань на месте том добрый молодец.

Лада камень бросит, приговаривает:

— Там, где был бел-горючий камешек, стань на месте том кра́сна де́вица.

Как во тех горах Алатырских и во тех Ирийских садах говорила Сварогу Лада:

— Как мне нынче спалось и привиделось: будто в морюшке Щука плавает не простая, а златопёрая. Но не просто то Щука в морюшке, это Род проплывал среди частых звёзд.

И прорёк тогда праотец Сварог:

— Что во сне приснилось-привиделось, наяву также может случиться! Если Щуку в морюшке изловить, на двенадцать частей изрубить, и потом на двенадцати блюдах её разложить на двенадцать столов, то от трапезы той будут за́чаты все двенадцать созвездий — моих Сынов.

Выловили Щуку златопёрую. Выловили, после приготовили. Лада Щуку златопёрую съедала, её косточки на Землю побросала, а Земун и Седунь кости те подлизали.

И от Щуки той забеременели Лада-матушка, Мать Сыра Земля и Земун с Седунью заоблачной. И роди́ли тогда богини звёздных сыновей вместе с дочками.

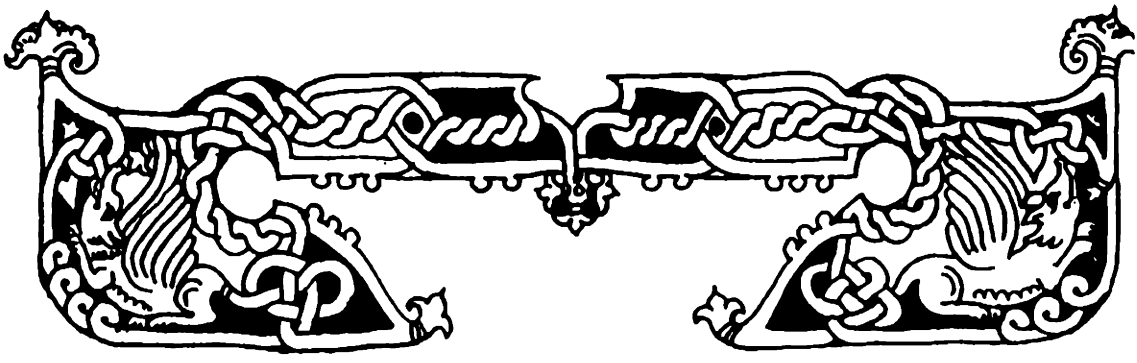
Лада-мать тогда породи́ла дочку Лелю — Любовь златокудрую. А потом и Живу весеннюю — деву огненную, весёлую. И затем Марену холодную, деву Смерти — царицу прекрасную.

Трёх Коров роди́ла Земун — златорогих Дану с Амелфой и Волынюшку волоокую. Также Велеса звездоликого.

А Седуня роди́ла в небесном лоне Дыя-батюшку вместе Дивией. Всколыхалась потом Мать Сыра Земля и роди́ла лютого Скипера, а за ним — змею Пераскею.

И затем сказал праотец Сварог:

— Среди тех двенадцати Звёздных Детей так родится и Новый Бог! И то будет великий Божич — Громовержец Перун сын Сварожич!

КОРОБ ПЕРУНА

ПЕРВЫЙ КЛУБОК

РОЖДЕНИЕ ПЕРУНА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как родился Перун Громовержец. Как на Землю пришёл лютый Скипер, как Перуна он в яму закапывал и как боги спасли Перуна!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как завязано было Ма́кошью, как велел сам Родитель, сам Пращур-Род — появился во чре́ве у Ладушки сын её и Сварога небесного. Стало тесно ему в чреве матери, стал толкаться он, стал проситься на свет.

Приговаривала Лада-матушка:

— Как с горами горы сдвигаются, реки с реками как стекаются, так сходитеся, мои косточки, не пускайте сына до времени.

Как завязано было Макошью, как велел сам Родитель, сам Пращур-Род, протекли года, протекли века. И пришло урочное время — разрешиться Ладе от бремени и Перуну явиться на Белый Свет.

Приговаривала Лада-матушка:

— Как с горами горы расходятся, реки как растекаются с ре́ками — раздвигайтесь так, мои косточки!

Загремели тут громы на небе, засверкали во тучах молнии, — и явился на свет, словно молния, сын Сварога Перун Громовержец.

Как родился Перун — во весь голос вскричал. И от гласа Перуна могучего горы на Земле стали рушиться, зашатались леса, расплескались моря, Мать Сыра Земля всколебалась.

Взял тогда Сварог тяжкий молот свой — тяжкий молот свой да во сто пудов. Стал Перуна баюкать молотом:

— Баю-бай, Перун могучий! Вырастешь большой — женишься на Диве-Додоле! Победишь зверя лютого Скипера!

Убаюкал Перуна, заснул Перун и три года спал беспробудно.

Как проснулся — вновь закричал Перун, и опять горы начали рушиться и ломаться дубы́ столетние.

Взял тогда Сварог тяжкий молот свой — тяжкий молот свой да во двести пудов. Стал Перуна баюкать молотом:

— Баю-бай, Перун могучий! Вырастешь большой — женишься на Диве-Додоле! Победишь зверя лютого Скипера!

Убаюкал Перуна, заснул Перун и три года спал беспробудно.

Как проснулся он — закричал опять, и опять стали горы рушиться и ломаться дубы́ столетние.

Взял тогда Сварог снова молот свой — тяжкий молот свой да во триста пудов. Стал Перуна баюкать молотом:

— Баю-бай, Перун могучий! Вырастешь большой — женишься на Диве-Додоле! Победишь зверя лютого Скипера!

Убаюкал Перуна, заснул Перун и три года спал беспробудно.

Как проснулся Перун, его бог Сварог сам отнёс в небесную кузницу. Он раздул меха и разжёг огонь, и призвал на помощь Сварожича. И тогда Сварог со Сварожичем закалять стали тело Перуново. Раскалили его на огне добела и обхаживать начали молотом.

И как только его закалили они, встал Перун на ноги булатные и сказал Сварогу небесному:

— Дай мне палицу стопудовую! И коня мне дай, чтоб под стать был мне!

Засверкали тогда в тучах молнии, громы на небе загремели.

То не пыль в поле распыляется, не туманы с моря поднимаются, то с восточной земли, со высоких гор выбегало стадо звериное, что звериное стадо — змеиное. Наперёд-то бежал лютый Скипер-зверь, лютый Скипер-зверь — пасть, что в Пекло дверь.

Как на Скипере шёрстка медная, а рога и копыта — булатные. Голова его — велика, как гора, руки-ноги — столбы в три обхвата. Он рогами тучи распарывал и по своду небесному шаркал. Как скакнул Скипер-зверь — Мать Земля всколебалась, в море синем вода расплескалась, и крутые́ берега зашатались.

Как схватил трёх сестёр лютый Скипер-зверь — Лелю, Живу, Марену в охапочку, и вонзил в них зверь когти острые, и унёс с собой в Царство Тёмное.

А затем покорил весь подсолнечный мир, по Земле стал без спросу разгуливать. Тут увидел он, как у

реченьки, у того Бел-горючего Камешка тихо-тихо ребёнок похаживает и играет булатною палицей, тяжкой палицей — стопудовою! Рядом с ним жеребёнок поскакивает, а от скоков его Мать Земля дрожит.

То Перун, колыбельку оставивши, у горючего Камня похаживал, на свирепого Скипера-зверя исподлобия хмуро поглядывал.

И сказал тогда лютый Скипер-зверь, и подвыла ему нечисть чёрная:

— Отрекись, Перун, от отца своего, поклонись, Перун, зверю-Скиперу! И борись, Перун, против наших врагов, послужи-ка царству подземному!

Отвечал Перун зверю-Скиперу:

— Ах злодей, Скипер-зверь, подземельный царь! Я не буду служить чёрной нечисти, биться против врагов зверя Скипера! Я служу только Роду-Вышнему, Ладе-матушке богородице и отцу Сварогу небесному!

Осерчал тут злодей лютый Скипер-зверь, повелел мукой мучить Перуна он. Стали бить Перуна, рубить мечом — только лезвие затупилось, ничего Перуну не сделалось.

Повелел тогда лютый Скипер-зверь привязать его к камню тяжкому и нести топить в море синее. Но не тонет Перун с тяжким камешком, не берёт его море синее. Он поверх воды в море плавает — ничего Перуну не сделалось.

Повелел тогда лютый Скипер-зверь закопать его в Землю-Матушку. И тогда слуги верные Скипера стали яму рыть во Земле Сырой — сорока сажён глубиною, поперечины — двадцать пять сажён. И сажал тогда лютый Скипер-зверь в яму ту младого Перуна. Закрывал досками железными, запирал запорами тяжкими, задвигал щитами дубовыми. Забивал гвоздями, присыпал песками. Засыпал песками и притаптывал, а притаптывал — приговаривал:

— Не бывать Перуну на Сырой Земле, не видать Перуну Света Белого, Света Белого — Солнца Красного!

Триста лет с тех пор миновало, триста лет и ещё три года. Спал Перун мёртвым сном во Земле Сырой.

А как триста лет миновало — разгулялася непогодушка, туча грозная поднималась. Из-под той из-под тучи грозной со громами, дождями ливучими вылетали птицы могучие.

Впереди всех птиц Ра́рог-Сокол, то был Велес-Семаргл сын Сварожич! А за ним Стратим сильнокрылый, то Стрибог с ветрами могучими! Следом Сирин — то Сурья-Ра́.

Подлетели они к зверю Скиперу. Стали Скипера-зверя выспрашивать:

— Ты скажи, Скипер-зверь, где наш брат родной, где Перун младой, разъясни скорей!

— А ваш брат родной в море плавает, в море плавает сизым Селезнем!

— Не обманывай нас, лютый Скипер-зверь! Его палица — вон у камешка, в море синем нет сизых Селезней!

— А ваш брат родной в чисто полюшко погулять пошёл, поиграть пошёл!

— Не обманывай, лютый Скипер-зверь, никого-то нет в чистом полюшке, его конь стоит — вон у камешка!

— А ваш брат родной в небо синее полетел Орлом сизой птицею!

— Не обманывай, лютый Скипер-зверь, не парит Орлом в поднебесье он!

И ударились птицы грозные, в Землю-Матушку грудью грянулись, обратились они, перекинулись во Сварожичей ясноо́ких.

Ра́рог — во Сварожича Велеса, Сирин — в Сурью-Ра́ сына Рода, а Стратим — в Стрибога могучего.

Все те боги — братья Сварожичи, все потомки Рода небесного.

Как увидел их лютый Скипер-зверь, поспешил назад в Царство Тёмное.

И задумались братья Божичи:

— Видно, нет на Земле братца нашего, как найдём его во Земле Сырой?

Тут сорвался добрый Перунов конь с привязи у камня горючего. Побежал по чистому полюшку — вслед за ним Сварожичи двинулись. Прибежал на яму глубокую, стал он ржать, плясать да копытом мять те песочки и камешки тяжкие.

— Видно, здесь лежит братец наш Перун!

И Сварожичи-братья скорым-скоро раскопали яму глубокую. Им светил бог Ра — Солнце Красное. Бог Стрибог поднял ветры буйные и разнёс пески крутожёлтые, доски сжёг-разметал Велес-Огнебог.

И раскрылся тут в подземелье гроб. В том гробу — Перун, спящий мёртвым сном.

И задумались братья Божичи:

— Как же нам пробудить братца милого?

Велес тут коню златогривому стал на ухо тихо нашёптывать.

Добрый конь из ямушки выскочил, поскакал по чистому полюшку. И ложился он на горючий песок. Пролетала тут Гамаюн с молодыми своими детками.

И сказала она, посмотрев на коня:

— Вы не трогайте, детушки, в поле коня! Не добыча то — хитрость Велеса!

Но не стали слушать её птенцы, полетели они в чисто полюшко и садилися на того коня.

Тут из ямушки Велес выскочил и схватил за крылышко птенчика.

И явились тут братья Божичи — Гамаюна стали отпугивать, не пускают его к буйну Велесу. И взмолилась птица могучая:

— Отпусти птенца, буйный Велес!

— Ты слетай, Гамаюн, ко Рипейским горам за Восточное море широкое! Как во тех горных кряжах Рипейских на горе на той Березани ты отыщешь колодец с су́рьей, что обвит дурманящим хмелем! Принесёшь из колодца живой воды — отпущу я птенца на волю!

И привязывали братья Божичи Гамаюну под крылья бочку, чтоб она зачерпнула су́рьи.

Поднялáсь Гамаюн к тучам тёмным, понеслася быстрее ветра ко Уральским горам в светлый Ирий. Зачерпнула живой водицы на горе на той Березани — принесла ту воду обратно.

Прилетела она, сказала:

— Вы возьмите живую воду! Отпустите птенца на волю!

Отпустил птенца буйный Велес, а Перуна обмыл водою.

— Выходи, Перун, на Сырую Землю! Ты расправь, Перун, плечи сильные, разомни скорей ноги резвые!

Поднялся́ сын Сварога небесного.

Обогрело его Солнце Красное — кровь его разошлась по жилам. Размочило дождём ливучим уста сахарные Перуна.

Усмехнулся Перун и расправил усы — золотые усы, жаром пышущие, и тряхнул брадой серебристою, головой своей златокудрою.

И сказал тогда братьям Божичам:

— Как я долго спал во Земле Сырой!

— Коль не мы, тогда б век тебе здесь спать! — отвечали ему Сварожичи.

И поднёс тут Перуну Велес рог глубокий с хмельною сýрьей — той, что принесла Гамаюн.

— Ты испей, Перун, не побрезгуй!

Выпивал Перун тот глубокий рог.

— Как, — спросил его, — чуешь силушку?

— Возвратилась мне силушка прежняя!

И поднёс вновь Велес глубокий рог:

— Ты испей, Перун, не побрезгуй! Как, Перун, теперь себя чувствуешь?

— Я теперь чую силу великую — кабы было кольцо во Сырой Земле, повернул бы я всю Вселенную!

Меж собой зашептались Сварожичи:

— Слишком много Перуну подарено сил, он не сможет ходить по Сырой Земле! Мать-Земля Перуна не вынесет.

Вновь поднёс тот рог Велес-Огнебог:

— Допивай, — сказал он, — напиточек. Сколько силы теперь в себе чувствуешь?

— Стало силы во мне вполовиночку.

— А теперь отправляйся, могучий Перун, поезжай скорей к зверю Скиперу, отомсти ему за обидушки, и за раны свои, и за милых сестёр!

И сверкнула тотчас в туче молния, раскатился по небу гром.

ВТОРОЙ КЛУБОК

ПЕРУН ПОБЕЖДАЕТ СКИПЕРА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как Перун победил зверя Скипера, как великие подвиги он совершил и как сёстрам своим дал свободу!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Поезжал Перун по Сырой Земле, близ Ала́тырь-горы и Ирия. Встретил он в горах Ладу-матушку, Мать небесную, богородицу. Поклонилась Перуну матушка, поклонилась и стала спрашивать:

— Ты куда, сынок, отправляешься? Держишь путь куда в чистом полюшке?

— Государыня Лада-матушка, Мать небесная, богородица, путь неблизок мой в чистом полюшке. Направляюсь я к зверю Скиперу, чтоб открыть ему кровь поганую, вынуть сердце его из развёрстой груди и забросить его в море синее! Чтоб родных сестёр, дочерей твоих, из неволюшки лютой вызволить!

— Ах, младой Перун, славный мой сынок! Нелегка путь-дороженька к Скиперу! По дороженьке прямоезжей птица быстрая не пролётывала, зверь рыскучий давно не прорыскивал, на коне никто не проезживал! Заколодела дорожка, замуравела, горы там с горами сдвигаются, реки с реками там стекаются! Там сидит у грязи у чёрноей, да у той ли речки Смородины люта птица Магур во сыром бору. Закричит

как Магур по-звериному, зашипит как Магур по-змеиному — так все травушки-муравы уплетаются, все лазоревы цветочки осыпаются, тёмны лесушки к земле приклоняются, а кто есть живой — все мертвы́ лежат!

— Государыня Лада-матушка, дай в дорогу мне благословение, отпусти меня к зверю Скиперу! Отплачу ему дружбу прежнюю, отолью ему кровь горячую!

— Поезжай, Перун, к зверю Скиперу, отплати ему дружбу прежнюю и отлей ему кровь горячую!

Бил коня Перун да по тучным бёдрам — разыгрался тут под Перуном конь. С гор на горы он перескакивал, он с холма на холм перемахивал, реки и озёра хвостом устилал, мелки реченьки промеж ног пускал.

И подъехал к заставе первой. Там леса с лесами сходились, там коренье с кореньем вились, ветка с веточкою сплетались. Ни пройти, ни проехать Перунушке!

И сказал Перун тёмным лесушкам:

— Вы, леса дремучие, тёмные! Разойдитеся, расступитеся, становитесь, лесочки, по-старому. Да по-старому всё и по-прежнему. Буду вас иначе я бить-ломать и рубить на мелкие щепочки!

Все лесочки встали по-старому — та застава его миновала.

Грозный бог Перун ехал полюшком, молнией-копьём сверкая, громом небо сотрясая. С гор на горы конь перескакивал, он с холма на холм перемахивал, ме́лки реченьки промеж ног пускал.

Наезжал на быстрые реки, реки быстрые и текучие. Там волна с волною сходились, с берегов крутых камни сыпались. Ни пройти ему, ни проехать!

И сказал Перун рекам быстрым:

— Ой вы, речушки, вы текучие! Потеките, реки, по всей Земле, по крутым горам, по широким долам и по тёмным лесам дремучим. Там теките, реки, где Бог велел!

По велению Бога Вышнего, по хотению по Перунову потекли те реки, где Бог велел, — та застава его миновала.

Грозный бог Перун ехал полюшком, молнией-копьём сверкая, громом небо сотрясая. С гор на горы конь перескакивал, он с холма на холм перемахивал, ме́лки реченьки промеж ног пускал.

Наезжал на горы толкучие: горы там с горами сходились, а сходились — не расходились, там пески с песками ссыпались, и сдвигались каменья с каменьями. Ни пройти, ни проехать Перунушке!

И сказал Перун тем толкучим горам:

— Ой вы, горы, горы толкучие! Разойдитеся, расшатнитеся! Ну-ка, станьте, горы, по-старому! А иначе буду вас бить-крошить и копьём на камни раскалывать!

Встали горы на место по-старому — та застава его миновала.

Грозный бог Перун ехал полюшком, молнией-копьём сверкая, громом небо сотрясая. С гор на горы конь перескакивал, он с холма на холм перемахивал, ме́лки реченьки промеж ног пускал.

И подъехал он к чёрной грязи и ко той ли речке Смородине. Не случилось у речки Смородины ни мосточков, ни перевозчиков. Стал тогда Перун вырывать дубы, начал он через реченьку мост мостить. Переехал он на ту сторону.

Видит он — сидит у Смородины на двенадцати на сырых дубах люта птица Магур страховитая. Под той птицей дубы прогибаются, а в когтях её рыба дивная: чудо-юдище рыба-кит морской.

Зарычала Магур по-звериному, зашипела Магур по-змеиному — все травушки-муравы уплетались, все лазоревы цветочки осыпались, тёмны лесушки к земле приклонились, и попятился под Перуном конь. Ни пройти ему, ни проехать!

Закричал коню грозный бог Перун:

— Что же ты подо мной спотыкаешься? Аль не слышал крику звериного? Аль не слышал свиста змеиного?

Тут снимал Перун бурю-лук с плеча. И тетивочка засвитела, громовая стрела полетела. Прострелил

стрелой пра́во крылышко — из гнезда тотчас птица выпала.

И сказал Перун грозной птице той:

— Ой ты гой еси, птица лютая! Ты лети, Магур, к морю синему, отпусти кита в море синее. Пей и ешь, Магур, ты из синя моря — будешь ты, Магур, без меня сыта! А иначе, Магур страховитая, я тебя убью — не помилую!

Полетела Магур к морю синему — та застава его миновала.

Грозный бог Перун ехал полюшком, молнией-копьём сверкая, громом небо сотрясая. С гор на горы конь перескакивал, он с холма на холм перемахивал, ме́лки реченьки промеж ног пускал.

И наехал на стадо свирепое, на звериное стадо — змеиное. Змеи те Перуна палят огнём, изо ртов у них пламя жаркое, из ушей у них дым валит столбом.

И пасут то стадо три пастыря, те три пастыря — да три де́вицы, три сестры́ родные Перуновы: Леля, Жива, Марена, украденные триста лет назад зверем Скипером. Овладел ими дух нечистый, испоганил их лютый Скипер-зверь. Бела кожа у них — как елова кора, на них волос растёт — как ковыль-трава. Не пускают они Перуна!

И сказал Перун трём сестрицам:

— Вы ступайте, сестрицы, к Рипейским горам, вы пойдите к Ирию светлому. Окунитесь в реку молочную и в сметанное чистое озеро, искупайтеся во святых волнах и омойте-ка лица белые.

И сказал Перун стаду лютому, что звериному стаду — змеиному:

— Поднимайтеся, змеи лютые, и о Землю-мать ударяйтеся, рассыпайтеся вы на мелких змей! Вы ж ползите к болотам, змеи, пейте-ешьте вы от Сырой

Земли! Вы ж, рыскучие звери лютые, расступитеся, разойдитеся по лесам дремучим и диким, все по два, по три, по-единому. Без меня вы все сыты будете!

Всё случилась так, как Перун сказал, — и застава та миновала.

Грозный бог Перун ехал полюшком, молнией-копьём сверкая, громом небо сотрясая. С гор на горы конь перескакивал, он с холма на холм перемахивал, ме́лки реченьки промеж ног пускал.

Вот приехал он в Царство Тёмное, горы в тучи там упираются и чертог стоит между чёрных скал.

Наезжал он на замок Скипера — стены тех палат из костей людских, вкруг палат стоит с черепами тын. У дворца ворота железные, алой кровью они повыкрашены и руками людскими по́дперты.

Выступал вперёд лютый Скипер-зверь, выходил к нему по-звериному, а шипел-свистел по-змеиному.

Он шипел:

— Я всей подвселенной царь! Как дойду к столбу я небесному, ухвачу колечко булатное, поверну всю Землю на синее Небо и смешаю земных я с небесными, стану я тогда всей Вселенной царь!

Но могучий Перун не страшился, наезжал на лютого Скипера, и рубил его, и колол копьём.

— Это что за чудо чудесное? Мне ведь Макошью смерть написана, да написана и завязана от Сварожича лукосильного, от Перунушки крепкорукого! Только тот Перун во Сырой Земле — значит, быть герою убитому!

— Я не чудушко и не дивушко — а я Смерть твоя скропостижная! — отвечал Перун зверю Скиперу.

— Только плюну я — утоплю тебя, только дуну — тебя за сто вёрст снесёт, на ладонь положу и прихлопну — от тебя и пыль не останется!

— Не поймавши Орла — рано перья щипать! — отвечал Перун зверю-Скиперу. — Не хвались-ка ты поезжая на брань! А хвались-ка с поля съезжаючи!

— У меня секирушка острая! — зашипел тогда лютый Скипер-зверь. — Отмахну твою буйну голову!

— Ай, не хвастай ты, лютый Скипер-зверь, у меня же есть молния-копьё, отворю твою кровь поганую!

Замахнулся Скипер секирою — по велению Бога Вышнего во плече рука застоялась, никуда рука не сгибалась, и из рук секирочка падала и изранила зверя Скипера. Скипер-зверь тут стал уклоняться, приклонился он ко Сырой Земле, стал просить-молить бога мощного:

— Я узнал тебя, праведный Перун! Ты не делай мне смерть ту скорую! Смерть ту скорую, скропостижную! Дай три года мне сроку-времени! Дам тебе за то горы золота!

Отвечал ему сильный бог Перун:

— Я не дам тебе даже трёх часов! Золото твоё — всё неправое, оно кровью людскою полито!

— Ой ты, праведный, грозный бог Перун! Ты не делай мне смерть ту скорую! Смерть ту скорую, скропостижную! Дай ты срока мне хоть на три часа! Дам тебе за то горы золота, я отдам тебе силу всю свою!

— Я не дам тебе даже трёх минут! Твоё золото всё неправое, твоя силушка — вся бессильная!

— Ой ты, праведный, грозный бог Перун! Ты не делай мне смерть ту скорую! Смерть ту скорую, скропостижную! Дай ты срока мне три минуточки! Дам тебе за то горы золота, я отдам тебе силу всю свою, станешь ты царем поднебесной всей!

— Я не дам тебе сроку-времени! Золото твоё — всё неправое, твоя силушка вся бессильная, в Тёмном Царстве же правит Кривда пусть!

Тут ударил Перун зверя Скипера, отворил ему кровь поганую, из развёрстой груди вынул сердце он — далеко метнул в море синее.

Высоко поднял зверя-Скипера и на Землю Мать уронил его. Мать Сыра Земля расступилась, поглотила всю кровь поганую, и упал в провал лютый Скипер-зверь.

И Перун златоусый тогда завалил то ущелье горами Кавказскими. И где высились горы Чёрные, там поднялися горы Белые.

Коль под теми хребтами и горушками лютый Скипер-зверь зашевелится — Мать Сыра Земля воскорлеблется.

И забрал Перун трёх родных сестёр, и повёл он их ко Кавказским горам, и привёл их к Ирию светлому.

И сказал он им:

— Вы, сестрицы мои! Вы снимайте скорей кожу прежнюю, как кора еловая грубую. Искупайтеся во молочной реке и очистите тело белое.

И тогда три сестрицы Перуновы кожу скинули заколдованную, во молочной реке купались, в чистых водах тех омывались.

Приходил Перун к Ладе-матушке, светлой матери, богородице.

— Государыня Лада-матушка, мать небесная, богородица! Вот тебе три дочки родимые, мне же — три сестрицы любимые!

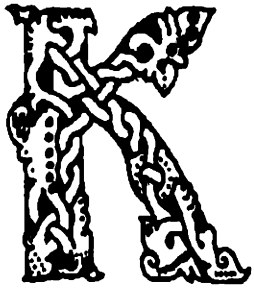
И вернулись так вместе с Лелею — Радость и Любовь в поднебесный мир. Вместе с Живою оживляющей возвратилась Весна со цветами. А с красавицею Мареною — Осень и Зима со снегами.

ТРЕТИЙ КЛУБОК

ПЕРУН И ДИВА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как женился Перун на Перунице — молодой Додолушке-Диве. Как Морского Царя победил Перун. Как поссорился с богом Велесом!

— Ничего не скрою, что ведаю...

ак по морюшку белопенному чернокрылая Лебедь плавала. И кружился над ней млад сизой Орёл:

— Я настигну тебя, Лебедь чёрная! Кровь пущу твою в море синее, пух и перья развею по ветру! Кто-то пёрышки собирать начнёт?

Обернулася та Лебёдушка во Додолушку молодую. Обернулся тут млад сизой Орёл во Перуна сына Сварожича.

Говорил Перун Диве-Лебеди:

— Помни, Дивушка, слово верное! Как придёт пора — время летнее, я к тебе приду, Дива, свататься!

Из-за морюшка, из-за синего поднималася непогодушка, собиралися тучи тёмные. Тучи тёмные и гре-

мучие. У всех грозных туч турьи головы. Поперёд-то стада туринова выезжал Перун да на турице.

Подходили те тучи к Ирию. И подъехал Сварожич на турице ко Сварогу — богу небесному и ко матушке-государыне. Он подал отцу руку правую, ну а матери руку левую. И сказал он им таковы слова:

— Мой отец, Сварог, Лада-матушка, я прошу у вас позволения, чтобы мне возвести золотой дворец на горе в саду светлом Ирии. Чтобы видеть мне, как гуляет здесь молодая Дива-Додолушка, яснооkая дочка Дыя.

— Что ж, построй, сынок, во саду дворец!

И построил Перун во саду дворец, изукрасил его красным золотом и каменьями драгоценными.

На небесном своде — Красно Солнышко, во дворце Перуна также Солнышко — дорогим алмазом под высоким сводом. Есть на небе Месяц — во дворце есть месяц, есть на небе звёзды — во дворце есть звёзды, на небе Заря — во дворце заря. Есть в нём вся красота поднебесная!

Как в ту порушку, время к вечеру, захотелось младой Додолушке во зелёном саду прогуляться, посмотреть на дворец изукрашенный. Попросила она дозволения у Сварога — хозяина Ирия. Диве дал Сварог дозволение:

— Ты ступай, племянница милая, молодая Дива-Додолушка, разгуляйся ты во зелёном саду. Пусть сегодня тебе посчастливится!

Снаряжалась Дива скорёшенько, обувалася, одевалася, и пошла она во зелёный сад. Да недолго в саду гуляла — подошла к крылечку Перунову.

И увидел Сварожич Додолу, выходил он к ней во садочек.

— Ты зайди ко мне, Дива милая, посмотри на убранство палат моих и на камни мои драгоценные.

Заходили они в палаты. А Перун Додолу усаживал, приносил ей разные кушанья, говорил он ей речи сладкие:

— Украшал я алмазами гнёздышко, на завивочку серебро я клал, по краям водил красным золотом, плисом-бархатом устилал его. Свивши гнёздышко, вдруг задумался: на что мне, Орлу, тёпло гнёздышко? Коли нет Орлицы во гнёздышке? Коли нет у меня молодой жены? Ай, послушай меня, Дива милая! Много времени жил на свете я, много видел девиц-красавиц я, но такую, как Дива Дыевна, никогда, нигде я не видывал. Я желаю к тебе, Дива, свататься!

Тут Додолушка испугалася и горючими слезами обливалася, от яств-кушаний отказалася и скорым-скоро́ из дворца ушла. Стала Дива Сварогу жаловаться:

— Ваш сынок во глаза надсмехался мне, говорил он мне о супружестве!

Отвечал Сварог Диве плачущей:

— Нет, Додолушка-Дива, Перун не смеялся — говорил тебе правду сущую. Я скую теперь золотые венцы, чтобы вскоре вас обвенчать!

А тем временем молодой Перун полетел к Уралу великому, к Дыю — батюшке Дивы-Додолушки. И вошёл он в гридницу Дыеву, и сказал он Дыю и Дивии:

— Мне жениться пришла пора-времечко. Не могу жениться на Ладе я — то любимая моя матушка, и на Леле, на Живе, Маренушке — то сестрицы мои родимые. Лишь на Диве-Додоле могу я жениться — не сестра то моя и не матушка! Прилетел я к вам Диву сватать. За меня отдайте Додолу!

Тут подал Дый-отец руку правую, а мать Дивия — руку левую. И отдали Перуну Диву.

И назначили вскоре свадьбу. Стали к свадьбушке собираться и в обратный путь снаряжаться.

И о свадьбе прослышала вся Земля. Слух дошёл и в царство подводное, в Царство Тёмное Черноморское.

Там на дне морском — воды зыблются, там шевелится Черноморский Змей. Он живёт в дворце белокаменном — чудно те палаты украшены янтарем, кораллами, жемчугом.

А на троне там — Черноморский Змей, царь Поддонный Морской чудо-юдище. Окружают его стражи лютые — раки-крабы с огромными клешнями. Тут и рыба сом со большим усо́м, и налим-толстогуб губошлёп и беззуб, и севрюга, и щука зубастая, и осётр-великан, жаба с брюхом — что жбан, и всем рыбам царь — Белорыбица!

Черномору дельфины служат, и поют для него русалки, и играют на гуселькáх звонких, и трубят в огромные раковины.

Как запляшет Змей Черноморский — разойдутся волны великие. Будет он плясать по морским волнам, по крутым берегам, по широким мелям. И от пляски волны взбушуются, разольются быстрые реки, будет пениться море синее.

И взовьётся над морюшком птица Стратим. Приплывут и чуда морские. С ними и Тритон Черноморский во морских волнах разыграется!

Как узнал про свадьбу Перунову Черноморец Поддонный царь, поднялся́ тотчас со морского дна, покатил по морюшку синему мимо гор Тавриды к Ирийским горам.

И прорёк тут царь Черноморский:

— Я великий До́н! Царь Поддонный! Вот мой брат, владыка Азовского моря, — муж Азовушки белой Лебеди! Значит мне, Черноморцу, супругом быть чёрной Лебеди Дивы Дыевны!

Как на берег морской, бережок крутой, выходила Дива-Додолушка. Где стояла сосна, там стояла она — умывалась Додолушка чистой водой, увидала Додолушка Змея Морского.

Вот по морюшку едет Поддонный Змей, правит он златой колесницей. В колеснице его семь могучих коней, а восьмой — вороной, буйный и озорной.

— Ты садись ко мне, Дива милая! Мы поедем по морю в подводный дворец! Мы от Дона поедем к Дунаю! Я по морю тебя покатаю!

Стала Дива-Додолушка воду черпать, стала Дивушка Змея водой поливать — стала в море вода прибывать.

— Я бы рада была вдоль по морю гулять, только я по небу гуляю, с громом в тучах гремучих играю!

И пропела Дива-Додолушка:

Ты плыви, чудо-юдо, рекою —
и оставь-ка меня в покое!
Ты плыви крутым бережочком —
я останусь здесь на мосточке!
Ты плыви по морюшку синему —
я останусь-ка лучше в Ирии!

Рассердился тут Черноморский Змей — море синее расшумелось, вихри буйные закружились. Полетел Черномор с моря Чёрного на своей златой колеснице и надвинулся тьмой на Ирийский сад.

Из одной главы Черномора искры сыпали и лизал огонь. А из пасти другой ветер-вихрь ледяной завывал и всё замораживал.

Все деревья склонялись в Ирии, с них листва и плоды градом падали. Ну а третья глава чуда-юдища на Сварога гордо покрикивала:

— Ты отдай, — вскричал грозный Царь Морской, — за меня, Змея лютого, Диву! Дай без драки-кровопролития, а иначе будет смертельный бой!

Ничего не ответил Сварог ему.

— Знай, — вскричал опять Черноморский Змей, — что разбит Громовержец будет, для Перуна я откопаю во Земле Сырой яму прежнюю!

Ничего не ответил Сварог ему.

— Я даю тебе сроку-времени для меня готовить подарочки! Собери нарядных сватов скорей, чтоб весёлую свадебку праздновать!

Ничего не ответил Сварог ему.

То не дождь дождит, то не гром гремит. То не гром гремит — шум велик идёт, поднимается буря великая!

То летел с восточной сторонушки млад сизой Орёл — грозный бог Перун! Вместе с ним летел грозный Дый-отец. Закричал Орёл чуду-юдищу:

— Ах ты, Чудо Морское, Поддонный царь! Аль ты хочешь, Змей, погубить весь Мир? Аль ты хочешь сразиться со мною и со всею силой небесною?

Тут сбиралися гости-сватушки: Дый-отец, Семаргл со Стрибогом, также Велес, Хорс со Сварогом.

— Победили мы Змея Чёрного, победим и тебя, Черноморский Змей!

И тогда Черномор — чудо-юдище прыгнул в воду морскую, на самое дно он нырнул от войска небесного.

И изрёк Перун, глядя в тёмну глубь:

— Здесь — во хладной тьме, во морской струе, омывающей тело Змеево, — быть теперь тебе, здесь тебе сидеть до скончания света белого!

Собирал Сварог свадьбу в Ирии, созывал гостей на почестен пир.

Соезжалися-солеталися гости к празднику развесёлому с поднебесной всей — Света Белого. Затужила тогда Лада-матушка:

— Чем же будем гостей-то мы потчевать?

Отвечала Корова небесная:

— Не грусти, не тужи, Лада-матушка! Есть у нас и реки молочные, берега у речек — кисельные, есть и

белый хлеб, и хмельно вино, мы напо́им, нако́рмим гостей своих.

Тут Сварог Семаргла Сварожича к Ребям-кузнецам посылал. Кузнецы его привечали:

— Ты зачем, Семаргл, к нам пожаловал? Самый юный, с каким поручением?

И ответ держал Огнебог-Семаргл:

— Вы Сварога небесного кубок перекуйте в четыре кубка! Скуйте также вы шесть златых коней, а затем колесницу Грома!

Кузнецы сковали булатных коней, колесницу Грома — Перуну, чтобы он на той колеснице всю Вселенную объезжал. И Сварога кубок перековали на четыре волшебных кубка.

И поехал Перун в колеснице — шесть коней в колесницу впря́жены. А уж как все кони-то у́браны, всё коврами, шёлком украшены, золотыми звенят подковами, сбруя светится скатным жемчугом.

— Ах вы, кони мои, кони резвые, сослужите мне службу верную, повезите меня за невестою по небесному своду синему! Выйди, радость моя, Додола! Ты послушай, как звонко подковы о дорогу небесную цокают!

Проезжал Перун мимо кузницы и сказал Сварогу небесному:

— Ах, кузнец, мой отец, ты искуй мне венец, из остаточков — золото́ кольцо и булавочки из обрезочков. Скуй мне свадебку, милый батюшка! Уж я тем венцом повенчаюся, а булавочкой притыка́юся ко любезной моей невестушке, распрекрасной моей Додоле.

Призывал Перун друга Велеса, чтоб Сварожич стал кумом-сватушкой, чтобы вёл колесницу по небу он.

Подъезжали они к саду Ирию, ко дворцу невесты Додолушки. Собирались туда, солетались стаи птиц небесных — то сватушки, гости то со всей поднебесной. И садились они за златые столы, и садились за камчаты скатерти.

Выходила тут Дива милая, говорила она дорогим гостям:

— Встала утречком я ранёшенько, умывалася я белёшенько, утиралася русою косой. И брала́ косу́ — девичью красу́, относила её в чисто полюшко, и повесила на ракитов куст. Налетели тут ветры буйные, раскачали они част ракитов куст — и косу́ мою растрепали.

Отворачивала Додолушка рукава свои, омочила их во речной струе. Омочила их — в Лебедь чёрную превратилась. Обернулся тут Громовержец молодым Орлом, сизой птицею — и настиг тотчас Лебедь чёрную.

И упала Дива-Додолушка во зелёный лес чёрным пёрышком, перекинулась Ланью быстрою. А Перун в миг стал серым Волком и настиг её во дубравушке.

И тогда Додолушка Щукою унырнула в море глубокое. Тут Перун младой призадумался, стал совета просить у матушки:

— Что мне делать — скажи, Лада-матушка?

Позвала́ тогда Лада-матушка Макошь с Долею и Недолею. Стали Долюшка и Недолюшка прясть и ткать судьбу вместе с Макошью. Пряли, ткали они, и вязали они крепкий невод. И поймал Перун этим неводом златопёрую Щуку-Диву.

— Не уйти от судьбы тебе, Дива!

Говорил тогда Дивушке отец:

— Ай ты, Дива-душа, Перуница! Почему не поёшь и не пляшешь? Косу ты расплела? С неба звёзды смела? И омыла ль росой Землю-Матушку?

— Не хотела я косу свою расплетать, не хотела я звёзды с небес убирать — я стояла всю ночь и глядела, а потом я по небу гуляла, громом в тучах гремучих играла...

Выходила тогда Лада-матушка, выносила ларчик окованный:

— Ой ты, ларчик мой, ларь окованный! Ой, окованный ларь и прида́нный! Я не в год тебя накопила, я не два тебя сподобля́ла. Но на то была воля Вышня — в час единый тебя раздарила.

Вот — возьми, Перун, золочёные стрелы — громовы́е стрелы, могучие. Ты же, Дива-Додола, — небесный огонь, всё сжигающий, опаляющий. Вот ещё вам — пёстрая ленточка.

Вы красуйтеся, вы любуйтеся, распускайте вы ленту-радугу после дождика, после частого, чтобы всем было в мире радостно!

И пропела Дива-Пе́руница:

Пойдём, Перун, погуляем —
над полями и над лесами!
Ты с грозой пойдёшь, а я с молнией!
Ты ударишь грозой, а я выпалю!

Пойдём, Перун, погуляем —
над полями и над лесами!
Ты с дождём пойдёшь, а я с милостью...
Ты польёшь водой, а я выращу...

Все довольны свадьбой Перуновой, они пьют-едят, веселы́ сидят. Лишь один опечалился сватушка, он повесил буйную голову.

Это друг Громовержца Перуна — сам бог Велес-Семаргл сын Сварожич.

Позавидовал он Перуну, как увидел его невесту. Позабыл в тот миг всё на свете он, позабыл тотчас дружбу прежнюю — возжелал украсть Диву милую.

И когда поехали сватушки от порога Додолы в Перунов дом, он повёз колесницу Дивы, говорил он ей таковы слова:

— Увезу я тебя, Перуница, далеко́ — на край Све́та Белого! Стань же, Дива-душа, ты моею женой! Вот тебе кольцо золотое, ты надень колечко на палец!

— Я не стану, Велес, твоею! Не гневи ты Рода небесного!

К Диве рученьки он протягивал, — по велению Рода-батюшки руки Велеса не вздымались, зла́ты кольца все распаялись. Загремели гро́мы небесные.

Опалила тогда Семаргла Дива молнией в облаках. И упал с колесницы Велес, вниз слетел со свода небесного.

А Перун Громовержец в гневе повернул за ним колесницу, громовы́е метая стрелы, сотрясая небесный свод.

Тут Перуну путь преградила мать Земун Корова небесная.

Протянул ту Корову он плёточкой. Но ему Корова промолвила:

— Не стегай, Перун, меня плёточкой, не пускай в меня громово́й стрелой! И не трогай, Перун, — чадо милое, моего неразумного Велеса! Ты обрушишь вниз небо синее, всё живое ты умертвишь тотчас!

Повернул тогда Громовик коней, громом неба свод потрясая.

Вслед ему сказала Корова:

— Я к тебе на свадьбу пожалую, стану я средь сада Ирийского, золотыми рогами весь сад освещу, вместе с Хмелем гостей дорогих веселя, а особенно Диву-Додолушку, молодую нашу невестушку!

В небесах летал млад сизо́й Орёл, и Орлица с ним увивалась.

Била крыльями птица Матерь Сва, и парили Стратим, Сирин, Финист и Ра́рог стаей светлою в небе синем.

Но не просто то птицы светлые: то не Лебедь-Сва — Лада-матушка, не Орёл — Перун, не Орлица — а Дива, и не Ра́рог — Семаргл, не Стратим — а Стрибог, Сирин — Су́рья-бог.

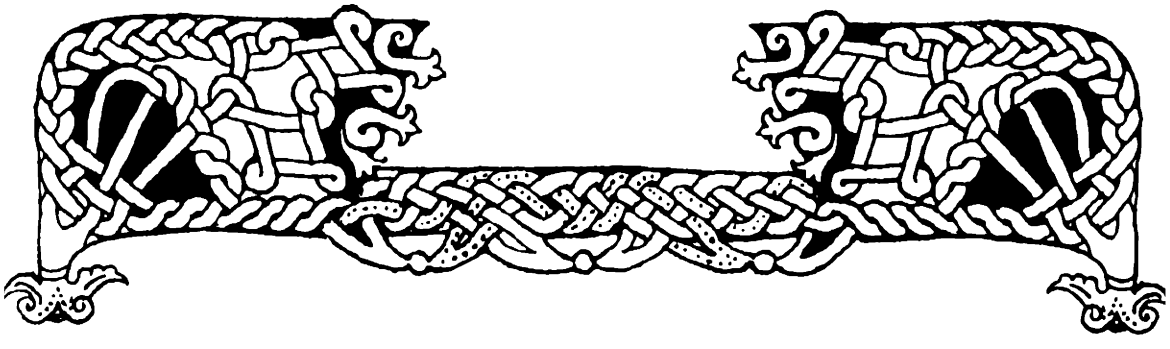
То не стаи в небе певучих птиц, то кружились в небе три облачка. На одном сидел Громовик-Перун, на другом Моло́нья-Перуница, а на третьем — Сваро́г со Сварожичем.

Как Перун громыхал в синем небе, как огнём палила Перуница, как Сварожич-Стрибог веял ветром, так дубравушки приклонялися, травушки-муравы уплеталися, море синее колебалось.

Продолжалася свадьба в Ирии!

КОРОБ ВЕЛЕСА

ПЕРВЫЙ КЛУБОК

ВЕЛЕС, ДИВА И ЯРИЛА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как уехал Перун в чисто полюшко. И как Велес за Дивой ухаживал, как роди́ла она Ярилу! Расскажи нам о том, как построен был Китаврулушкой Китеж-град!

— Ничего не скрою, что ведаю...

оворил Перун Диве дивной:

— Собираюсь я в чисто полюшко, отправляюсь за край Све́та Белого биться с силушкою Кащея.

Оседлал коня Бурю грозную, собирал в колчан стрелы-молнии, брал и палицу громову́ю.

Провожала Перуна Дива. Провожала его и спрашивала:

— Ай же ты, Перун сын Сварожич! Ты когда вернёшься обратно?

И ответ держал Громовержец:

— Как всколы́шется море синее, и всплывёт на морюшке камень, и на камне куст расцветёт, запоёт на нём соловей, так вернуся я в светлый Ирий.

И ещё сказал Громовержец:

— Жди меня ты, Дива-Перуница, ровно шесть веков. Если я не вернусь с чиста полюшка — выходи тогда, Дива, замуж. Выходи за любого, Дива, не иди лишь за Велеса Сурича!

Говорила Дива-Додолушка:

— Как одно было Солнце Красное, а теперь оно закатилось и остался лишь светлый Месяц... Был один Перун сын Сварожич, и уехал он в чисто поле...

И ждала Перуна Додолушка долгих шесть веков. Не вернулся Перун с чиста полюшка. Море синее не всколы́хнулось, и не всплыл на морюшке камень, не расцвёл на камне кусток, не запел на нём соловей.

День идёт за днём — будто дождь дождит, за неделей неделя — травой растёт, год за годом — рекой течёт...

Стал Сварог тут к Диве похаживать, стал он Дивушку подговаривать:

— Что же жить тебе, Дива, вдовой молодой — ты пойди-ка замуж, Перуница, хоть за Велеса сына Сурича!

Говорила Дива-Додолушка:

— Я отвергла Велеса-До́на, Огнебога Велеса также! И Коровы Сына отвергну я — бога Велеса сына Сурича! Я исполнила му́жню заповедь, а теперь исполню свою: подожду его ещё шесть веков...

И опять день за днём будто дождь дождит, за неделей неделя — травой растёт, год за годом — рекой течёт...

Вот и шесть веков миновало. Не пришёл Перун с чиста полюшка. Сине морюшко не всколы́хнулось, не поднялся камень горючий, не расцвёл на камне кусток, не запел на нём соловей...

А в ту порушку к Диве Дыевне приезжал сам Велес сын Суревич. И привёз к ней весть о Перунушке.

— Поднимался я в небо звёздочкой, в синем морюшке плавал Щукою — не нашёл Перуна Сварожича. Лишь когда цветком обернулся — отыскал его в чистом поле. Видел я Перуна Сварожича. Обернулся он в Дуб зелёный, рядом с ним качалась Рябинушка — то русалка Рось, дочка Дона.

Не поверила Дива Дыевна:

— Я двенадцать веков жду Перуна, подожду ещё — он вернётся. И всколышется море синее, и всплывёт на морюшке камень, расцветёт на камне цветок, запоёт на нём соловей...

Но прорёк бог Велес Перунице:

— Ты всё ждёшь Перуна Сварожича. Ну а он хранил тебе верность? Вот Дажьбог чей сын — не его ли? Иль считать Дажьбога Сварожичем, если Камень Роси обтесал Сварог?

И ещё сказал Велес Суревич:

— У Перуна Сварожича деток, словно звёздочек в небесах. От его объятий и молний затруднело немало дев...

Осерчала Дива-Перуница, и сверкнула молния в тучах, раскатился по небу гром.

И вскочила Дива-Додолушка да на Бурю-коня Черногривого. Поскакала из Ирия светлого вслед за Велесом, сыном Сурьи, да ко тем лесам ко Заволжским, да ко реченьке Сурье-Ра.

— Я тебя, Велес Сурич, Коровий Сын, растопчу за дерзкое слово!

И тогда бил копытом своим Буря-конь, где стоял пред девою Велес. Там, где он ударил копытом, во земле явился провал. И заполнился он водою, не простою водой — святою.

Так в Заволжье явилось озеро, что прозвалося *Светлояр.*

И тотчас цветком белым Ландышем обернулся Велес сын Суревич. Встал у озера Светлоярова под кустом колючим, терновым.

Изумилася Дива Ландышу. Сердце у неё пробудилось, кровь по жилочкам расходилась. И вошла она в Светлояров лес, сорвала́ в лесу том цветочек. И явился пред девой Велес, взял он за́ руку Диву Дыевну. И друг другом они любовались, целовались и миловались.

Говорил тогда Велес Суревич:

— Ой ты, Дива-душа! Дивно ты хороша! Мы устроим с тобой, Лебёдушка, близ Святого озера гнёздышко! Соловьи пусть поют нам ночами, мы украсим гнездо-то цветами...

И тотчас призвал Велес Суревич — Китавурла бога-строителя. Тот уже построил три города: Сурож-град Алатырский на полдне, Солновейский Асград на полу́-ночи, Радоне́ж на западе Солнца.

И сказал ему Велес Суревич:

— На востоке теперь возведи ветроград, назови его Китеж-град! Близ сего Светлоярова озера разведи купальский костёр, а потом из золы ты насыплешь валы́. Сделай из венков девичьих чудо-кремль на костровище. Башни выстрой из цветов, а детинец из грибов! Терема — из желудей дубовых, а из шишечек хоромы! Пусть придёт пора чудес — будет город там, где лес! Где горели костры — вознесутся шатры! Встанут улицы и дворцы!

И построил тогда Китаврул ветроград; и назвал его Китеж-град. Город он возвёл для счастья, выстроил волшебник башню о семи шатрах на семи ветрах.

Сделал злат престол в сей башне, чтоб войти в неё хотелось, чудеса внутри увидеть за резными воротáми и высокими стенáми...

Велес Суревич в сей башне *Книгу Вед* от мира спрятал: письмена на дóсках старых, крышки книги золотые, украшения литые. И заклятыми цепями приковал её к престолу.

Мудрость жизни, тайны мира в этой книге начертал он, и Сварожии заветы, древние установленья, — то, что золота дороже, что оплот добра и правды.

Велес в Семиверхой башне время проводил в застолье, на пиру сидел с друзьями. Птицу-песнь в полёт пускал он.

Птицу Сирин, дочку Сурьи, синекрылую летунью, что родилась без отца, и без матушки родимой, выросла без милых братьев и без ласковых сестричек. И сковал Сварог сей птице чудо-крылья легче ветра...

И когда она взлетала с этой Семиверхой башни, пела семь она сказаний, возносясь в златую Сваргу в облаках дорогой радуг...

Вот и ныне в Китеж-граде Велес Суревич пирует, радуясь рожденью сына — бога светлого Ярилы. Рядом с ним пирует Дива, что Перуна не дожда́лась, Велесу женою стала по Сварожьему закону.

И тогда бог Велес Сурич в небо синее направил птицу-песню, птицу Сирин. И запела в горних высях птица Сирин песню счастья.

Как Ярилушка родился — мир как Солнцем озарился!
Как Ярила улыбнётся — вся вселенная смеётся!
Как Ярилушка встаёт ото сна —
снова к нам приходит весна!
Славься Божьей силой, светлый бог Ярила!
Сыну Велеса с Дивой — Яриле хвала!

А в ту пору Перун был во Чёрных горах. Стал тут конь под ним спотыкаться. Говорил Перун сын Сварожич:

— Что ж ты, конь, идёшь-спотыкаешься?

Провещал тогда Громовержцу конь:

— Ай же ты, Перун Громовержец, над собой невзгоды не ведаешь, что Додола-Перуница замуж пошла да за Велеса сына Сурича! Третий год уж Велес пирует в Светлояровом Китеж-граде!

Удивился речи Сварожич:

— Я двенадцать лет был во Чёрных горах, бился я с Кащеюшкой Виечем, а Додолушка не дожда́лась, вышла замуж за Велеса Сурича!

И Сварожичу молвил тогда ве́щий конь:

— Здесь, во Чёрных горах, не по-нашему: год пройдёт, на Руси — сотня лет!

Тут Перун коня плетью стёгивал. Начал конь Перуна поскакивать, с гор на горушки перескакивать.

Перескакивал реки широкие, а долинушки промеж ног пускал.

Не Орёл летел из-за моря и гор — то Перун летел в Китеж-град святой.

Воды тут разошлись Светлояра, и поднялся в озере камень, и расцвёл на камне кусток, и запел на нём соловей.

И увидела это Дива, оттолкнула она буйна Велеса и сказала такое слово:

— Не тот муж, что возле меня сидит, а тот муж, что встал на пороге! То Перун Громовержец, Сварога сын! Ты прости уж меня за такую вину, что пошла я за Велеса буйного!

Говорил Перун Громовержец:

— Не тому я дивлюсь, что ты замуж пошла, а дивлюсь я Сварогу и Ладе, что жену у мужа просватали!

И поднялись они на небесный суд из святого Китежа в Сва́ргу. Вознеслись мостом семицветным, да по той по радуге Божьей.

И прорёк им Сваро́г:

— Видно, Род так судил. Видно, так завязано Макошью.

Говорил тут Велес Перуну:

— Ты прости уж меня за такую вину, что женился я на Додоле!

И ответил ему Громовержец:

— Ту вину, что на Диве женился, — Род тебе простил, да и я прощу. Не прощу я тебе другое — то, что ты сказал, будто я ко Перунице не вернуся! Что супруга моя печалилась и слезила очушки ясные.

И схватил он Велеса Сурича. И броса́л он его из Сварги на ту го́рушку Сарачинскую.

И тут Велесу с Дивою славу поют. Прославляют и Громовержца, и Ярилушку, внука Солнца!

ВТОРОЙ КЛУБОК

ВЕЛЕС И БУРЯ-ЯГА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о боге великом — Велесе. Как, поссорившись со Перунушкой, за Смородину он поехал. Как женился сын Суръи на Буре-Яге!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Прежде было у Велеса время, честь была ему и хвала!

Ну а ныне пришло безвременье, лихо горькое, гореванное... А виной тому — слово лишнее, что Перунице было сказано.

— Были мы с Перуном товарищи, ну а ныне пошла наша дружба врозь. А виной тому Дива Дыевна, помутившая светлый разум!

Закручинился он, опечалился, и с печали той оседлал коня, и поехал прочь от Заволжских гор ко чужой земле, царству Змееву.

Доезжал до речки Смородины. А вдоль бережочка Смородины кости свалены человеческие, волны в реченьке той кипучие, — за волной ледяной плещет огненная, и бурлит она, и клокочет!

Волны вдруг в реке взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжал тут Горыня Змеевич, чудо-юдище шестиглавое! Скалы он и горы вывёртывал, через речку их перебрасывал.

Тут под чудищем встрепенулся конь.

— Что ж ты, волчья сыть, спотыкаешься? Аль ты думаешь, будто Велес здесь?

Выезжал к нему грозный Велес:

— Ай да полно тебе рушить горушки! Уж мы съедемся в чистом поле! Мы поборемся-поратаемся — да кому Всевышний поможет?

Соезжались Велес с Горынею, бились в полюшке трое суточек — бились конными, бились пешими. Подвернулась ножка Горыни — он упал на Землю Сырую. И взмолился он буйну Велесу:

— Ты не бей меня, буйный Велес! Лучше мы с тобой побратаемся — буду я тебе братом на́званым!

Поднимался тут Велес Суревич. Называ́л он братом Горынюшку.

И поехали братья полюшком вдоль той речки быстрой Смородины — и заехали во дремучий лес. Волны вдруг на реке взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжал Дубынюшка Змеевич, чудо-юдище трёхголовое!

Он дубы выворачивал с корнем и за реку их перебрасывал. Тут под чудищем встрепенулся конь.

— Что ж ты, волчья сыть, спотыкаешься? Аль ты думаешь, будто Велес здесь?

Выезжал к нему грозный Велес:

— Ай да полно тебе выворачивать пни! Уж мы съедемся в чистом полюшке! Мы поборемся-поратаемся — да кому Всевышний поможет?

Соезжались Велес с Дубынею, бились в поле они трое суточек — бились конными, бились пешими. Подвернулась ножка Дубыни, и упал он дубом подкошенным. И взмолился он буйну Велесу:

— Ты не бей меня, буйный Велес! Лучше мы с тобой побратаемся — буду я тебе братом на́званым!

Поднимался тут Велес Суревич. Называ́л он братом Дубынюшку.

И поехали тут вдоль реченьки вместе с Велесом братья Змеичи — Змей Горыня могучий с Дубынею.

Видят: вот — разлилась Смородина, в три версты шириною стала. Запрудил здесь речку Смородину сам могучий Усыня Змеевич. Ртом Усыня реченьку запер, усом ловит он осетров в реке.

Выезжал к нему грозный Велес:

— Ай, довольно тебе рыб ловить в реке! Уж мы съедемся в чистом поле! Мы поборемся-поратаемся — да кому Всевышний поможет?

Соезжались Велес с Усынею, бились в поле они трое суточек — бились конными, бились пешими. Подвернулась ножка Усыни, и упал Усыня сын Змеевич. И взмолился он буйну Велесу:

— Ты не бей меня, буйный Велес! Лучше мы с тобой побратаемся — буду я тебе братом на́званым!

Поднимался тут Велес Суревич. Называ́л он братом Усынюшку.

И поехали братья дальше. И сказал тогда братцам Змеевичам Велес, сын Коровы небесной:

— Как бы нам перейти на ту сторону?

Тут Усыня-Змей пораскинул усы — и по тем усам через реченьку перешли они в царство Змеево.

Видят: там во лесочке изба стоит и на ножках куричьих вертится. Вкруг избушки той с черепами тын, каждый череп огнём пылает.

И сказал избушечке Велес:

— Повернись к лесу задом, к нам передом!

Повернулась избушка как сказано. Двери сами в ней растворились, окна сами настежь открылись. Вот заходят в избу — нет в избе никого, есть лишь рядом хлевец, в хлеве — стадо овец.

— Что же за старушка в сей живёт избушке?

И ответил так Велес Суревич:

— То Ясуня Святогорка, что была прекрасной девой, а теперь Ягою стала. Ведь она рассталась с мужем, что Денницей был повержен, что был Доном, стал Поддоным — ю́душкою Черноморским!

И остались они в той избе ночевать.

А наутро Велес с Дубынею и Усынею в лес поехали. А избушку у речки Смородины сторожить Горыню оставили.

Потемнело вдруг небо синее, закрутилися вихри пыльные, прилетела тут в ступе огненной, за собою путь заметая, в вихре Буря-Яга Золотая Нога, разудалая Святогорка!

Подлетела она к избушечке. Стуки-стуки-стуки-стук — на крыльцо! Бряки-бряки-бряки-бряк — за кольцо!

— Ты вставай-ка, Горыня, отворяй ворота! Разводи-ка быстрей в печке жаркий огонь! Накорми меня, напои меня!

Отвечает Горыня Яге:

— Не кричи! Ужо слезу сейчас я, Ясуня, с печи и тебя булавою попотчую!

Осерчала Яга — хлеб взяла со стола, стала бить краюшкою Змеича. И побила его, оглушила, чуть живого под лавочку бросила.

А сама затем съела братцев обед — трёх овец и барана зажаренного:

— Мне стряпня ваша очень понравилась! Ждите, скоро опять на обед прилечу!

Как из леса приехали братцы, спросили:

— Что ж, Горыня, ты нам не сготовил обед?

— Я не мог приготовить — я так угорел, что и сил не имел с места сдвинуться.

Снова братья уехали в лес на охоту, а в избушке Дубыню оставили.

Подлетела к избушечке Буря-Яга. Стуки-стуки-стуки-стук — на крыльцо! Бряки-бряки-бряки-бряк — за кольцо!

— Ты вставай-ка, Дубыня, отворяй ворота! Разводи-ка быстрей в печке жаркий огонь! Накорми меня, напои меня!

Тут ответил Дубыня Яге:

— Не кричи! Ужо слезу сейчас я, Ясуня, с печи и тебя булавою попотчую!

Осерчала Яга и взяла помело — и побила Дубынюшку Змеича, чуть живого под лавочку бросила.

Как приехали братцы, спросили его:

— Что ж, Дубыня, и ты не сготовил обед?

— Я не мог приготовить — я так угорел, что и сил не имел с места сдвинуться.

Снова братцы уехали в лес на охоту, а в избушке Усыню оставили.

Подлетела к избушечке Буря-Яга. Стуки-стуки-стуки-стук — на крыльцо! Бряки-бряки-бряки-бряк — за кольцо!

— Ты вставай-ка, Усыня, отворяй ворота! Разводи-ка быстрей в печке жаркий огонь! Накорми меня, напои меня!

Тут ответил Усыня Яге:

— Не кричи! Ужо слезу сейчас я, Ясуня, с печи и тебя булавою попотчую!

А Яга тут схватила его за усы и давай по избе великана таскать — и побила Усынюшку Змеича, чуть живого под лавочку бросила.

Как приехали братья, спросили его:

— Что ж, Усыня, и ты не сготовил обед?

— Я не мог приготовить — я ус подпалил и не смог потом с места сдвинуться.

Велес после остался, зарезал барана и на лавочку лёг отдохнуть на часок.

Прилетела Яга ко избушечке.

Стуки-стуки-стуки-стук — на крыльцо! Бряки-бряки-бряки-бряк — за кольцо!

— Ну-ка встань, сын Коровы, отворяй ворота! Разводи-ка быстрей в печке жаркий огонь! Накорми меня, напои меня!

Велес, буйный бог, с лавки вскакивал, булаву булатную схватывал:

— Ай ты, Буря-Яга Золотая Нога, удалая ты Святогорка! Мы и сами три дня не едали, мы и сами три дня не пивали!

И схватил он Ягу Святогоровну, стал её булавою охаживать и таскать по избушке за волосы.

Вырывалася Святогорка, выбегала она из избушечки, побежала от грозного Велеса по горам, долинам широким.

Вслед за Бурей ринулся Велес.

Прибежала Яга ко горе Сарачинской. А на той горе — Чёрный Камень. Подползала она под Камень — и ушла от Велеса буйного.

Воротились в избушку товарищи — и привёл он их к Камню Чёрному.

— Надо Камешек повернуть, — сказал.

Налегли Усыня с Дубынею, им помог и Горыня Змеевич. Тянут-тянут — не могут его свернуть. Подошёл к Камню Чёрному Велес — и одною рукой своротил скалу. Братья глянули, а под Камешком пропасть страшная показалась. Это вход был в Пекло подземное.

И сказал им Велес Коровий сын:

— Мы зверей начнём забивать-ловить, и ремни вязать, и верёвки вить!

Как набили зверей — повязали ремень и спустили они в пропасть Велеса. Оказался он в царстве пекельном. Видит он: Яга там похаживает, вся в булатные латы одетая. Раскричалась тут Святогорка:

— Чую духом живым пахнет в Пекле! Чую Велеса я могучего!

— Ай ты, Буря-Яга Золотая Нога! Друг у друга с тобой нам бы надобно в битве честной отведать силушку!

Тут сошлись Ясуня и Велес, стали биться они вру-

копашную. И была удалая дочь Святогора да обучена бою грозному, подхватила Ясунюшка Велеса, опустила на Землю Сырую его и ступила ему да на белу грудь.

Заносила тут Буря-Яга над главою — руку правую с булавою, чтобы опустить ниже пояса. По велению Бога Вышнего тут рука у ней застоялась, а в очах Яги помутился свет.

Разгорелось тут сердце Велеса, и махнул он правою ручушкой, сшиб он с белой груди Ясуню.

Заносил он тогда над своей головой руку правую с булавою, опустить хотел ниже пояса. По велению Бога Вышнего тут рука его застоялась, в ясных очушках помутился свет.

И сказала так Святогоровна:

— Ай ты, буйный Велес — могучий бог! Сын Коровы Амелфы с Сурьей! Видно, Бог решил нас с тобой мирить. Ты возьми меня, Велес, в жёны!

Тут с Яги соскакивал Велес, брал её за рученьки белые, брал за перстни её золочёные, подымал её со Сырой Земли, становил на резвые ноженьки. Становил её супротив себя, целовал он свет Святогоровну, называл женою любимою.

И к колодцу тогда подошли они. Закричал тут Велес товарищам:

— Эй вы, братцы, тащите-ка Бурю-Ягу — то жена моя разлюбезная!

Потянули они ремень, а как только Яга вышла из-под земли — уронили верёвку в провал они и бежали от ужаса в стороны.

Так остался Велес в Земле Сырой. Стал бродить по царству подземному. Вдруг он видит: громадное дерево, на макушке его свито гнёздышко, а в том гнёздышке пять птенцов сидят, и не просто сидят — криком все кричат.

Он увидел: по этому дереву Змей ползёт к гнезду беззащитному. Велес тут подошёл, сбил ползучего

Змея и убил его булавой своей. Зашумел тут ветер, и дождь пошёл, загремел во царстве подземном гром. Закричали птенцы буйну Велесу:

— То не ветер шумит, то не дождь дождит, то не гром гремит — шум велик идёт! То летит, подымая ветер, люта птица Магур — наша матушка. То не дождь дождит — слёзы капают, то не гром гремит — то Магур кричит!

Налетела на них люта птица Магур — и увидела буйна Велеса:

— Фу-фу-фу! В Пекле духом запахло живым! Кто б ты ни был, герой, я тебя проглочу!

Закричали птенцы грозной птице той:

— Ты не тронь его, наша матушка! Спас нас Велес от Змея могучего, спас от смерти нас неминучей!

— Если так — всё что хочешь проси меня.

— Отнеси меня, птица, на Белый Свет, видеть я хочу Солнце Красное, походить хочу по Земле Сырой.

— Запаси тогда на сто дней еды, собери воды на сто дней запас — будет долог путь к Свету Белому!

Велес тут приготовил сто бочек еды и запасся сотнею бочек воды, сел на птицу верхом и отправился в путь — к Свету Белому, к Солнцу Красному.

Вот летит Магур, словно ветер, за едой и водой поворачиваясь. Повернётся она — бросит Велес еду либо воду ей льёт в пасть раскрытую. Показался уж выход на Белый Свет, а у Велеса бочки кончились.

Обернулась она:

— Дай мне, Велес, кусок, а не то недостанет мне сил долететь.

Велес брал острый нож, икры им отсекал и бросал их Магуру в раскрытую пасть.

И Магур в тот же миг поднялась в мир живой. Здесь и Солнышко светит, трава зеленеет, птицы в

небе поют, реки быстро текут. И Магур тут Велеса спрашивала:

— Чем ты, Велес, меня под конец кормил?

— Я тебе скормил икры с ног своих.

И тогда Магур икры выплюнула, и пристали они вновь к ногам его.

Тут нашёл буйный Велес жену молодую — удалую Ягу Святогоровну и отпраздновал с нею свадьбу.

Собирались на свадьбу весёлую со всего Света Белого гости, приползали и змеи ползучие из заморского царства Тёмного и устроили пир-гуляние.

И на свадьбе той сурья лилась рекой, горы рушились от топота, и плескались моря, и дрожала Земля. Содрогалось царство подземное, гром дошёл до царства небесного!

Как женился Велес, сын Суревич, да на Бурюшке Святогоровне, так у матушки не спросился, обвенчался — ей не сказался.

Рассердилась тогда Аме́лфа, говорила сыночку гневно:

— Как же ты, сын Солнца, женился да на ведьме с зелёной кожей?! Аль Ягою ты околдован? Не ножища у ней — а грабли, не ручища у ней — а вилы, вместо носа — совиный клюв, ногти — когти, кинжалы — зубы, не волосья — ковыль-трава, кожа что ело́ва кора!

Велес матушке так ответил:

— Видно, так завязано Ма́кошью. А судьбину кто одолеет?

И сказал так Велес сын Суревич, и отправился погулять, в чистом полюшке пострелять.

Как езжал — гова́ривал матушке:

— Ай же ты, родимая матушка! Ты люби-береги Ясуню! Не жалей для ней яства са́харны! И пои её мёдом-сурьей. Спать клади в постели пуховые...

Как уехал он в чисто поле, так Амелфа топила баню и звала туда Святогорку. И горючий камень нажгла, и на грудь Ясуне его поклала. И вскричала тут Святогорка — горы дальние потряслися, Мать Сыра Земля всколебалась.

И тогда Амелфа Земуновна одевала Бурю в рубашечку. И в колодушку белодубову во рубашечке положила. И три обруча набивала мать Амелфушка на колоду, а потом её опускала в волны синие Ра-реки. И тогда понесло колоду прямо к устьюшку в сине море.

Как у Велеса, сына Сурьи, в это времечко спотыкнулся конь, острый меч его затупился, слёзы частые покатились.

— Знать, случилося что неладное с ро́дной матушкой иль с супругой...

И вернулся он с чи́ста полюшка, и встречала его Амелфа.

Говорил тогда Велес Сурич:

— Ой же ты, родимая матушка! Не тебе меня надо бы встречать, в светлу горницу провожать, а жене моей дорого́й!

Отвечала ему Амелфа:

— А она горда и спесива у окошка всё сидела, на кроваточке всё лежала, не пила она и не ела... и сбежала за сине море...

Он спросил сестрицу Алтынку:

— Где, скажи мне, моя супруга?

И ответила так Алтынка:

— А она плывёт в море синем во колоде из бе́ла дуба. Проводила тебя Амелфа, парну банечку натопила. И позвала Ясуню в баню, нажигала горючий камень и её тем камнем свалила, и в колодушку уложила...

И пошёл к синю морю Велес, вместе с ним пошла и Алтынка. И закинул он частый невод. И достал из

моря колоду, а потом её разбивал — и Ясуню там увидал.

И сказала тогда Алтынка:

— Плачь над телом Ясуни, Велес!

И заплакал тут Велес Сурич:

— О жена моя! О Ясуня! Почему ж тебя погубили? Почему ж тебя не любили? Заколдована Сыном Змея, обратилася ты в старуху. И никто за ужасным ликом не увидел прекрасный лик, не узнал в тебе дочь Плеяны и великого Святогора...

И собралися к телу Бури небожители и волхвы. И все плакали, причитали. И сказал тогда Велес мудрый:

— Среди вас вижу много плачущих, но не вижу я — оживляющих. Кто бы смог вернуть Святогорку!

И взмолился Велес премудрый Роду-батюшке Прародителю, богу Сурье-Ра и Земун.

Услыха́л Рожанич молитву. И приблизился Ра великий, вместе с ним явилась Земун — златорогий Тур вместе с Турицей. Подошли они к телу Бури, разомкнули её уста и разверзли её глаза. Дали выпить из рога су́рьи.

И вздохнула тут Святогорка, поднята́сь она из колоды и у берега моря встала.

И раздался тут голос Рода:

— Велес! Как же ты взял жену, а у матушки не спросился? Брак не брак, коль против родители! Пусть отныне Яга будет в Нави, ну а Велес великий — в Яви. Распаялися ваши кольца! Перед Богом вы не супруги!

Так расстались Велес Суревич и Ясуня свет Святогоровна. Велес стал жить в Яви и в Сварге, а Яга — за речкой Смородиной, в царстве Нави, где правит Змей.

И отныне все славят Велеса, и Алтынушку, и Амелфу, Бурю, Су́рью-Ра, и Земун!

ТРЕТИЙ КЛУБОК

ВЕЛЕС И ВИЛА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как бог Велес женился на виле Вельмине, обращённой в Царевну Лягушку. Как её похищал Чёрный князь Кащей. Как она горой оборнулась.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как во тех Уральских святых горах жил-был Сурья-Ра — Солнце Красное. Был он Сурьей на небесах и стекал Ра-рекою с Уральских гор.

Как в Азовское море синее Ра-река несла свои водушки, так была супругою Солнца Амалфе́юшка, дочь Земун.

И от бога Ра родила́ она бога Велеса — Аса Звёздного.

Изменил свой путь светозарый Ра. И свернул он в море Волынское, в жёны взял он деву Волынюшку.

И Волыня — вторая жёнушка, родила́ ему Хорса Сурича.

Рёк сына́м своим светозарый Ра:

— Стар я, просит душа покоя. Я б хотел, чтоб вы поженились, дабы внуков я увида́л. Вы возьмите стре́лы калёные и пускайте их во все стороны. Где стрела́ падёт — там и сватайтесь!

Выбирали стре́лы сыночки Ра. И пускали их в небо синее. И упала стре́лочка Хорсова у дворца Зари-Зареницы. А стрела калинова Велеса унеслась за дальние горы.

И пошёл за стрелочкой Велес. Одолел он горы высокие, перешёл лесочки дремучие и вступил в болота зыбучие. Видит — вот на кочке Лягушка, держит в лапках она стрелу.

— Как же взять мне в жёны Лягушку?

Отвечала ему Лягушка:

— Знать, судьбина твоя такая! Завяжи-ка меня в платочек и неси-ка в Ирийский сад!

И принёс бог Велес невестушку. Ра увидел её — разохался, а Амелфушка мать разгневалась:

— Ты кого принёс, Велес Суревич! Аль Лягушкой ты околдован? Ведь Лягушка Яги не краше!

Говорила Лягушка Велесу:

— Не печалься ты, Велес Сурич! Знай же, я не просто лягушка! Я Вельмина — лесная вила! Змей меня обратил в Лягушку. Но заклятие то не вечно. Потому средь дня я — Лягушка, ну а ноченькой тёмной — вила.

Всё, как сказано, — так и сталось. Только скроется Солнце Красное, так Лягушка вилой становится. Красоты она несказанной: ни пером описать, ни вздумать. Под затылком её Ясный Месяц, по косицам её звёзды частые. Голосок её ручейком журчит...

И голубятся, и любуются Велес с вилою до рассвета. Но лишь первый луч Солнца Красного озаряет небесный край — вновь Вельминушка покрывается лягушиной зелёной кожей.

И печалился Велес Сурич, что его супруги красу на Земле и Небе не знают...

Говорила Амелфа Сурье, чтоб устроил он испытание для невест своих сыновей. И тогда бог Сурья сынов призвал. И сказал он Велесу с Хорсом:

— Я хочу испытать невестушек — а умеют ли ткать и шить они? Пусть Заря-Зареница с Лягушкою мне к утру соткут по ковру.

Как пришёл домой Велес Сурич, так повесил он буйну голову. А Лягушка его спросила:

— Что ж повесил ты буйну голову? Аль случилося что неладное? Слово слышал ты неприветливо?

И ответил ей Велес Суревич:

— Повелел родитель, пресветлый Ра, нам ковёр узорчатый выткать.

— Не печалься, ложись, мой милый! Утро вечера мудренее.

Так сказала Лягушка Велесу, и уснул тогда Велес Сурич. А она с себя кожу сбросила, обернулася Мудрой Вилой, села ткать ковёр у окошечка. Где кольнёт иглой — там звезда горит, где кольнёт другой — там цветок цветёт, третьей где кольнёт — птица там поёт.

Не взошло ещё Солнце Красное — а уж вила закончила шить и ткать.

Вот пришли Велес с Хорсом к родителю, принесли ему два ковра. Как ковёр Зари разостлал бог Хорс — осветилась вся подвселенная. И сказал бог Ра:

— Тот ковёр — расстелю в колеснице Солнца!

Разостлал ковёр Велес Суревич — засияло в нём Солнце Красное, засверкали и звёзды частые, птицы певчие песнь запели. И сказал бог Ра:

— Сей ковёр видел я у Рода-Родителя! Расстелите его в моей горнице! Будет он нас в праздники радовать!

Вновь Амелфа Ра подговаривает испытать Зарю и Лягушку. И позвал сыновей светозарый Ра:

— Сыновья вы мои любезные! Я хочу испытать невестушек, пусть они к утру испекут по чудесному караваю!

Как пришёл домой Велес Суревич — так повесил он буйну голову. А Лягушка его спросила:

— Что ж повесил ты буйну голову? Аль случилося что неладное? Слово слышал ты неприветливо?

И ответил ей Велес Суревич:

— Как мне, милая, не кручиниться? Повелел родитель, пресветлый Ра, нам к утру испечь каравай!

— Не печалься, ложись, мой милый! Утро вечера мудренée.

Так сказала Лягушка Велесу, и уснул тогда Велес Суревич. А она с себя кожу сбросила — обернулася Мудрой Вилою, стала печь большой каравай. И хитро́ его изукрасила — Кра́сна горочка в серединочке, а на горочке этой Ирийский сад, и стоит в саду терем Солнца, распевают там птицы певчие...

Не взошло ещё Солнце Красное — испекла она каравай.

Вот пришли Велес с Хорсом к родителю, принесли ему караваи.

Как попробовал Ра каравай Зари — так сказал:

— Хорош караваюшка! Будем есть его ранним утром!

Как увидел Ра ви́лин каравай — изумился он и разохался, раз попробовал, и ещё, ещё... И весь съел не оставив крошечки:

— Вот уж хлеб так хлеб! Караваюшка! Да таким только в праздник потчевать! Во Великий Сварогов день!

Вновь Амелфа Ра подговаривает испытать Зарю и Лягушку. И призвал сыновей светозарый Ра:

— Приходите-ка, сыновья, вы с невестушками на пир. Будем пить и есть, веселиться, после пира устроим пляски. Я желаю видеть и знать, как невестушки ваши пляшут.

Как пришёл домой Велес Суревич — так повесил он буйну голову. А Лягушка его спросила:

— Что ж повесил ты буйну голову? Аль случилося что неладное? Слово слышал ты неприветливо?

И ответил ей Велес Суревич:

— Как мне, милая, не кручиниться? Мне мой батюшка наказал, чтобы я тебя пригласил на пир. Как же я гостям покажу тебя?

— Не тужи, мудрый Велес, иди на пир. За тобою следом и я приду. Как услышишь гром — не пугайся. Говори: «Невестушка едет! Лягушоночка в коробчонке!»

Вот пришёл бог Велес на пир один. Стали гости над ним смеяться:

— Что же ты пришёл без Лягушки? Где ж такую красавицу выискал? Чай, болота все исходил?

Сели все за столы, стали есть и пить. Вдруг раздался грохот, и стук, и гром. И все гости со страху вскочили с мест. И сказал им так Велес Суревич:

— Вы не бойтесь — невестушка едет! Лягушоночка в коробчонке!

И тогда во двор бога Солнца Ра колесница златая выкатилась. В колесницу ту кони впряжены — шесть буланых и златогривых. И спускается с колесницы дéвица — Премудрая Вила. И на платье её — часты звёздочки, Месяц Ясный — на голове, и такая она красавица — ни пером описать, ни вздумать.

Подала она руку Велесу. За столы садилась дубовые да за скатерти самобраные.

Стали гости есть, веселиться. А Вельминушка выпьет сурьи, а последочки во рукав польёт. А закусит лебедем — косточки во другой рукав побросает.

Как попили гости, поели — от стола они поднимались и пустилися в плясовую. И пошла плясать млада

вилушка. Как махнёт рукой — станет озеро, а другой — летят белы лебеди. Все дивуются и любуются.

— Как ты нас, Вельмина, порадовала!

Стала вила петь — все заслушались. Закурлыкали белы лебеди, и запел в лесу соловей...

А бог Велес встал полегонечку, с пира он ушёл потихонечку, побежал скорее в свой терем. Там увидел кожу лягушечью. И схватил её — в печку бросил.

— Разгорайся, Огонь палящий! Ты сожги, Семаргл, кожу вилы! И с неё заклятье сними!

Воротилась Вельмина с пира. И увидела — кожи нет. Опечалилась и заплакала:

— Ай же ты, милый муж мой Велес! Потерпел бы ты только день один — я б навеки стала твоею! А теперь мы должны расстаться — не разрушить заклятья Вия!

Закружился тут Чёрный вихорь, задрожали горы высокие, все дубравушки приклонились. То на Змеюшке Пятиглавом прилетел Кащеюшка Виевич:

— Ай же ты, неразумный Велес! Ты зачем сжёг кожу Лягушки? Коль не ты надел — не тебе снимать! И за кожу Премудрой Вилы — ты заплатишь своею кожей! Стань же, Велес, ты Чудо-Юдом! Пусть заклятие будет крепко! Сокрушить великие чары лишь деви́ца красная сможет, что полюбит тебя всем сердцем даже в сём ужасном обличье!

И Кащеюшка, Чёрный князь, подхватил Премудрую Вилу — и взлетел на Змеюшке чёрном, и умчался в Тёмное Царство.

И остался Велес в лесу Чудо-Юдушкою ужасным. Стала кожа его — что елова кора, ну а волосы — что ковыль трава. Стали ноги, как грабли, а ручушки —

вилы, нос его обратился в совиный клюв, ногти стали как когти, а зубы — кинжалы, а глаза — колодцы бездонные.

И Кащей прилетел в царство Тёмное, и влетел в чёрный замок Вия, ввёл в него Вельмину пленённую.

Брал её за ручушки белые да за перстни её золочёные. И хотел Вельминушку целовать.

Но сказала ему Вельмина:

— А у нас замужние женщины до трёх лет ещё не целуются. Не целуются, не милуются...

И ответил Кащеюшка Виевич:

— Будь по-твоему, млада вилушка! Впереди у нас вечность целая! Подождать три года — не времечко.

И ушёл гулять в царстве пекельном. Стал стрелять из лука железного во летучих мышей, чёрных галок. Стал гонять жаб, змей, скорпионов и охотиться на пещерных крыс.

И своим он слугам наказывал:

— Коль Вельминушка закручинится — дайте ей подружек-служаночек, волкодлакушек и вампирш. Пусть они её развлекают.

Как уехал Кащей на охоту — подошла Вельмина к окошечку. Села вилушка и заплакала. Мимо шла мать Вия — Седу́нюшка. И спросила она у вилы:

— Что ж ты плачешь и уливаешься?

И ответила млада вила:

— А сегодня во светлом Ирии отмечают праздник — Седыев день! Праздник Родушки-Прародителя... Все гуляют и веселятся... Я же здесь сижу у окошечка, слёзы горькие проливаю!

— И у нас, — Седуня ответила, — ныне чествуют все Седыя. Он и мой Родитель, и Вию — Дед. А Кащеюшке будет Прадед. Есть и нам что ныне отпраздновать!

И позва́ла она к виле нянюшек, и дала напиточков разных. И с козлом любимым Седуневым погулять её отпустила.

Выходила гулять Вельмина, нянек до́пьяна напоила. Только нянюшки те напились — сразу же в кусты повалились. И козла Седуни зарезала — в жертву Роду в Седыев день.

И коня она отыскала, и из плена прочь поскакала.

То не белая лебедь по небу летит — то Вельминушка от Кащея бежит. Жемчуг мечется по её груди, на руке её перстенёк горит. И под нею конь растягается, хвост и грива коня расстилаются.

И навстречу ей Дарьюшка-река. И взмолилася вила речушке:

— Ой ты, матушка! Дарьюшка-река! Есть ли на тебе броды мелкие? Иль мосточечки хоть калиновы? Может, где-то есть перевозчики?

И подплыла к виле колодушка, а в колодушке перевозчик — сам великий бог Китаврул.

И взмолилась ему Вельмина:

— Ой ты гой еси, Китаврулушка! Ты меня доставь на ту сторону! К отцу-матери, роду-племени! Я за то тебе заплачу! Дам тебе коня, кунью шубочку, ска́тный жемчуг и перстенёк!

Китаврул же с ней не торгуется и с ухмылочкой говорит:

— Не хочу я ни злата, ни жемчуга, и ни шубочки, ни коня! Млада вилушка, выходи-ка ты замуж нынче же за меня!

И на речи те Китаврулушки млада вилушка отвечала:

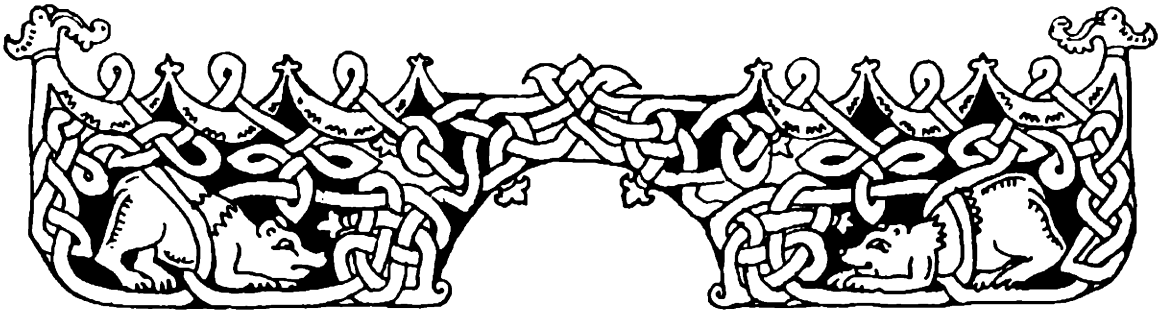
— За меня и Велес сам сватался! Про иных я здесь умолчу... Как же я пойду за тебя? Даже в шуточку не хочу!

Что за топот и крики слышатся? Вой звериный, вороний грай... То бежит погоня Кащея!

— Не уйдёшь от нас! Догоняй!

И на Камешек Бел-горючий тут Вельминушка поднималася, и ударилася о Камень.

Там, где вилушка упадала, — там святая горушка встала. Где упали вилины руки — вырастали вязы и буки. Там, где ноженьки вилы пали, — ёлки-сосенки вырастали. А где русая пала коса, — поднималися там леса. Кровь где вилушка проливала — речка быстрая побежала...

КОРОБ СЕМАРГЛА

ПЕРВЫЙ КЛУБОК

ТРИ ПОЕЗДКИ СЕМАРГЛА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о поездках Семаргла Сварожича, как он ездил к Деване Перуновне, как Луну разрубил, и о том, как он крест привёз в Ирий светлый!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как по полюшку по широкому, по долинам и по холмам сам Семаргл Сварожич поезживал. Под Семарглом-Огнём — златогривый конь, у того коня — шерсть серебряная. И на каждой шерстинке — ленточка, в каждой ленточке по жемчужинке. Его знамя — дым, его конь — огонь. Чёрный выжженный след оставляет он, если едет по полю широкому.

Поезжал Семаргл по долинушкам, через реченьки перескакивал. И подъехал к широкой росстани, ко стоящему промеж трёх дорог Алатырскому Камню Белому.

А на Камешке том — надпись писана, как подписана и подрезана:

«Как направо поедешь — богату быть. А налево поедешь женату быть, ну а прямо поедешь — живым не быть».

И сдивился Семаргл, призадумался:

— Сколько я по свету ни езживал, а такого чуда не видывал! На что мне, Семарглу, богатство? Мно-

о есть у меня злата-се́ребра, и камней драгоценных, і жемчуга. И на что жениться мне — старому? Ведь ,ениться мне — не нажиться: молодую взять — так ужим корысть, ну а старой жены мне не надобно.

И поехал Семаргл той дорогою, на которой ему ,е «живым не быть».

И наехал он меж высоких гор на великое войско ёрное. Видит чёрных воинов Вия, видит он вол- ов-волкодлаков и крылатых видит драконов.

Впереди ж того войска чёрного скачет сам Ка- цеюшка Виевич.

И хотели чёрные воины у Семаргла сына Сваро- кича отобрать коня белогривого. Но сидел Семаргл на своём коне, говорил, главою покачивая:

— Ой, безумны вы, чёрны вороги, вам отнять у Сварожича нечего! У пожара вам не отнять огонь, и о мною останется верный конь!

И завыли тогда ветры буйные, начал жечь Се- маргл силу чёрную, змей топтать-рубить и копьём олоть. Нечисть с нежитью сын Сварога жёг, расхо- ясь огнём во все стороны.

И побил он войско Кащеево, и пожёг-порубил не- исть чёрную.

И прочистил Семаргл ту дороженьку, и вернулся горючему Камешку. И поднавливал надпись первую:

«Тут проезживал сын Сварожич — и была дорожка рочищена».

И поехал Семаргл сын Сварожич по дороженьке, де «женату быть».

Ехал там Семаргл много времени по раздольюшку о широкому. Голова бела, борода седа, по белым рудям расстилается, скатным жемчугом рассыпается.

И в горах высоких Ирийских ко двору подъехал широкому. Теремом назвать — очень мал будет, городом назвать — так велик будет. Его крыша — само небо синее, вокруг маковки — лунный путь лежит, хоровод плетут звёзды частые.

Тут из терема из высокого выходили к Семарглу двенадцать дев. А средь них сама королевична то Девана, Перуна и Дивы дочь.

Говорила она таковы слова:

— Ай удалый ты, сын Сварожич! Ты пожалуй ко мне во высок чертог! Напою, накормлю хлебом-солию! Положу почивать в светлой горнице!

И сходил Семаргл со добра коня, оставлял его неприкованным, неприкованным да непривязанным. И пошёл Семаргл во высок чертог. Заходил он в терем Деванушки и садился за стол белодубовый. Тут он ест и пьёт, прохлаждается да весь долгий день и до вечера.

И настала лишь ночка тёмная, от стола поднялся Сварога сын, говорил Деване Перуновне:

— Ой, Деванушка, дева лунная! Где, скажи, твоя, дева, спаленка? Где твоя кроватка тесовая? На земле, скажи, иль на небе ли — где Луна в облаках-тучах прячется?

Повела Девана Сварожича во свою во спаленку тёплую да во горницу ту высокую.

Видит тут Семаргл кроваточку, хорошо кроватка украшена, все бока её — по-змеиному, ну а спинка её — по-звериному. И задумался сын Сварожич:

— Сколько я по свету ни езживал, а такого чуда не видывал! Видно, та кроватка подложная!

И хватал он Девану за белые руки, на кроватку бросил тесовую. Обернулась кроватка тесовая, и Девана с кроваточки падала из светлицы той — в погреб тёмный.

Выходил Семаргл из терема, и ступал сын Сварожич на звёздный путь, и нашёл он двери у погреба. Все колодьем они завалены, и песками они засыпаны. Он колодья руками распихивал и пески руками распорхивал. И срывал замочки пудовые, раскрывал ворота железные.

Выпускал царей и царевичей, выпускал он могучих витязей, сорок белых волхвов и кудесников, а простого народа и счёта нет. Говорил Семаргл таковы слова:

— Выходите из царства смерти! Выходите из нор Деваны! И идите дорожкой лунной по домам своим, к очагам родным! Вспоминайте потом Семаргла! Без него вы бы вечно сидели здесь!

Вот увидел Семаргл Девану на мерцающем звёздами Млечном Пути. Вот плывёт она в Лунной Лодочке. Вынимал Семаргл меч изостренный — разрубал Деванушку лунную.

И с тех пор среди частых звёзд
в лодочке Луна проплывает.
И растёт она, но могучий бог
вновь мечом её разрубает.

От удара же Огнебогова за́чат был во чреве Деванушки сын Семаргла Сварожича мощный Ван вместе с ним сестра его Люта.

И роди́лись Ван вместе с Лютою, как потом и Квасура родился в Пановых горах близко Ра-реки — после битвы великой Трёх родов.

И садился Семаргл на коня верхом, поезжал он к Камню Ала́тырю. Подновил и вторую надпись:

«Тут проезживал сын Сварожич — и была дорожка прочищена».

И поехал третьей дорогою, на которой Семарглу «богату быть». И наехал он на пречудный крест. Словно Солнце крест тот сияет, и объят он весь ясным пламенем.

Изумился тут сын Сварожич:

— Сколько я по свету ни езживал, а такого чуда не видывал. То не просто крест на земле стоит — он стоит над кладом великим, где лежат богатства несметные — там лежит сама Книга Вед.

И сходил Семаргл со добра коня, брал он крест во рученьки белые, брал из погреба Книгу Вед и повёз во святую Сваргу да ко тем горам Алаты́рским.

Тут Семарглу Сварожичу славу поют, славят и Девану Перуновну, Вана с Лютою прославляют и великую Книгу Вед!

ВТОРОЙ КЛУБОК

ХОРС И ЗАРЯ-ЗАРЕНИЦА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как женился Хорс на Заре-Заренице. И о том, как Зарю украл Китаврул и отвез её Ясну Месяцу. И о том, как Семаргл сын Сварожич разрубил мечом Ясна Месяца и вернул Зарю Хорсу светлому!

— Ничего не скрою, что ведаю...

На далёкий остров Буян, на высокий крутой бережок солеталися птицы дивные. Собирались они, солетались — о Сырую Землю ударились, обернулись красными де́вицами. Красоты они несказанной — ни пером описать, ни вздумать.

То не птицы на остров слетелись, то Заря-Заренница с Вечерней Зарей с Ночкой тёмною, черноо́кою.

Собирались они купаться и снимали с себя сорочки — крылья лёгкие, оперение. С тела белого сняли пёрышки и пошли они к морю синему. Они в волнах играют, и песни поют, и смеются они, в море плещутся.

Только скинули оперение — вышло на небо Солнце Красное, появился великий Хорс.

Поднялся́ светлый Хорс на небесный свод на своей златой колеснице — многоцветной, богато украшенной драгоценными ка́мнями, жемчугом.

И сдивился он тем красавицам, и влюбился он в красну девицу — молодую Зарю-Зареницу.

И пошёл он к Макоши-матушке, и спросил её о своей судьбе. И сказала ему Макошь-матушка:

— Ты ступай, светлый Хорс, к бережочку, укради у Зари её крылышки. И твоей Зареница станет.

И спустился Хорс к бережочку, и украл у Зари её крылышки. Из воды выходили сёстры — надевали крылья и пёрышки, поднимались они в небо синее. Улетела Ночь чернооокая, вместе с нею — Зорька Вечерняя. Лишь Заря-Зареница найти не смогла золочёные, лёгкие пёрышки и свои невесомые крылышки.

И промолвила Зареница:

— Отзовись, кто взял мои крылышки! Коль ты девица — будешь сестрицей мне, если женщина — будешь мне тётушкой, а мужчина — тогда будешь дядюшкой. Ну а если ты — добрый молодец, будешь мужем моим любезным!

Вышел Хорс, и сказал Заренице он:

— Здравствуй, Зорюшка моя ясная!

И пошла Заря — красна девица по небесному своду синему, на убранство своё нанизывая с блеском ярким цветные камни. И поднялся за ней яснолицый Хорс.

Как над морюшком — морем синим, близ высоких Ирийских гор пролетал летучий корабль.

— Что же вы не идёте на свадьбу? — говорили так с корабля. — Три недели пирует свадьба во небесном саде Ирийском! Красно Солнце играет свадьбу с молодой Зарёй-Зареницей!

Услыхали это сестрицы — Жива, Мара с прекрасной Лелей, говорили между собою:

— Хорс играет свадьбу с Зарёю! Что же мы не спешим на свадьбу?

И взошли они на корабль, и внесли дары Хорсу светлому и младой Заре-Заренице.

И утихло морюшко синее, и взлетел корабль над волнами. То не просто корабль летучий расправлял могучие крылья — это Звёздная Книга Вед разворачивала страницы!

Прилетели они к Алатырской горе, где Заря-Зареница с Хорсом три недели играли свадьбу. Им дары свои подносили сёстры — Жива, Мара и Леля:

— Ты, Заря, возьми золотой платок — развернёшь его ранним утром, озаришь им всё поднебесье.

— Ты, возьми, Хорс, чашу с живой водой. Пил из этой чаши Всевышний. Кто пьёт воду из этой чаши — тот вовеки не умирает.

И служили они Хорсу Суричу и младой Заре-Заренице. Пили воду из чаши Вышня. Пил и Хорс с Зарёй-Зареницей, пили Жива, Мара и Леля, и пила её — Книга Вед.

И плясали они и пели. Пели звёздочки, Хорс с Зарёю, пели Жива, Мара и Леля. Пела с ними Златая Книга.

И все славили Хорса светлого, вместе с ним Зарю-Зареницу.

Высоко́ на своде небесном светлый Месяц и звёзды частые.

Как склонялся к вечеру белый день, так выхаживал Месяц на́ небо, говорил он так частым звёздочкам:

— Все-то в царстве моём поженены, белы лебеди замуж выданы. Я один — светлый Месяц хожу холостой. Как бы мне найти красну девицу — с телом белым, как лебедино крыло, чтоб была она станом своим статна, а коса её полна волосом. Чтоб сквозь платье у ней тело виделось, а сквозь тело виднелись косточки, чтобы мозг струился по косточкам и катался бы скатным жемчугом.

И ответили часты звёздочки:

— Есть такая девица красная, нет на Белом Свете другой такой. То жена златоокого Хорса, молодая Заря-Зареница...

— Как у мужа живого — жену отнять? Как у Хорса отнять молодую Зарю?

— Во горах высоких Ирийских среди звёзд живёт Китаврул. Только он — многомудрый — знает, как украсть Зарю-Зареницу...

И поехал по небу Месяц. С облаков съезжал на вершины гор, с гор съезжал в долины широкие. И наехал он на высок шатёр, что стоял у стройного Ясеня.

Вдруг услышал гром Ясный Месяц. Зашатались горы высокие, затряслася Земля Сырая — то скакал Китаврул по вершинам гор. Он копытами скалы раскалывал, головой упирался в небо.

Испугался тут Ясный Месяц, высоко на Ясень забрался — в кроне Ясеня укрывался.

Китаврул-полуконь у шатра вставал, вынимал из уха златой ларец. Отмыкал его золотым ключом, молодую жену из ларца пускал.

Китаврула жена — русалочка, да такая она красавица, ни пером опасать, ни вздумать. Очи у неё — ясна сокола, ну а бровушки — чёрна соболя, а под платьицем — тело белое...

Китаврул с женою пошёл в шатёр, стал с женою он прохлаждаться, стал с русалочкой забавляться. А потом заснул Китаврул. А жена его из шатра пошла, разгулялася по долинушке. И увидела Ясна Месяца, что упрятался в кроне Ясеня.

— Ай же ты, распрекрасный Месяц! Ты сойди с высокого Ясеня и меня, русалку, люби. Если ты меня не послушаешь — разбужу тотча́с мужа грозного. Китаврул тебя не помилует!

Что ж тут делать? Слез Ясный Месяц, и спросил младую русалку:

— Как же сладить мне с Китаврулом?

Отвечала ему русалка:

— Ты налей вина два колодца, ну а третий — наполни мёдом. Он ведь пить вино не умеет. Как проснётся — захочет пить и тотча́с все выпьет колодцы. Захмелеет, тогда без страха закуёшь Китаврула в цепи.

Как задумано, так и вышло. Месяц все колодцы наполнил су́рьею хмельной и вином.

Пробудился тут Китаврул, начал пить вино из колодцев — осушил до дна все колодцы.

— Ах ты, винный, хмельной колодец! Что ж в тебе нет чистой водицы? Аль всю воду конь выпивал? Грязь копытами выбивал?

Пойду ли, выйду ль я, да,
в лес да по малинушку...
Сорву ли, вырву ль я, да,
виноградну ягоду...

Ай же ты, виноградная ягода! Ты меня совсем опьянила! Кинусь-брошусь я батюшке на руки — мне не спится и не лежится... Кинусь-брошусь я матушке на руки — мне не спится и не лежится... Кинусь-брошусь я к милой на руки — мне и спится здесь, и лежится...

Китаврул бросался к жене молодой, засыпал рядом с ней непробудным сном. И тогда пришёл Ясный Месяц, заковал Китаврула в цепи.

Много ль, мало ль ми́нуло времени — пробудился бог Китаврул, стал молить он Ясного Месяца:

— Ты меня отпусти на волю! Все желанья твои исполню!

И сказал ему Ясный Месяц:

— Я тебя отпущу, только ты поклянись — для меня добыть Зареницу. Укради её, Китаврул, у великого бога Хорса!

И поклялся ему Китаврул, и сказал он Ясному Месяцу:

— Я срублю летучий корабль. Посажу на нём распрекрасный сад, чтоб цветы и деревья росли в саду. Посажу кипарисово дерево, посажу виноградное дерево. И пущу птичек певчих в зелёный сад, чтобы пели они песни чудные. И поставлю кроватку тесовую, застелю кроватку перинушкой. Рядом с ней поставлю золо́ченый стол, застелю его камчатой скатертью. На столе будут яства разные, меж напитков — вино забудящее. Полечу на том корабле, напою Зарю-Зареницу — и к тебе её привезу!

Китаврул собрался скорёшенько и построил небесную лодочку, — нос-корма у неё позолочены, рытым бархатом обколочены. А борта иссечены жемчугом и увиты златом и серебром.

И в той лодочке будто дивный рай — кипарисовый, виноградный сад. В нём цветы цветут, птицы песнь поют. Убран яствами золочёный стол — рядом с ним кроватка тесовая.

И поплыл к Заре-Заренице он по небесному своду синему.

А в то время пресветлый, великий Хорс собрался́ выезжать на небесный свод. И пошёл светлый Хорс по воде золотой, и взошёл в свою колесницу.

Провожала его Зареница, говорила ему слово вещее:

— Ты великий Хорс, Красно Солнышко! Как мне ныне спалось, во сне виделось — как из нашего сада зелёного увозили белую лебедь и с руки моей правой спадало кольцо...

Отвечал Заре-Заренице Хорс:

— Ты спала, Заря, сон ты видела, не украли у нас лебедь белую!

Так сказал светлый Хорс и на небо взошёл.

И приплыл на лодочке Китаврул. Он приплыл к Заре, поклонился ей:

— Ты, Заря-Зареница пресветлая! Ты прими драгие подарочки! О твоей красоте слышал весь Белый Свет! Твоё тело бело, как лебяжье крыло, и сквозь платье тело просвечивает, а сквозь тело видятся косточки, и твой мозг струится по косточкам и катается скатным жемчугом.

Китаврул на лодку Зарю проводил, и привёл её в распрекрасный сад, и сажал за стол золочёный. И давал он ковш молодой Заре, предложил ей выпить напиточек — выпивала Заря-Зареница пития того забудящего, и забыла она о Хорсе.

И сказал Китаврул молодой Заре:

— Поплывём мы к светлому Месяцу! Месяц наш пожелал, чтобы ты была в его царстве звёздном царицею! Чтоб считала ты звёзды частые, привечала Ясного Месяца!

Отвечала ему молодая Заря:

— Коль поедем мы по Земле — Хорс нас лютым зверем настигнет, полетим на крыльях пчелиных — Ясным Соколом долетит, в синем море — догонит Щукой...

— Ты не бойся, Заря-Зареница! Напущу я туман, тучи тёмные. Не увидит нас златоокий Хорс!

Поднимал Зарю Китаврул, на кроваточку клал тесовую и уплыл с царицею по небу.

И вернулся домой златоокий Хорс, а Зари-Зареницы, его жены, нет уже в чертогах небесных.

И спросил Сварога пресветлый Хорс:

— Ты, Сварог великий! Небесный царь! Где искать, скажи, мне Зарю мою?

Отвечал Сварог Хорсу светлому:

— Китаврул украл у тебя Зарю и увёз её к Ясну Месяцу. Ты езжай, Хорс, вслед за угоною! И возьми с собою мой турий рог! Станешь в рог трубить — я на помощь пошлю всё своё небесное воинство. Первый раз протрубишь — все взнуздают коней, как второй протрубишь — оседлают коней, третий раз протрубишь — жди моих сыновей!

И поехал Хорс за угоною. Побежал по Земле лютым зверем — не нашёл Зарю-Зареницу, и нырнул он в морюшко Щукой — не нашёл и в море беглянку, распустился он Ясным Соколом — и за тучами не нашёл Зарю.

Прилетел он к терему Месяца. Месяц светлый в то время по небу шёл, лишь Заря оставалась в тереме. И сказал Заре-Заренице Хорс:

— Гой еси, ты моя молодая жена, ты ступай домой скоро-наскоро!

И сказала Заря Хорсу светлому:

— У тебя мне жить тяжелёшенько. По утрам вставать — долго мыть лицо, и молиться, и славить Рода. Здесь у Месяца жить привольно мне. Утром здесь встают — и не моются, и Рожаничу Роду не молятся!

И спросил светлый Хорс молодую Зарю:

— Если Месяц придёт, как мне спрятаться?

— Я тебя укрою периною, я укрою тебя лёгким облаком...

Как вошёл Ясный Месяц в терем — так Заря распорола перинушку и укрыла его лёгким облаком, а потом спросила у Месяца:

— Что б ты сделал, муж, если б Хорс был здесь?

— Я отсёк бы ему буйну голову!

Развернула Заря ту перинушку:

— Отрубай ему буйну голову!

И сказал тогда бог пресветлый Хорс:

— Уж ты гой еси, светлый Месяц! Напоследок дай протрубить мне в рог, попрощаться с зверями и птицами и проститься мне с Белым Светом!

— Что ж, сыграй напоследок, могучий Хорс.

Первый раз затрубил в турий рог бог Хорс — всколебалася Мать Сыра Земля, приклонилися все дубравушки.

Убоялся тогда Ясный Месяц:

— Это что там шумит во дубравушках?

— Это птицы летят из-за гор и морей, бьют крылами они о дремучий лес! Протрубил и второй раз великий Хорс — всколебалася Мать Сыра Земля, горы дальние порастрескались.

Убоялся тогда Ясный Месяц:

— Это что там шумит во далёких горах?

— Это туры бегут по крутым горам, о Сырую Землю копытами бьют!

Как играл светлый Хорс — потрясалося небо, рассыпа́лись хоромы Месяца.

В третий раз протрубил яснолицый Хорс, всколебалася Мать Сыра Земля, гром дошёл до Сварги Ирийской.

Тут раскрылися небеса, и явилась сила Сварогова — на крылатых конях Сварожичи. Прилетел, во-первых, Огонь-Семаргл, вслед за ним и Велес Корович, и Стрибог закружил вихрем яростным.

И сказал Семарглу великий Хорс:

— Месяц Ясный украл у меня жену — молодую Зарю-Зареницу! Покарай похитчика, брат родной!

И тогда Семаргл разрубил мечом Ясный Месяц, лихого похитчика. И вернул Зарю Хорсу светлому.

И омылась Заря в водах Ирия, и вернулася к Хорсу светлому.

И с тех пор Ясный Месяц на небе тщетно ищет Зарю-Зареницу и не может найти молодую Зарю. Вырастает опять, но Семаргл-Огнебог вновь мечом его разрубает...

Говорил Китаврулу могучий Хорс:

— Чтоб вину искупить, должен ты на Камне Ала́тыре для Всевышнего Бога воздвигнуть храм. Из камней возвести необтёсанных, чтоб не тронуло их железо и Ала́тырь не осквернило.

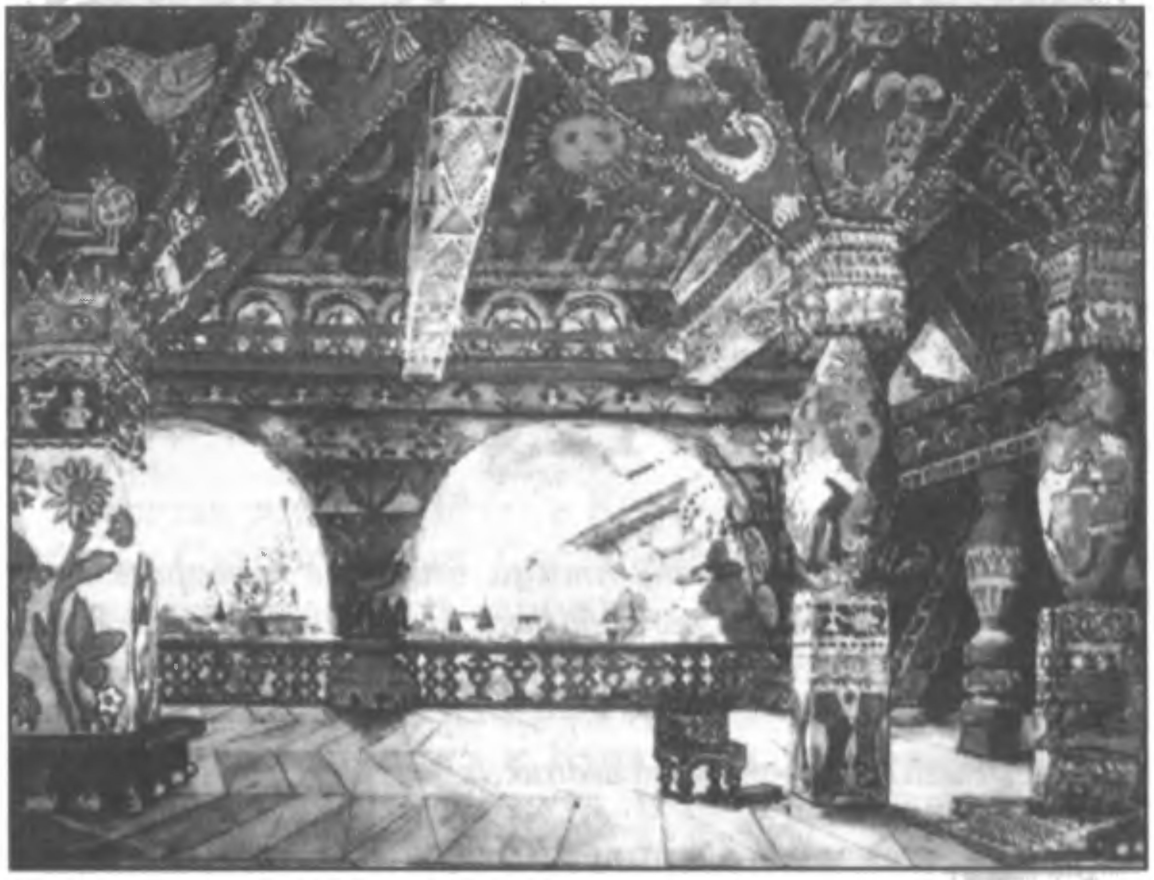
И сказал Китаврул Хорсу светлому:

— Чтоб воздвигнуть из камня цельного на горе Алаты́рской храм, нужно попросить Гамаюна. Гамаюнов коготь обтешет без железа камень Ала́тырь.

И просили они Гамаюна. Дал согласие Гамаюн, обтесал он камень для храма.

И воздвиг Китаврул на Ала́тыре храм великий Бога Всевышнего. Посвятил его Красну Солнышку.

Был построен храм на семи верстах, на восьмидесяти возведён столбах — высоко-высоко в поднебесье. А вкруг храма посажен Ирийский сад, огорожен

тыном серебряным, и на каждом столбочке свечки, что вовеки не угасают.

Был храм Солнца длиной шестьдесят локтей, в поперечину двадцать и тридцать ввысь. Были в храме окна решётчатые, были двери в храме чеканные. Был внутри он обложен золотом и каменьями драгоценными. И двенадцать дверей, и двенадцать окон были камнями изукрашены — сердоликом, топазом и изумрудом; халкидоном, сапфиром и ясписом; гиацинтом, агатом и аметистом; хризолитом, берилом и ониксом.

Оживали на стенах храма птицы каменные и звери, поднимались к небу деревья, травы вились, цветы цвели.

Был воздвигнут храм за едину ночь высоко-высоко в поднебесье.

И теперь Китаврулу все славу поют, и Заре, и Хорсу, и Велесу, и Семарглу, и — Ясну Месяцу!

ТРЕТИЙ КЛУБОК
КУПАЛА И КОСТРОМА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о Семаргле сыне Сварожиче. И о детях его и богини Ночи, о Купале и Костроме. Как в цветок Купала-да-Кострома обратили их боги Ирия.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Негасим Огонь в Сва́ржей Кузнице. Днём он Солнцем горит, ночью — Месяцем, искры в том очаге — звёзды частые.

Как на небе Огонь до рассвета горит, так не гаснет Огонь в очагах огнищан. То Семаргл-Огнебог греет небо и землю, прогоняет он мглу, голод и нищету.

Коль взбушуется лютый Чёрный Змей и надвинется тьмой на Ирийский сад, позовут Огнебога Сварожичи:

— Приходи и спаси, Сурьи-Солнца брат!

Как у Солнца лучи — волосы у него. По плечам лежат, будто жар горят, в небесах зарёй разливаются.

У Семаргла-Огня, как у Месяца, как у Велеса с Хмелем — златые рога. Под Семарглом тем златогривый конь, у того коня шерсть серебряная, в каждой шёрсточке по жемчужинке.

Как звала Семаргла Купаленка — Ночка тёмная, Ночка маленькая:

— Ты сойди, Огневик, с поднебесья! Ра-рекой приди, тропкой лунною. Посидим с тобой, полюбуемся.

Отвечал Семаргл Купаленке:

— Не имею я часа, Купалочка! Мне всю ночь до рассвета нужно не спать, в небесах мне на страже нужно стоять. Чтобы Чёрный Змей не приполз из Тьмы, жито в поле широком бы не потоптал, у коров молоко бы не отобрал, а у матушек — малых детушек...

Вновь зовёт Огнебога Купаленка, не идёт с поднебесья Сварогов сын. Слёзы льёт от тоски Купаленка, и зовёт, и кличет Сварожича. То не Ра-река разливается, не огонь в небесах разгорается — льются слёзы из глаз Купаленки, разгорается сердце бога.

И сошёл Семаргл к Купаленке, стал плясать он в ночи, стал он песни петь. В первой песне Триглава прославил. Во второй песне — Ладу-матушку. В третьей песне — саму Купальницу.

Ничего над полем не видно, за рекой ничего не слышно; только ветер прошёл над лесом, пролетела тень над водою — пробежала там туча чёрная. Но её Сварожич не видел, но её Семаргл не услышал...

Много ль времени миновало, мало ль времени миновало — от него зача́ла Купальница. И роди́ла она сына с дочкою. Волоса́ у них золотые, на плечах лежат, как огонь горят. И решила Купальница братца с сестрой звать Купалой и Костромой.

Как цветы, они поднимаются и румянятся, словно яблочки. Днём ласкает их Солнце Красное, ночью тёмною — мать Купалочка.

Рано-рано на зорьке утренней в лодочке стояла Купальница, и держала она в рученьке весло. С первым светом, с зарёю утренней отправлялась она в путь-дороженьку. Говорила она Костроме, так наказывала Купале:

— Ой вы, дети мои родимые! Как болит по вас сердце вещее! Не ходите вы в чисто полюшко, не садитеся под калинов куст и не слушайте птицу Сирина! Сладко птица поёт-распевает, но кто слышит её — умирает... Не заметите вы — с востока прилетит вдруг облако чёрное. От того-то грозного облака в чистом полюшке не укроешься!

Отвечали ей брат с сестрою:

— Не печалься, не плачь, Купаленка! Не пойдём мы в чистое полюшко и не сядем мы под калинов куст.

Вот отчалила мать Купаленка, и пришёл рассвет, и зача́лся день. Поднялось уже Солнце Красное, и на небе ясном ни облачка.

Вдруг услышали брат с сестрою — далеко-далече во полюшке, да на веточке той калиновой птица Сирин поёт-заливается. И рекла сестрица Купале:

— Побежим мы с тобою, братец, далеко-далече во полюшко, посидим, послушаем Сирина. Коль появится туча-облачко, мы с тобою быстро укроемся.

И тогда с Костромою Купала побежали в чистое полюшко и садилися под калинов куст.

Во долинушке калинушка стоит, птица Сирин на калинушке сидит, под калиною Купала с Костромой, малый брат с родимою сестрой. Засмотрелись они, заигрались, песней птицы Сирин заслушались — не увидели, как ложилась тень, как надвинулась туча чёрная.

Из-под той-то тученьки чёрноей налетели вдруг гуси-лебеди. Налетели и закурлыкали, скрыли крыльями небо синее. Подхватили гуси Купалу, посадили его на крылья, понесли его по-над полем.

Плачет Кострома, причитает, кличет братца она Купалу, но её Купала не слышит... Унесли его гуси-лебеди за дремучий лес и за горы. Посадили его за булатный замок — да во ту серéбряну клеточку, за золóченую решёточку.

Вот проходит год, а за ним другой, так идут года чередою... Костроме пришла пора замуж. Только всё Кострома смотрит в сторону, всё печалится о Купале, и никто-то ей не приглянется...

Ой да рано-рано Солнце поднималось... Да ранее того по-над полем, да над речкой тихой, над морем птица Сирин летала-пролётывала.

Как у моря, у Лукоморья, в тихом устье речки Смородинки, у того у Камня горючего птица Сирин на веточку саживалась.

Как сади́лась птица на яблоньку, золотые перья роняла, Костроме она слово молвила:

— Ой да ты, Кострома молодая, скоро быть тебе, дева, замужем. Скоро свадьбу играть и на свадьбе плясать. Но не долго быть тебе счастливой и не долго быть тебе замужем. Увенчает Леля златым венцом, вслед за нею Смерть подойдёт с венком.

Так роняла она златы пёрышки, так вещала птица младой Костроме. И решила та, молодёшенька, что навек останется девою и вовеки не будет замужем. Как решила — сбирала пёрышки, и златые перья в рукав клала. Перья те потом вынимала и веночек из них свивала.

Как тут вдоль по речке Смородинке девушки-подружки гуляли... И сплетали они веночки, по воде веночки пускали, и по тем веночкам гадали: кто венок подберёт, тот и замуж возьмёт.

— Ой, Смородинка-речка, про жизнь расскажи... С кем мне век вековать и кого лю́бым звать?

Кострома ж молодая свой венок не снимала и по реченьке той свой венок не пускала, тихо лишь напевала:

— Пусть никто не снимет венок с головы. Буйны ветры повеют — веночек не свеют, и дожди вдруг польют — мой венок не возьмут.

Налетели тут ветры буйные, и полили-пошли частые дожди — и сорвали веночек с её головы, понесли

его через чисто поле. Понесли его да на сине море, на Приморие-Лукоморие.

И пошла Кострома, плача и тужа. И пошла она, рученьки ломя. И сказала она матушке родно́й:

— Ты найди веночек мой, матушка!

Поискала веночек Купальница, поискала его в чистом полюшке, не нашла венка в чистом полюшке.

Кострома посла́ла подружек:

— Вы найдите веночек, подруженьки!

Не нашли венок и подруженьки.

И пошла Кострома вдоль по бережку, над широкой волной, над глубокой рекой. Смотрит — плот на речке чернеет, белый парусочек белеет. А на том плоте́ трое молодцев; первый молодец — сам хорош собой, а второй-то первого краше, ну а третий — зла́товолосый, словно братец её Купала...

То Купала сам сидел на плоте́, голова у Купалы вся в золоте. В правой ручке Купала держал весло, в левой рученьке — частый гребень. Златы кудри Купала чесал и на волны речки бросал:

— Вы плывите, златые кудрышки. Вы плывите к крутому бережку. Может, там моя матушка воду берёт. Как воды зачерпнёт — вспомнит сына: то младого Купалы кудри...

А с плота ребята увидели, как деви́цы гуляют вдоль реченьки. И сплетают они веночки, по воде веночки пускают... А один веночек к плоту плывёт: кто его подберёт и хозяйке вернёт? Подобрал тот веночек Купала.

И сказала так Кострома:

— Ой, ребята вы молодые! Вы не видели ль моего венка?

Первый так сказал:

— Я венок видал.

А второй сказал:

— Я в руках держал.

Третий — то был Купала — венок подал.

Одному Кострома подарила платок, а другому ала золотой перстёнек. А за третьего — замуж, ска-ала, пойду.

— Я тебя, молодого, в мужья́ позову́.

Так сестра не узнала брата. Кострома — родного упалу. И не дрогнуло сердце вещее у Купальницы — [очки тёмной.

— Кострома бела-румяна, за что́ любишь ты Купалу?

— Я за то люблю Купалу, что головушка кудрява. [то головушка кудрява, а бородка кучерява. Если лечи его распрямятся, златы кудрышки разовьются — азольются реченьки быстрые по лугам зелёным, аздольным. Разольётся тогда румянец по его лицу ел-румяному.

И пропел Купала Купальнице — своей матушке одной, но неузнанной:

— Ой да ты, Купальница-матушка! Замуж дочь вою отдай! За меня отдай, за молодца!

— За тебя дочь отдаю, отдаю и песнь пою... Как в убботу — обрученье, в воскресение — венчанье...

Ой да рано-рано — по-над морем синим... Солны-ко вставало, в морюшке играло. То не море синее грало — это Солнце в морюшке купалось, в море инем по волнам плескалось...

Как Купала-то с сестрою Костромо́й, молодой же-их с невестой молодой, да садились под лазо́ревый усток, сорывали вместе аленький цветок... Тем цве-очком любовалися, красоте цветка дивовалися... Меж собой они разговаривали.

Мужа так Костро́мушка спрашивала:

— Породил кто тебя, добра молодца?

— Породила меня ро́дна матушка, но чужая сто-онка взлелеяла. Унесли меня со родно́й стороны да а крылышках гуси-лебеди... Завивал мои волосы ве-ер, омывал меня частый дождик...

Тут сестра Кострома поняла — то, что муж её — брат родимый, то, что горе пришло, горе-горькое... И сказала так Кострома:

— Ой да ты, Купалушка, будешь мне брат! И тебе Купальница — матушка! Унесли тебя гуси-лебеди много лет назад, много зим назад, от меня — от сестры, и от матушки!

Молвил тут сестре брат Купала:

— Будет го́рюшко тем, что с тобой нас венчали! Будет плакать и мать, что с сестрой спать клала! Мы пойдём, сестрица, ко реченьке, да ко реченьке, ко Смородинке, мы пойдём с тобою, утопимся!

Повалилась Кострома на землю. Её по́днял, понёс брат Купала. Он понёс её ко глубокой воде, он понёс её ко широкой реке... В воду он вошёл и сестру принёс. Плачет брат Купала, рыдает. Тонет тут Кострома, потопает... Только ручки да ножки видать, только малый язычок говорит:

— Прощай, братец милый! Прощай, ро́дна мать! Примите, родные, последний привет... Прощай, белый свет!

Жили так Кострома да Купала, утонули они во купальне. Где Купала тонул, берег там колыхался... Кострома где тонула — травы там расплетались... Потонули они во реке широкой, утопилися в омуте глубоком. Там, где речка впадает в море, утонули в великом горе...

— Ой да ты, Купаленка-маленька! Ты, Купальница-Ночка, где, скажи, сын и дочка?

— Розы рвут, веночки вьют.

— Нет, не розы рвут, не цветочки вьют, они в реченьке умирают, в тихом омуте утопают...

Купальница-мать по бе́режку ходит, рубашечку носит — тонку полотняну, шёлком вышивану... Купаль-

ица-мать всю ночь не спала́, у Зари ключи крала́, емлю ими замыкала, на цветы росу пускала — плака- а всю ночь, рыдала:

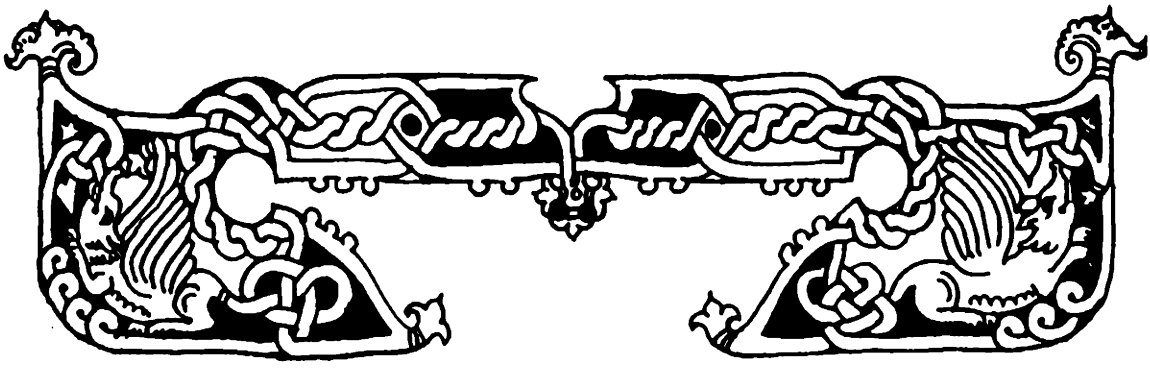
— Не берите, люди, вы у брода воду — не вода о, а кровь Костромы и Купалы! Не ловите, люди, в ихой речке рыбу: то не рыба — это тела их! Руки х — это щуки, а ноги — сомы. Косы — водоросли, чи — лилии. А вода с пеной — платье с рубахою...

Ой да рано-рано морюшко играло... В синем мо- юшке, во речной струе Кострома с Купалой лежа- и. На песочке золотом да у брода под кустом... Го- орит река: «Не приму я Купалу и Кострому!» Море оворит: «Не приму!» И волна плещет: «Выкину...»

Боги сжалились наконец.

— Поднимайтесь, Купала и Кострома, брат с сест- ою и муж с женою! Выходите вы из Смородины, и тупайте в Навь, во дремучий лес! Обернитесь цвет- ом-травою — той травою, что брат с сестрою! Тем цветком, что Купала-да-Кострома.

В ночь Купалы цветы будут люди рвать. Станут еть они, станут сказывать: «Вот трава-цветок — рат с сестрою, то Купала — да с Костромою. Братец — это жёлтый цвет, а сестрица — синий цвет».

КОРОБ ЛЄЛИ

ПЕРВЫЙ КЛУБОК

ВОЛХ И ЛЕЛЯ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о Волхе Огненном Змее, имя коему Финист-Сокол. И о том, как он, победив отца, троном завладел Пекла Навского, но влюбился в Лелю прекрасную и служить стал Сварге Ирийской!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Мать Сырая Земля шла по горушкам, и ступала она по долинушкам. И спадали с небес проливные дожди, её белую грудь било градом, засыпало снегами белыми.

Соскочила она ненароком с Камня Чёрного и горючего да на лютого Змея Индрика.

Уж как вскинулся лютый Индрик, тело обвил её, тело обнял её, опрокинул он Матушку на горы, бил злодей её по белу́ стегну́, целовал в уста её сахарные.

И тогда понесла Мать Сыра Земля от сыночка, от Змея лютого, тяжела она стала от Индрика. Год она тяжела, два она тяжела, три она тяжела — тридцать лет тяжела. Ходит в тягости Мать Сыра Земля по горам-долинам широким — всё-то ходит, дитя вынашивает.

Срок пришёл разрешаться от бремени. Закатилось Красное Солнышко за Ирийские горы высокие,

порассыпались часты звёздочки по небесному своду светлому — и родился тут Волх сын Змея, новый Велес в цепи рождений!

От рождения Волха Змеича потряслось небесное царство, затряслось и царство подземное, море синее всколебалось. Звери по лесу разбежались, птицы по небу разлетелись, рыбы по морю разметались.

А как стало Волху полтора часа — слово он сказал, будто гром взгремел:

— Ой ты гой еси, Мать Сыра Земля! Не спелёнывай меня пеленой своей, не завязывай зла́тым поясом — пеленай меня в латы крепкие, на главу надень золото́й шелом!

И ещё сказал Волх сын Змея:

— Ты, сходи-ка, Матушка, в кузницу — ко Сварóгу, в Сва́ргу небесную, пусть скуёт он громóвую палицу! Брошу я ту палицу в тучи, громом разбужу Змея Индрика! Из норы своей пусть Змей выползет. После грянусь о Землю Сырую, стану Финистом Ясным Соколом, разбросаю перья железные, упаду на Змея с подоблачья, раздеру когтями булатными, размечу клочки по Сырой Земле!

Говорила ему Мать Сыра Земля:

— Будет этому вскоре времечко, всё как сказано — так и станется.

Стал расти Волх мощный, сын Змеевич, не по дням, годам — по минуточкам. Захотелось ему много мудрости.

Научился узлы он завязывать, научился клубки он прочитывать, научился славить Сварога, и Семаргла, и Бога Вышнего.

Обучился также премудростям — как обёртываться Ясным Соколом и парить легко по подоблачью, превращаться как в Волка серого — рыскать Волком в лесах дремучих, и как стать златорогим Туром и скакать горами высокими, обращаться как быстрой Щукой и гулять по морюшку синему.

Обернётся Финистом-Соколом, полетит в подоблачье птицею — по велению Бога Вышнего, по хотению Волха Змеича завернёт гусей и лебёдушек. Обернётся он серым Волком и поскачет в лесах дремучих — по велению Бога Вышнего, по хотению Волха Змеича завернёт медведей, и соболей, и куниц, и лис с горностаями.

Станет он златорогим Туром и поскачет в горах крутых — по велению Бога Вышнего, по хотению Волха Змеича завернёт он туров с оленями, горных коз с могучими барсами.

Обернётся быстрою Щукою — завернёт он рыбу севрюжину и белужину с осетринкою.

Так охотиться стал Волх сын Змеевич!

Не туманушки во поле расстилались, то не буйные ветры разыгрались — то бежали туры златорогие из-за гор высоких Ирийских, и от Камешка Алатырского. А у быстрой речки Смородины, у горючего Камня Чёрного выходил к ним Тур Золоты́ Рога, то сам Огненный Финист — сын Змеевич.

— Ой вы, туры мои, туры ярые! Отвечайте по чести, по совести — где вы побыли, погуляли где? И какое вы чудо видели?

— Мы не видели чуда-чудного, только видели, как из Ирия выходила де́вица красная — да в одной рубашке без пояса. Заходила она по колени в воду, а потом погрузилась до пояса, поглуби́лася до белы́х гру-

дей. На горючий камень вставала, слёзы горькие проливала, тонким кружевом обтиралась, на четыре стороны кланялась.

— Ой вы туры мои, туры ярые! Вышла то не девица красная, выходила то Макошь-матушка. Значит, снова грозит Индерия, собирает силы могучий Змей!

Побежал ярый Тур к царству Индрика, что во глуби Нави средь Чёрных гор. Первый раз скакнул — за версту скакнул, а второй скакнул — не видать его.

Обернулся он Ясным Соколом, высоко́ летит по подоблачью, избивая гусей и лебёдушек к завтраку, обеду и ужину.

Прилетел в Индерию Сокол, на окошечко сел косящетое. То не ветры несут порошицу, то беседуют царь с царицею — Индрик Змей с Пераскеей Змеихою.

Говорит Пераскея-царица:

— Ай ты, Индрик Змей, царь Индерии! Мне ночесь спалось, во сне виделось: поднималися тучи с Запада, из-под туч летел Финист-Сокол, а с Востока летел Магур. Солетались они над полем, меж собою начали биться. Финист поединщика выклевал, его перья чёрные выщипал, пух пустил его по подоблачью.

Отвечает Змей Пераскее:

— Ты спала, Змея, сон ты видела — не видать в синем небе Сокола!

И ещё изрёк лютый Индрик:

— Я сбираюсь в поход к Алатырским горам, покорю я царство заоблачное, разорю я Ирий небесный! И добуду из сада Ирия я себе золотые яблоки. Кто отведает злато яблочко — тот получит вечную молодость, власть получит над всей Вселенной!

Отвечала ему Змеиха:

— Не возьмёшь ты, Змей, Царство Светлое, не добудешь вечную молодость — золотые яблоки Ирия!

Ведь Магур — то ты, царь Индерии! Финист-Сокол — Волх, сын твой Змеевич!

Рассердился тут лютый Индра, он схватил царицу-пророчицу и о каменный пол ударил:

— Не боюся я Волха Змеевича! На отца не поднимет он ручушку — получу я райские яблоки!

Тут слетал с окошечка Финист, обернулся он мощным витязем. Как Стрибог сильным ветром разносит огонь, так и Волх обронил Змею лютому слово:

— Ай ты, Индрик Змей, царь Индерии! Не прощу я тебе насилие — ты пошёл против Бога Вышнего!

Лютый Индрик Змей испугался, бросился за двери железные, запирался запорами медными. Но ударил сын Змея в те двери ногою — все запоры медные вылетели, и раскрылись двери железные.

Как схватил Волх мощный, сын Змеевич, и ударил Змея о каменный пол. Как ударил о пол — гром и звон пошёл.

То не Финист-Сокол крылом махнул — то махнул мечом Волх сын Змеевич и отсёк Змею Индрику голову — и рассыпался Змей на змеёнышей, а змеёныши в щели спрятались.

Волх владыкой стал всей Индерии, сел на Чёрный трон Пекла Навского. Править стал нечистою силою, и возглавил Горынь и Змеевичей, и женился на Пераскее.

Окружили тут Волха Змеи. И явился Вий — подземельный князь, сын великого Змея Чёрного.

Говорил ему таковы слова:

— Ай ты, буйный Волх, Змей великий, царь! Аль не хочешь ты покорить весь мир? Аль не хочешь ты яблок Ирия?

Зашипела тут Пераскея:

— Их нельзя добыть боем-силою, значит — можно хитростью-мудростью. Ты добыть их сумеешь, премудрый Волх!

Захотелось тут Волху власти, захотелось и вечной молодости, он решил покорить Царство Светлое.

Волх сбирался тогда ко Ирийским горам. Первый раз скакнул — за версту скакнул, раз второй скакнул — не видать его.

Обернулся он Горностаем, побежал по лесу дремучему. Щукою нырнул в море синее, а из моря вспорхнул белым Гоголем. На коня лихого он вскакивал, соскочил с него серым Волком.

Обернулся затем Ясным Соколом, высоко полетел по подоблачью, избивая гусей и лебёдушек к завтраку, обеду и ужину.

Прилетел он к Ирию светлому, сел на веточку райской яблони, хочет злато яблочко выклевать.

Вдруг услышал он — песня чу́дная разлилась по саду небесному. Это Леля по саду похаживала, золотыми кудрями встряхивала и сплетала венок из лилий. Её тонкий стан тканью лёгкой скрыт, голосок её ручейком журчит.

И заслушался Финист-Сокол, и забыл волшебные яблоки. Тут ударили колокольчики, затрубили трубы небесные, набежали, слетелися стражники — и вспорх-нул Финист-Сокол с яблони, только сизо пёрышко выронил.

Подняла́ то пёрышко Леля:

— Ах, какое красивое пёрышко!

Отнесла перо в свой златой покой. Только пёрышко Леля выронила, тотчас об пол оно ударилось, обернулося Волхом Змеичем.

Говорил он ей речи сладкие, называл своею любимою:

— Для тебя я не стал покорять Белый Свет и оставил царство подземное и жену Змею Пераскею!

Услыхали шум сёстры Лелины, прибежали Жива с Мареною — тут же Волх обратился в пёрышко.

— С кем, сестрица, ты разговаривала?

— Я сама с собой, — отвечала им, а сама выпускала пёрышко за окошечко за высокое. — Полетай, перо, в чистом поле — там, где волюшка и раздолье!

Так и ста́л Финист в Ирий ночами летать, стал он Лелюшку навещать. Утром возвращался в Индерию, а склонялось Солнце к закату — Финист к Леле спешил обратно.

Так звала́ она Ясна Сокола:

— Ах, ты милый мой, друг сердечный! Всё тоскуешь ты в Тёмном Царстве — ветер в год туда не до-

веет, птица за́ два не долетает... Но домчит к тебе птица-песнь моя, чтобы ты, мой ладо, вернулся... В тот же миг тебя я узнаю по полёту, по крыльям сизым. Я вспорхну к тебе Соколицею, расклублюсь осенним туманом, дымом выберусь из овина, искрой малою от угля взовьюсь, в полночь полыхну заревницею... И тебя, ненаглядный, за руки возьму — хоть ты змей подколодных из Пекла неси. И к губам прильну я губами — будь те́ хоть в крови́, как у волка. Обойму тебя, дролю милого, — даже над горящею крадой. И улягусь с тобой — хоть в могилу, до краёв залитую кровью...

Но являлся к ней Финист-Сокол — и уста его были не в ру́дой крови, в кулаке змею не держал он, звал в объятия — не в могилу... Губы милого — будто соты, что исполнены ярым мёдом, руки — как снопы золотые, шея — как вересковый стебель.

И пошли у Финиста с Лелею целования-любования с поздней ноченьки до утра́. А пу́тру Финист прощался — Ясным Соколом обращался.

Выходила молода́, Лебедь-Леля молода́,
За Ирийские врата́, Золотые ворота́...
Выпускала Сокола́ из право́го рукава...
Ты летай-ка, Финист-Сокол, высоко́ и далеко́...

Раз влетел Финист-Сокол в окошечко, в пол ударился — стал добрым молодцем.

Услыхали то сёстры Лелины — кинулись ко батюшке в гридницу:

— Ой ты, царь небесный, отец родной! Знай, что к Лелюшке нашей приходит гость!

Встал Сварог и пошёл, входит к дочери Леле. Финист-Сокол же вновь обернулся пером.

— Ах, чарóвницы, всё вам чудится! — говорил Сварог дочерям. — Не напраслину ли возводите, и те чары сами наводите?..

На другой день Жива с Мареною на окошке иголки натыкали. Коль наколется гость на иглы — путь навеки забудет в Ирий!

Прилетел Финист-Сокол к Леле. Бился, бился — не смог пробиться, только крылышки все обрезал и иголки те искровянил.

И вскричал тогда Финист-Сокол:

— Ты прости, прощай, Леля милая! Если вздумаешь отыскать меня, то ищи в тридесятом царстве, в Гёмном Царстве у гор Черкасских! Ты сапожек железных три пары истопчешь, и чугунных три посоха ты обломаешь — лишь тогда ты меня отыщешь, и от лютой доли избавишь!

Жизнь и Смерть таковы — по желанью сестриц и велению судьбениц нити жизней наших сплетаются, а затем опять расплетаются. И влюблённые разлучаются...

И собралась скорёшенько Леля, и пошла она по дороженьке, по тропиночке со Ирийских гор.

Говорила она Сварогу:

— Отпусти меня в путь-дорогу! Для любви расстояний нет, обойду я весь Белый Свет!

Много лет она шла, много зим она шла — всё брела полями широкими, пробиралась лесами дремучими и болотушками зыбучими. Песни птиц сердце Лели радовали, и леса её привечали, ручейки лицо омывали.

Звери лютые к ней сбегались, и жалели её, и ласкались. Истоптала сапожек три пары железных, обломала три посоха тяжких, чугунных, и три каменных хлеба она изглодала.

И тогда с печалью воззвала:

— Отзовись! Вернись, Ясный Сокол!..

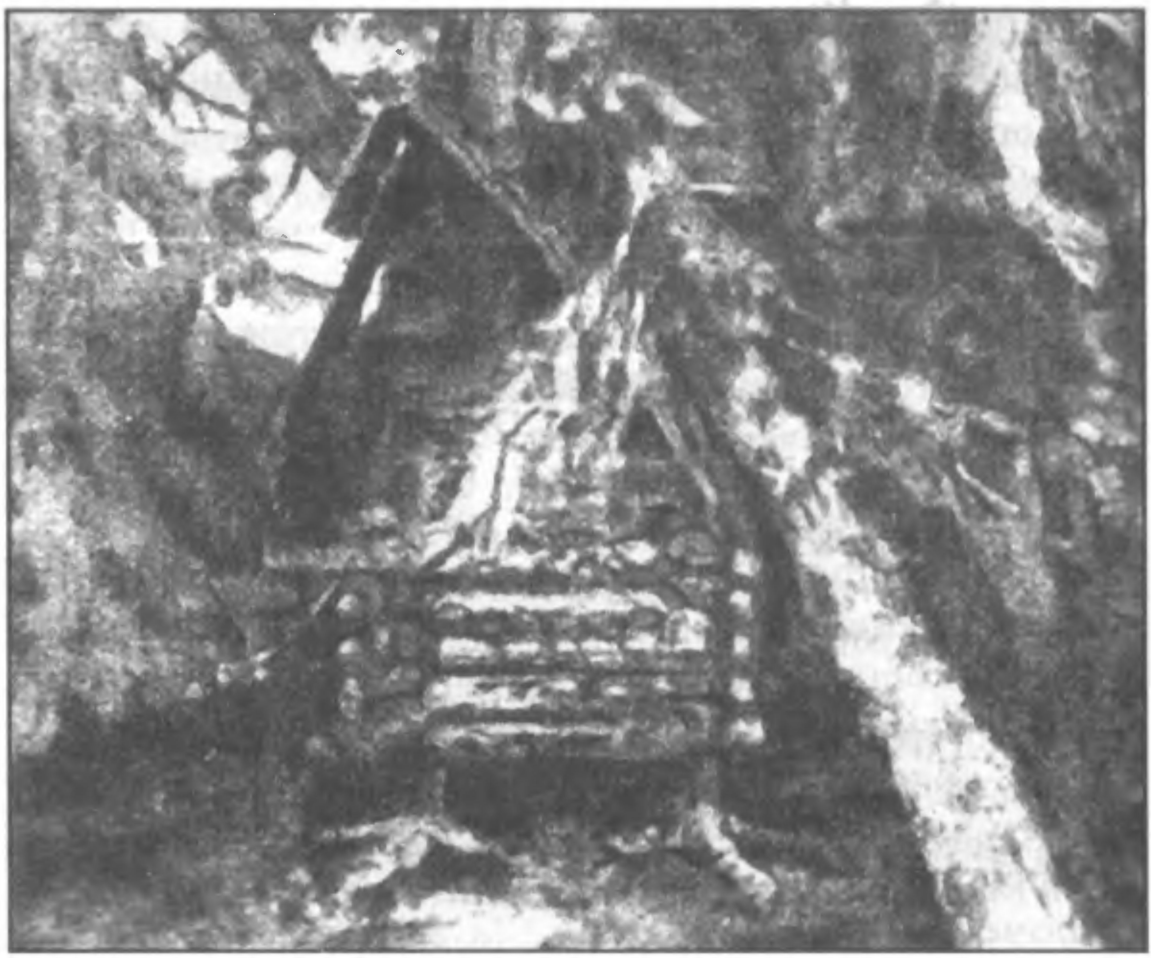
В кровь изранила Леля ноженьки — там, где падали крови капельки, распускалися розы алые.

Вот дошла она до Индерии.

Как у той ли речки Смородины — видит Леля — стоит избушечка и на ножках куричьих вертится. Вкруг избушки той с черепами тын.

Попросилась она в избушечку:

— Ой да вы, хозяин с хозяйкою! Велес Суревич с Бурей-Вилой! Вы пустите меня, накормите, ночкой тёмною приютите!

Говорил тогда Велес Леле:

— Ай, я помню тебя, Свароговна! Объясни-ка нам, сделай милость: ты зачем к нам в гости явилась?

Отвечала так Леля Велесу:

— Много лет, много зим я по свету иду, всё ищу я Финиста Ясного, Волха Змеевича прекрасного. Вы пустите меня, хозяева! Накормите меня белым хлебом, напоите вином медвяным!

Отвечали Леле хозяева:

— У нас в Тёмном Царстве — горькое житье. У нас хлеба белого — нет, и питья медвяного — нет. А есть — гнилые колоды, а есть — водица болотная!

Повинилася млада Лелюшка:

— Вы простите меня за прежнее, за прошедшее-стародавнее. И за то, молю, не держите зла, что печаль любви, как печать легла...

Отвечали Леле хозяева:

— Заходи же к нам, млада Лелюшка! За любовь тебе всё прощается, ведь любовью всё очищается!

И ещё сказал Велес Суревич:

— Ох и трудно тебе отыскать в ночи удалого Финиста-Сокола! Раньше было у Сокола времечко. Он легко парил по подоблачью, уж он бил гусей и лебёдушек! Ну а ныне времечка нет у него— тяжело в золочёной клеточке. Ведь он стал теперь царь Индерии и вернулся ко Параскее — к той, что Смерти не веселее...

А наутро прощалась Лелюшка с Бурею-Ягою и Велесом. И сказала Леле хозяюшка:

— Вот бери подарочек, Леля. Ты возьми золотое яблочко, вместе с ним серебряно блюдечко. Как покатишь яблочко в блюдечке — этим ты себе угодишь, всё что хочешь в блюдце узришь!

Провожал Лелю Велес по лесу — покатил впереди клубочек:

— Ну, ступай, Лелюшка, за клубочком. Куда катится он — путь туда держи, к Ясну Соколу поспеши.

Вот пришла она во Индерию, горы там в облака упираются и дворец стоит между чёрных скал.

У дворца Леля стала похаживать и катать по блюдечку яблочко.

— Покатись, золотое яблочко, покатись по блюдцу серебряному, покажи мне Финиста Сокола!

Покатилось по блюдечку яблочко — показало Финиста-Сокола. Увидала то Пераскея — ей понравилось блюдце Лели.

— Не продашь ли, Леля, забавушку?

— Не продам — то блюдце заветное. Поменяю на ночку тёмную с твоим мужем Финистом-Соколом.

«Не беда! — Пераскея думает. — Опою я Финиста-Сокола. Будет он, как убитый, всю ночь почивать, я же — с чудо-блюдцем играть!»

А в ту пору летал Финист по небу, избивая гусей и лебёдушек, птиц небесных к себе заворачивая.

Вот слетел и ударился о Землю, обернулся вновь Волхом Змеичем. Тут жена его опоила — чашу сонную подносила.

— Что ж, иди, — прошипела Леле. — До рассвета он будет твой, а с рассвета — навеки мой.

Подошла Леля к спящему Финисту:

— Ты проснись-пробудись, Ясный Сокол! На меня взгляни и к сердечку прижми! Много лет прошло, много зим прошло. Истоптала сапог я три пары железных, обломала три посоха тяжких чугунных и три каменных хлеба уже изглодала — всё тебя, Ясный Сокол, по свету искала!

И она его целовала, и ко белой груди прижимала. Только Финист спал-почивал, ясных глаз он не открывал. Занималась уже Зареница, таяла в лучах Утреница. Поднималося Солнце Красное, гасли на небе звёзды частые...

Тут на щёку Финиста-Сокола пала Лелюшкина слеза, пробудился он и раскрыл глаза:

— Здравствуй, Леля моя прекрасная!

— Здравствуй, милый мой Сокол Ясный!

Сговорились тут Финист с Лелею и бежали из Царства Тёмного.

Утром Пераскея хватилась, на всё царство принялась выть, приказала в трубы трубить:

— От меня сбежал Волх-изменщик!

Тут сбежалась к ней нечисть чёрная — прибежал и Вий подземельный князь, и Горыня, Усыня с Дубынею, солетелись змеи летучие, и сползлися змеи ползучие. Из норы ползли — озирались, по песку ползли — извивались:

— Волха мы засадим в темницу, коль настигнем его у границы!

Финист-Сокол же вместе с Лелею добежали до речки Смородины.

Как у той ли речки Смородины Велес с Бурею их встречали, беглецам они провещали:

— Вы бегите-ка в Царство Светлое к Алатырским златым горам — мы погоню не пустим к вам!

И тогда Финист-Сокол с Лелею на калиновый мост ступали, речку огненную миновали.

А погонюшка припозднилась, вскоре вслед за ними явилась. Как увидели змеи Велеса с Бурею-Ягою у бережка — тут же в норушки уползали, Вий и Виевичи сбежали.

Лишь Змея Пераскея ощерилась:

— Не боюся я твоего огня! Финист-Сокол — мой, пропусти меня!

Тут ответил ей буйный Велес, раскатился гром в поднебесье:

— Ты, Змея злокаманка, Змея Пераскея! Ты продала Волха за блюдечко, — знать, любви между вами нет. Ну а Леля за ним обошла весь свет!

Тут стряхнул Пераскею Велес и притопнул её ногою — так расправился со Змеёю.

Побежали Волх вместе с Лелею к Алатырским горам, к саду Ирию.

Обернулся Волх ярым Туром, перекинулась Леля Турицей. Первый раз скакнули — версты уж нет, а второй скакнули — пропал и след. Обернулся Волх серым Волком, обернулась Леля Волчицею — побежали по лесу дремучему, обернулись Щуками быстрыми — унырнули в море зыбучее. Взвились птицами к облакам, и от них слетели к горам.

Прилетели они к саду Ирию. Финист-Сокол о Землю бился, сизым пёрышком обратился. Леля это перо взяла́, и к Сварогу-отцу вошла.

— Где же ты была, дочь любимая?

— Я гуляла по Свету Белому.

— Ветры буйные мне вещали, как ты с Соколом пролетала. Волны синие мне плескали, как ты Щукою проплывала. А дубравушки прошептали, как Волчицею пробегала. И как с Туром скакала Турицей мне поведало Солнце Красное. Пусть же явится Сокол Ясный!

Обронила тут Леля пёрышко — обернулось оно Ясным Соколом.

— Что ж, — сказал Сварог, — видно, Бог судил, видно, так завязано Макошью — будет свадьба у нас небесная! Пусть пирует вся поднебесная!

И сыграли свадебку в Ирии, стала Леля женою Волха, удалого Финиста-Сокола.

И на свадьбе трубили трубы, лился хмель и плясали звёзды. И явились на свадьбу боги — сам Перун Громовержец с Дивой, и Стрибог, Семаргл Сварожич, Велес с Бурею Святогоровной, Хорс с Зарей-Заренице́й и Месяц, Макошь с Долею и Недолей, и Маренушка вместе с Живой.

И слетелись к Леле-юдице со всего Света Белого птицы. И сбежались лютые звери, и сползлись ползучие змеи. Было в Ирии столование и великое пирование.

И Всевышнего все хвалили, после Лелю с Волхом дарили.

Преподнёс Сварог им по перстню — с сердоликом, камнем сердечным. Лада-матушка — розу алую. Велес с Бурей вернули блюдечко, с чудо-яблочком золотым, что вещало лишь правду им.

Коль наденет Лелюшка перстень — значит где-то быть свадьбе вновь. Если поднесёт розу алую — вечно будет цвести любовь!

Начало́ся веселье в подсолнечном мире. Пировало царство небесное, вместе с ним и вся поднебесная!

ВТОРОЙ КЛУБОК

ВЕЛЕС И АСЯ ЗВЕЗДИНКА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о том, как Ася Звездинка бога Велеса полюбила...

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как во том Святогоровом царстве жил купец богатый Садко. Почитал он Велеса мудрого. И во всех краях, где он хаживал, богу Велесу строил храмы.

И имел он много товаров, золотой казны, самоцветов. И имел трёх дочек любимых, и любил он их больше жизни, больше всех сокровищ земных. Всех сильней любил дочку младшую — Асю, правнучку Святогора.

Вот пришла пора отплывать по делам торговым-купеческим в тридесятое государство. Собираясь в дорогу дальнюю, так сказал Садко дочерям:

— Много ль, мало ль в дороге буду, то не ведаю, дочки милые! Вы ж живите достойно, смирно. Коль исполните мой наказ — привезу такие подарочки, о каких вы только мечтаете...

И сказала так дочка старшая:

— Государь ты мой, ро́дный батюшка! Не дари ты мне чёрна соболя, злата-серебра, жемчугов, подари венец королевский из камней драгих самоцветных, чтоб в ночи сиял, словно Месяц, ну а днём горел — Солнцем Красным!

И Садко сказал старшей дочке:

— Хорошо, пусть будет по-твоему! Знаю я, есть в царстве заморском тот драгой венец самоцветный. Он хранится у королевы, спрятан в каменной кладовой во пещерочке под горою за двумя дверями железными, за тремя замками булатными... Да, работушка будет трудная, но казне моей всё откроется.

Поклонилася дочка средняя:

— Государь ты мой, родный батюшка! Не дари ты мне чёрна соболя, злата-серебра, жемчугов — дай хрустальное чудо-зеркальце, чтоб, смотрясь в него, я не старилась, красота моя прибавлялася!

И ответил он средней дочери:

— Хорошо же, дочь моя милая! Знаю я, что в царстве заморском у царя с царицей прекрасной есть волшебное чудо-зеркальце. Скрыто зеркальце в башне каменной, что поставлена на горе. За семью дверями железными, за семью замками булатными. Вы-

ина горы триста саженей, и ведут к той башне сту-
ени — их три тысячи без единой. И на каждой сту-
ени — воин, и ключи от этих дверей та царица но-
ит на поясе. Да, работушка будет трудная, но казне
оей всё откроется.

Поклонилась и дочка младшая:

— Государь ты мой, ро́дный батюшка! Не дари ты
не чёрна соболя, злата-се́ребра, жемчугов, не вези
огатых даров. Привези лишь алый цветочек — да
акой, чтобы в свете нашем не найти его было б
раше!

Призадумался тут купец. Мало ль, много ль прохо-
ит времени, стал ласкать Садко дочку младшую, го-
орил он ей таковы слова:

— Ой, дала ты мне, дочь, за́дачку — потяжельше,
ем сёстры старшие. Как найду я цветочек алень-
ий? Как узнаю, что он всех краше? Поищу его в цар-
твах дальних... А найду ли, нет — я не ведаю...

И поплыл Садко через морюшко, торговал в три-
есятом царстве, продавал товары втридорога, по-
упал чужие втридёшева, трюмы нагружал зла́том-
е́ребром и каменьями драгоценными.

Много ль, мало ль проходит времени — он добыл
енец самоцветный старшей дочери на забаву, сред-
ей дочери — чудо-зеркальце. Но не смог найти
ладшей дочери тот заветный алый цветок.

Был Садко в садах королевских, был и в княжес-
их, был и в царских. Видел много цветочков алых —
о никто не мог поручиться, что их краше нет в це-

лом свете. Говорили ему садовники, что ещё прекрасней цветы во горах высоких Ирийских, только в горушки те святые нет пути-дороженьки смертным...

И поднялся Садко на кораблике ко истокам великой Ра. Плыл от самого моря Чёрного ко горам высоким Ирийским.

Вот уж реченька стала узенькой, обмелела и запорожела. И сошёл Садко с корабля, и пошёл Садко с корабельщиками по горам, холмам и долинам. Брёл Садко лесами дремучими и болотушками зыбучими... И дружков в пути растерял — кто пропал в болотной пучине, кто назад повернул иль в реке утонул...

А Садко всё шёл без дороженьки.

Видит: лес пред ним расступается, а за ним опять задвигается. И не слышно рыку звериного, и шипения нет змеиного, писка в норочках нет мышиного, нет в ночи и крика совиного... Только сердце бьётся в груди, только виден свет впереди...

Выходил Садко на поляночку. А среди поляны широкой там стоит чертог белокаменный и сверкает огнями многими. И украшен чертог златом-серебром и каменьями самоцветными. Все окошечки в нём растворены, и играет дивная музыка...

И входил Садко в золотой чертог. Видит: лестница бела мрамора с позолоченными перилами, по бокам вода бьёт ключами, и цветы растут, птицы песнь поют. Входит в залы Садко и в горницы — и везде убранство богатое, только нет кругом ни души.

И дивится Садко чуду-чудному, только думает про себя: «Как красиво здесь и богато, только кушать путнику нечего...» Лишь подумал он — перед ним вырос стол, уставленный яствами. Сел за стол Садко без сомнения — и напился, наелся досыта. Не успел он встать, оглянуться, а стола с едой как и не было... Только музыка не смолкает...

И дивится Садко чуду-чудному, только думает про себя: «Хорошо бы лечь отдохнуть...» Глядь — пред ним кроватка резная, пуховик на ней, как гора, лежит, пуху мягонького, лебяжьего... И заснул Садко, и забылся...

Утром встал с кровати высокой, а уж платье ему приготовлено. Одевался он, умывался, кушал завтрак. И снова стал по палатам дивным прохаживать. Всё казалось ему лучше прежнего. И сошёл он с лестницы мраморной с малахитовыми перилами и выхаживал в чудный сад.

Ходит он по саду — дивуется. Спеют там плоды на деревьях, и цветы цветут расчудесные, по цветочкам летают бабочки, и ключи там бьют, птицы песнь поют.

Видит он: перед ним на пригорочке расцветает цветочек алый. Красоты цветочек невиданной, что ни в сказке сказать, ни вздумать. От него по саду волшебному разливается чудный запах...

Дух в груди Садко занимается, резвы ноженьки подгибаются, и сердечушко разрывается.

— Вот какой он, цветочек алый! Нет его в целом мире краше!

И сорвал Садко тот цветок — в тот же миг безо всяких туч гром ударил, сверкнула молния и под ним земля зашаталась. И явился перед купцом сам бог Велес Сурич — чудовищем, коим стал по заклятью Кащея после похищенья Вельмины.

И взревел Чудо-Юдище дико:

— Что ты сделал! И как посмел мой цветочек рвать заповедный? Я цветочком тем утешался и хранил его пуще ока... Я — бог Велес, хозяин сада! Я кормил тебя и поил. Ты ж мне чем за то уплатил?

И со всех сторон возопили:

— За цветочек аленький — смерть!

И упал Садко на колени:

— Ой ты, гой еси, Велес-батюшка! Ты прости меня неразумного! Не вели казнить, вели миловать, дай мне словушко только вымолвить... У меня есть дочки любимые — и хорошие, и пригожие. Обещал я им дать подарочки: старшей — дать венец самоцветный, средней — зеркальце подарить, и цветочек аленький — младшей, в целом свете его нет краше... Старшим я добыл по подарку, только младшей найти не смог... Но увидел я тот цветочек во саду твоём, мудрый Велес! И подумал, что ты богат, жалко ль будет тебе цветочка?..

И ответил так буйный Велес:

— Нет тебе от Велеса милости! Но одно есть только спасение. Отпущу тебя невредимого, награжу казною несчётною, подарю и алый цветочек, коли вместо себя ко мне ты одну из дочек пришлёшь.

Я обидушки ей не сделаю, будет жить в чести́ и приволье. Стало груст-но мне одному, пусть развеет она мне горе...

Падал ниц Садко пред хозяином, лил купец горючие слёзы.

— Ой ты гой еси, Велес-батюшка! А как быть, коли дочки милые не пойдут к тебе по хотению? Аль прикажешь их приневолить? Да и как к тебе добираться? Я три года шёл без дороженьки, по каким местам, сам не ведаю...

И ответил так Велес мудрый:

— Пусть придут они по хотению, по любви к тебе, ро́дну батюшке. Ну а коли не захотят, сам вертайся за лютой смертью. Как дойти сюда — не твоя печаль. Вот возьми-ка, Садко, мой перстень — со рубином алым из Китежа. На мизинец его наденешь, будешь там, где сам пожелаешь...

Начал думать Садко думу крепкую: «Лучше с дочками мне увидеться, ну а коли меня не выручат — приготовлюсь я к лютой смерти...»

И надел перстенёк на палец.

Не успел Садко оглянуться — он стоит во славном Царьграде на своём широком дворе. И в ту пору в ворота въехали караваны его богатые, и казны на них больше прежнего.

И встречают его дочурки. И целуют его, и милуют. И зовут его словом ласковым. Принимают его подарочки, дочка старшая — дорогой венец, дочка средняя — чудо-зеркальце, дочка младшенькая — цветок. Только видят — печален батюшка, есть на сердце его тоска.

И сказала так дочка младшая:

— Мне богатства твои ненадобны, и цветочек алый не радует, коли ты нерадостен, батюшка. Ты открой-ка нам, в чём печаль твоя. Не таи от дочек кручинушку...

И ответил так дочерям Садко:

— Я нажил богатство великое, но не смог беду отвратить. Дал обет такой богу Велесу: если он меня возвратит домой и подарит цветочек алый, я отдам ему дочь родимую. Коль никто из вас не решится жить у Велеса, бога лютого, обращённого в Чудо-Юдо, — я умру тогда смертью скорой...

Испугалися дочки старшие, разбежалися и попрятались. Только младшая так сказала:

— Коль ты мне принёс аленький цветок, значит, надо мне выручать тебя, отправляться жить к богу Велесу. Буду я служить зверю лютому, может, он меня и помилует...

И с отцом прощалась Звездиночка, и брала она аленький цветок, перстень на руку надевала.

В тот же миг она оказалась во палатушках бога Велеса на кроватушке золочёной и на той перине лебяжьей. И легла она почивать — утро вечера мудренее...

А наутро она проснулася и пошла чертоги осматривать. И ходила она много времени, на диковинки удивляясь. И казалося ей всё краше, чем рассказывал родный батюшка.

И сошла она во зелёный сад. И запели ей соловьи, зазвенели ключи хрустальные, и цветы пред ней преклонились. И взяла она аленький цветок — посадить его захотела. Он же сам из рук её вылетел

и вернулся на стебелёк. И расцвёл опять краше прежнего.

И Звездиночка так сказала:

— Значит, мой хозяин не гневается и со мною он будет милостив.

Тут на стеночке беломраморной буквы огненные явились:

«Не хозяин я, а послушный раб. Что тебе, госпожа, захочется — в тот же миг исполню с охотою».

Изумилась Ася словам таким:

— Не зови меня госпожою! Будь же добрым мне господином, не оставь меня своей милостью... Я из воли твоей не выступлю... Я за всё тебе благодарна...

Стала жить так Ася Звездиночка. Всякий день её беспечален, всякий день — нарядушки новые, и убранства, и украшения. Подают ей руки невидимые яства-кушанья, угощения. Всякий день катанье весёлое по лесам, полям и дубравушкам — в колесницах волшебных без упряжи... И приветы и речи ласковые шлёт ей Велес словами огненными всё на той стене беломраморной...

И увидела Ася — Велес полюбил её больше жизни. И тогда она захотела говорить с ним и голос слышать. И молила она хозяина. И явилися ей слова на той стеночке беломраморной:

«Приходи сегодня в зелёный сад во свою беседку любимую. И скажи: я слушаю, Велес!»

Много ль, мало ль проходит времени — прибежала Ася Звездиночка во свою беседку любимую. А сердечко у ней трепещет, как у пташечки, в клетку пойманной.

— Говори со мной, добрый господин! После всех твоих многих милостей — и звериный рёв мне не страшен...

И услышала Ася милая ровно кто вздохнул за беседкою. И услышала голос страшный, дикий, сиплый, как волчий вой. Испугалась она и вздрогнула, но приветливые слова скоро сердце ей успокоили. Стала слушать она речи умные, на душе её стало радостно.

С той поры беседы пошли у них — целый день в саду на гуляниях, в тёмных лесушках на катаниях.

Только спросит Ася Звездиночка:

— Здесь ли ты, мой добрый хозяин?

Отвечает ей мудрый Велес:

— Здесь я, твой неизменный друг!

И не страшен ей голос дикий. И идут у них речи долгие, и за ласковою беседой незаметно уходит время...

Много ль, мало ль мину́ло времени — захотелось Асе Звездиночке увидать обличие Велеса. И просила о том друга верного. Долго Велес не соглашался, испугать её опасался:

— Не проси меня, Ася милая! Ведь меня в обличье чудовища устрашаются даже звери! Мы живём с тобою в согласии и друг с другом не разлучаемся. А увидя мою личину, ты меня, конечно, оставишь. Я ж навек тогда затоскую...

Не послушала Ася милая.

— Я не разлюблю тебя, Велес! Во любом обличье явись! Если стар человек — будь мне дедушка. Коль середович — будь мне дядюшка. Если молод ты — будь мне братушка. И поколь жива — будь сердечный друг!

И ответил ей мудрый Велес:

— Я тебе перечить не стану — я люблю тебя больше жизни! Ныне приходи во зелёный сад, как за лес зайдёт Солнце Красное. И скажи: «Явись, мой сер-

дечный друг!» Я тогда тебе в серых сумерках на единый миг покажуся...

И пошла она во зелёный сад, ни одной минутки не мешкая. Опустилося Солнце Красное, и тогда Звездинка промолвила:

— Ты явись ко мне, мой сердечный друг!

Показалось ей Чудо-Юдище, вдалеке на миг появилося, перешло дорожку садовую и пропало сразу в кустах...

Испугалася Ася, вскрикнула и на землю пала без памяти. Вправду было страшно чудовище. Его кожа была — что елова кора, ну а волосы — что ковыль-трава. На руках-то — когти звериные, его ноженьки — лошадиные, нос — как клюв совиный, клыки во рту, а глаза — колодцы бездонные.

Пролежала она много времени. Как очнулася — слышит плач, кто-то рядом с ней убивается:

— Ты меня погубила, девица! Ты меня теперь не захочешь и ни видеть, ни даже слышать...

Жалко стало Звездиночке Велеса:

— Господин мой добрый и ласковый, я не буду больше бояться, не забуду я твоих милостей и не разлучуся с тобой! Покажись мне теперь в виде давешнем, я впервые лишь испугалась...

Показалось ей Чудо-Юдушко, только близко не подошло, как она его ни просила. И гуляли они до ноченьки, и вели беседушки прежние.

На другой день она увидела буйна Велеса в свете Солнышка — и ничуть уже не боялась. И пошли у них разговоры день-деньской, с утра и до вечера. И гуляли они по садам, и катался по лесам...

Много ль, мало ль минуло времени, как-то раз приснилися Асе дом родительский и отец. Он стоит один на пороге и печалится о Звездинке.

И она молила хозяина:

— Отпусти меня, Велес мудрый, в гости к батюшке моему! Он слезит свои очи ясные, всё тоскует он обо мне...

И ответил ей Велес мудрый:

— Что ж, иди, мой свет, не в неволе ты! Вот возьми, Звездиночка, перстень. Повернёшь рубин — ты у батюшки, повернёшь ещё — снова дома. Но вернись, молю, до заката! А иначе сила волшебная у того рубина иссякнет, и останешься ты у батюшки, я же без тебя затоскую...

Повернула Звездинка перстень — оказалася в Цареграде. И встречают её Садко и сестрицы её родимые. И нарядам её дивятся, и рассказами утешаются.

Рассказала она Садко о привольном житье своём, ничего пред ним не скрывая. И дивился, и веселился он житью её королевскому, и тому, что она привыкла не бояться Чудища-Юдища.

И проходит день, как единый час, стали сёстры её упрашивать не идти назад к Чуду-Юдищу. И разгневалася Звездинка:

— Если я моему господину за любовь его буду злом платить, лучше мне и не жить на свете!

И тогда сестрицы родные задержать решили Звездиночку, и все окна закрыли ставнями, запалили в тереме свечечки...

Вот к закату Солнце склоняется, а Звездиночка не спешит домой, на пиру забылась у батюшки...

Тут отец Садко удивился:

— Что же в доме окна заставлены? Надо их открыть — посмотреть, не заходит ли Солнце Красное?

Как открыли слуги те ставенки, видят все, что последний луч посылает им Солнце Красное...

И тогда Звездиночка Ася повернула свой перстенёк. В тот же миг она очутилась во дворце своём белокаменном, во палатушках бога Велеса.

И вскричала она тогда:

— Что же ты меня не встречаешь, господин мой ласковый Велес?

А вокруг стоит тишина. Не поют в саду птицы певчие и не бьют ключи родниковые...

— Где же ты, мой алый цветочек? — так в саду заплакала Ася. — Аль его Красным Солнышком выпекло, и дождями частыми вымыло, жёлтыми песками повымело?

Побежала она к пригорку, где цветочек аленький рос. Видит — Велес лёг на пригорке, обхватив руками цветок. Видит — он лежит бездыханный. Его очушки помутились, и уста его запечатались...

И припала к нему Звездиночка, и ласкать она стала Велеса, целовала его и плакала:

— Ты проснись, пробудись, милый Велес! Я люблю тебя, как невеста жениха желанного любит!

Только те слова прозвучали — заблестели в небушке молнии, затряслася Земля Сырая и потрясся небесный свод.

И упала Ася без памяти...

А очнулась... в палатах царских, и сидит она на престоле, князь младой её обнимает...

— Ася! Звёздная ты царевна! Ты меня тогда полюбила за любовь мою, душу добрую, когда был я как лютый зверь! Скинул я личину ужасную, полюби же меня теперь!

И ещё сказал Велес Сурич:

— Злой волшебник силой Седуни наложил заклятие крепкое — жить мне в образе безобразном до тех пор, пока в сём обличье не полюбит меня красна

девица... Ты снялá заклятье Седунево! Быть тебе моею супругой!

И они полетели в Ирий на ковре-самолёте Велеса.

И сыграли там вскоре свадебку. И на свадьбе Велеса Сурича веселилися небожители, веселился и сам Садко и сестрицы Аси Звездиночки.

А когда Велес с Асей женились, в хороводе звёзды кружились... И родилася у Звездинки и у Велеса Всевеликого, как пришла тому пора-времечко, дочка Ламия солнцеликая!..

И теперь все Велесу славу поют, и Звездиночке, и Садко — внуку Святогора с Плеяною!

Как на озере Светлояре, во Великом том Китеж-граде, Велес, мудрый бог, видел смутный сон.

Говорил он Асе Звездиночке:

— Ой, малым-мало́ ныне мне спалось. Мне мало́ спалось и привиделось... Как слеталися чёрны вороны, собиралися тучи чёрные... И Властители четырёх стихий собиралися-соезжалися... И судили там, и рядили, о Звездиночке говорили: «Ася — смертная! И по Прави — жить ей краткий век человека! Человечья жизнь — словно искра! Погорит она и погаснет!»

И, услышавши те слова, опечалилася Звездинка:

— Почему должна умереть я? И за что же мне эта кара? Кто меня теперь защитит?

— Не волнуйся, — ответил Велес. — Я Властителей умолю, чтобы жизнь тебе сохранили! Возложу на их алтари я сокровища все свои!

Но послышался голос Вышня:

— О, не трать богатства напрасно... Не в ладах ты, Велес, со Смертью! Враждовал ты с родом Седуни — и не будет Ася бессмертной!

— Что ж, готова я мир оставить, — так сказала Ася Звездинка, — если ты меня не забудешь... Я к тебе прорасту травою, расцвету цветами весною...

И явилася Смерть Звездинке:

— Ты умрёшь теперь, как и люди! И тебя на ложе печали Велес, сын Коровы, уложит!

И воскликнул тут Велес Сурич:

— О Звездиночка! Зорька ясная! Вот вода иссякла в крынице... И колышутся в поле травы, и печально

щебечут птицы... Что за сон владеет тобою? Вот и сердце твоё не бьётся... Ты бледна и меня не слышишь, закатилося Ясно Солнце...

Не насытившись горьким плачем, Велес бросился в лес дремучий, да ко омутам тем зыбучим...

Что там? Ветер ли ветки клонит? Или вихорь листья срывает — под горой у речки студёной?

То не вихорь вьёт и не ветер — кружат здесь под горой русалки, двор городят и строят терем. Вместо брёвен кладут в основу старцев с белыми бородами. Не кирпич кладут — малых деток, не подпорочки — жён с мужьями. Из мальчишек делают крышу, из девчоночек — черепицу. Двери — из парней неженатых. А окошечки — из невест.

— Велес! Велес! Вот тихий ветер шевельнул листву у деревьев. Это вилы, русалки-вилы, закружилися в хороводе. И не видел ты, и не чуял — понесло тебя, закружило в хороводе у тихой речки...

Пляшет Велес и горько плачет. И спросили его:

— Что ж плачешь ты в русалочьем хороводе? Жаль тебе ли старую маму? Иль отца? Сестру или брата?

И ответил печальный Велес:

— Жаль не батюшку и не мать мне. Не сестру родную, не брата. Жаль подругу милую Асю, что угасла ныне с Зарёю...

И побрёл он теми лесами, поднимался в горы высокие, опускался в до́лы широкие.

И пришёл к горам Сарачинским, к Каракайской Чёрной горе. Видит он пред собой пещеру, что закрыта медною дверью. И ту дверь охраняют стражи. Их ужасней представить трудно: псы — Азарушка и Казар.

И сказал им так Велес Сурич:

— Вы откройте-ка двери, стражи! Нет мне более кизни в Яви. Я хочу подругу увидеть. Ту, что ныне делалась прахом...

И ему ответили стражи:

— Как же ты, сын Солнца, пойдёшь, ничего не идя во мраке?

— Как печаль идёт прямо в сердце. Я пойду со здохом и плачем, с тяжкой мыслью о милой Асе...

И открылись бесшумно двери, уступив непреклонной воле. И вошёл в пещерушку Велес. И вступил на печальный путь.

Много ль, мало ль он шёл во мраке — вот забрезкил свет впереди...

И открылась взору долина, и луга, и роща, и речка. Там плоды свисали с деревьев, и цветы в траве расцветали.

Только было всё неживое. Все стволы — из чёрного камня, листья, травы — из малахита, а плоды с цветами — из яшмы, из рубина и сердолика.

И ту рощу покинул Велес. И увидел Чёрную реку, кто текла слезами людскими. И увидел Чёрное море. И над бездною той — утёс. И узрел на чёрном тёсе дом без окон с плоскою кровлей.

Подошёл к нему Велес. Видит, что у дома заперты двери. Но от слуха его не скрылось за дверями чьё-то дыханье.

— Кто здесь? — спрашивал Велес громко. — Ты ль, хозяйка утёса Сида? Та, что здесь богов принимает, угощает медовой сурьей?

— Да. Я здесь гостей принимаю! Что ты ищешь тут, мудрый Велес? Отчего же ты так печален?

— Как же, Сидушка, мне не плакать! Смерть украла мою супругу — Асю, правнучку Святогора! Потому отныне печально я брожу по Тёмному царству...

И пропела так Вила Сида:

Год за годом травой растёт,
век за веком рекой течёт.
За Зимою идёт Весна,
Лето с Осенью им вослед.

После дня наступает ночь,
а за ночью идёт рассвет...
Круг сменяет Круг бесконечно...
И ничто под Луной не вечно...

И сказала так Вила Сида:

— То ли ищешь ты, Велес мудрый? Ведь Сварог с супругою Ладой человека со́здали смертным. Ты оставь пустые заботы! И развей печальные думы! Выпей лучше ты чашу с сурьей...

Выходила к нему хозяйка, чашу с сурицей выносила. И увидел хозяйку Велес. Поразился он несказанно вот стоит перед ним Звездинка, и в руках она держит чашу.

— Ты ли это, Ася Звездинка? — вскрикнул Велес и принял чашу.

— Это я — великая Сида! Я ж Звездиночка, дочь Садко. Я ж — Ясунюшка Святогоровна. Также я — Премудрая Вила. Также я — Хозяюшка Камня и Азовушка Золотая.

И ещё она так сказала:

— Много раз я в мире рождалась, много раз покидала мир... И во всех назначенных жизнях я всегда тебя находила! Здравствуй, Ра́мна! Асила! Велес!

И ответил ей Велес мудрый:

— Здравствуй, Сида! Азова! Вила!

И тогда над чёрною бездной зашумели мощные крылья, и явилась им Гамаюн.

— Вы садитесь ко мне на крылья!

И услышали боги зов. И садился Велес на правое, Вила Сида села на левое. И они полетели в Ирий к Свету Белому, к Сурье-Ра.

ТРЕТИЙ КЛУБОК

СНЕГУРКА И ЛЕЛЬ

— Расскажи, Гамаюн птица вещая, как роди́лись Лель и Снегурочка. Спой историю их любви!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как у Волги — Великой Ра да во тех лесах Светлояровых Велес с Вилою жили и зверей сторожили.

Был весной Велияром — Велес. Вила же была — Вешней Тальницей. Где пролётывал Велияр вместе с Тальницей Святогоркою — таял снег, росли яровые.

Был Зимою Велес — Морозкою, Вила же — Метелицей-Вьюжницей. Где Морозушко пролетал вместе с Вьюжницею-Метелицей — там снега ложились высокие, реки леденели широкие.

И из снега талого, вешнего Велес с Вилой слепили девочку. И назвали её Снегурочкой. И качали доченьку в люлечке, и Снегурочку так баюкали:

— Спи, дочурочка! Спи, Снегурочка! Ты из вешнего снега скатана, вешним Солнышком нарумянена!

И росла дочурка Снегурочка. И такой красавицей стала — ни пером описать, ни вздумать. Её кожа бела́ ровно белый снег, словно смоль черны́ её волосы, как кровиночка — губы алые.

А у реченьки той Смородины жили Леля с Финистом Соколом. И роди́ла Лелюшка сына златокудрого, златогласого. И назва́ла сыночка Лелем.

И сыночек Лель был на возрасте, словно Сокол Ясный на во́злете. И играл на чудной свирели, пел он голосом соловьиным. И прислушивались к тем песням горушки вокруг и долины...

Вот пришла зима снеговитая, вьюгами вся перевитая...

И Снегурочка, дева юная, так с Метелицей говорила:

— Ой, не спится мне и не дремлется, и сердечушко беспокоится. Я в окно гляжу, вьюженьку сторожу...

— Ой ты дитятко, не тревожься, — отвечала ей мать Метелица. — То метель метёт, ветер стонет и у дерева ветки клонит...

— Ой мне скучно, мама, и грустно, — так гова́ривала Снегурочка, — во груди сердечко тревожится! Худо мне, младой, и неможется... Я пойду в лесок разгуляюся, со милы́м дружком повстречаюся...

Отвечала ей так Метелица:

— Ой, Мороза дочь, не ходи гулять в ночь! По снежку следов не протоптывай! Те следочки не скрыть порошицей от печалюшки — горя лютого.

Но Снегурочка не послушала. И пошла гулять во лесок, выходила на бережок. Бережок водой приулитый, сапожочками приубитый.

Скок она поско́к на ледо́к — подломился каблучок. Подломился каблучок, пала дева на бочок. Не́кому руки подать, некому её поднять.

Тут по реченьке стук копыт, тройка над рекой летит. Колокольцев звон-перезвон: дили-дон! дили-дон! дили-дон!

Едет с песней Лель на саня́х на горячих своих конях.

Говорила Лелю Снегурочка:

— Ах ты милый мой, друг сердечный! Не проскакивай вдоль по речке! Ты попридержи-ка коней, дай мне рученьку поскорей!

Руку ей подал милый Лель:

— Вот тебе рука моя, де́вица! А за помощь спрошу с тебя плату я. Да не малую — поцелуй меня!

На руке же витязя — перстень с алым камешком сердоликом. И горела в нём искра божия из горнила печи Сварожьей. Алый луч его проникал через все закрытые дверцы, чрез глаза до самого сердца.

И Снегурочку, дочь Мороза, пламя той любви обожгло. И тотчас ледяное сердце у Снегурочки ожило.

И тогда Снегурка и Лель целовалися-миловалися. А потом Снегурка печалилась:

— Как же я вернусь к ро́дну батюшке?

Говорил тогда Лель Снегурочке:

— Лесом ты лети белой Лебедью, по двору иди серой Утицей, в терем залетай Соколи́цею!

И ещё сказал красной деве он:

— Твой высо́к терём растворён стоит. А твой батюшка за столом сидит. Он тебя будет строго спрашивать: «Где же ты была, дочь любимая?» Отвечай ты так ро́дну батюшке: «Я летела в лесу белой Лебедью, по двору я шла серой Утицей, залетала в дом Соколицею!» И простит тебя ро́дный батюшка!

И к отцу вернулась Снегурочка. Всё как Лель учил так и сделала. Но в печаль пришёл мудрый Велес.

— Ой дочурка моя, Снегурочка! Не встречайся ты с сыном Лели! Знай, что с Лелею есть у нас вражда с тех времён, как выжжено ею под лопаткой моей тавро. Может быть, сын послан был ею, чтоб за старое отплатить!

Но Снегурочка возразила:

— Лель Снегурочку не обидит! Он со мной и весел, и ласков, как с голубкою голубок...

— Он обманет тебя, Снегурка! Ты растаешь как вешний снег от любви и чарушек Лели!

— Пусть растаю! Нет лучшей доли! Все рождаются для любви! И должна полюбить Снегурка!

А тем временем дева Леля по палатушкам всё ходила. И брала она блюдце с яблочком.

Как по блюдцу катала яблочко, так выспрашивала его:

— Ты катись, золотое яблочко, да по блюдечку по серéбряну. Покажи мне: кто́ всех прелестней, кто́ пре-красней всех в поднебесье.

И на просьбу ту юды Лелюшки отвечало блюдце обычно так:

— Ай, послушайте блюдечка ответ: Лелюшки прекрасней в целом свете нет!

И показывало милой Леле: и глаза её голубые, щёчки — яблочки наливные, кожу нежную, золотистую, волосы её серебристые. И тогда улыбалась Леля, наряжалася-красовалася, на себя она любовалася.

Ныне вновь покатила яблочко да по блюдечку юда Лелюшка:

— Ты катись, золотое яблочко, да по блюдечку по серéбряну. Покажи мне: кто́ всех прелестней, кто́ прекрасней всех в поднебесье.

И на просьбу ту юды Лелюшки, ныне блюдечко отвечало так:

— Как прекрасна ты, дочь Сварога! Но прекрасней тебя намного та младая дева Снегурочка, Велеса и Вилы дочурочка! Её кожа́ бела, ровно белый снег, словно смоль — черны́ её волосы, как кровиночка — губы алые.

И тогда младую Снегурочку показало серéбряно блюдечко. С нею рядом — юного Леля.

И, увидев то, юда Леля рассердилася, взлютовалася.

— Знать, решила дева Снегурочка стать на троне моём царицею!

И призвала Лелюшка лешего. И наказывала ему, чтобы в лес завёл он Снегурочку, руки-ноженьки повязал и одну её оставлял.

— Заведи её в лес дремучий, и оставь-ка там на мученье, зверю лютому на съеденье!

Вот пошла Снегурочка-дева в лес с подружками погулять, снежну бабу лепить и в снежки поиграть. И с подруженьками аукалась.

Только вместо её подружек стал аукаться с нею леший, чтобы в лес её заманить, там её, младую, сгубить. Как завёл, хотел повязать, стала плакать она, умолять:

— Ах ты милый мой, добрый леший! Пожалей ты меня немножко, не вяжи ты мне руки-ножки, не бросай меня на мученье, зверю лютому на съеденье.

Леший де́вицу пожалел и вязать её не посмел:

— Убегай скорее, Снегурка, Велеса и Вилы дочурка! Ты от гнева Лели укройся, о себе теперь беспокойся! Ведь юди́ца тебя не любит, коль отыщет тебя — погубит!

Побежала тогда Снегурочка, пробиралася по долам и блуждала она по горам. Ветки больно её стегали, а колючки одежду рвали.

И увидела свет Снегурка. Вот пред нею лес разомкнулся, позади же снова сомкнулся. Видит дева: изба стоит и к себе Снегурку манит.

И зашла в избу красна девица. И вокруг себя оглянулась, с облегчением улыбнулась.

Всё в избушке той было маленьким: стулья, столик. А на столе — семь тарелочек, в них семь ложек, рядом чашечек тоже семь. Захотелося есть Снегурке, ко столу она подошла, там и ела она и пила́.

После дверцу она открыла, прямо в спаленку заходила. Захотелося ей поспать, во постелюшке почивать. Только ляжет в одну — широ́ко, а в другой кроватке — высо́ко. Лишь в последнюю уложилась. И, закрывши глаза, забылась.

Тут хозяева возвратились. Были это семь горных вильней, что весь день в горах промышляли, злато-се́-ребро добывали.

Звали первого — Понедельник, был забавник он и бездельник. Вторник был суровым воякой, шалопаем и забиякой. Был Среда из всех самым умным, а Четверг — тот был самым шумным. Пятница — беспечным и нежным, а Суббота — самым прилежным. Воскресенье был заводилой, и средь них считался верзилой, ибо мог перепрыгнуть кошку, если разбежится немножко.

Страшно им: весь дом в беспорядке, оглянулись они украдкой:

— Кто на стуле моём сидел? Кто без спросу здесь пил и ел? Со стола кто ложечки брал? И постелюшки кто помял?

Тут они Снегурку узрели, что спала́ поперёк постелей. И сбежались вильни в светли́цу, осветили они де-ви́цу.

— Боже, что за чу́дная дева?

И проснулася тут Снегурка. И её семь вильней спросили:

— Как же звать тебя, дева красная?

— Называют меня Снегуркой, Велеса и Вилы дочуркой.

И она рассказала им, как в лесу она заблудилась и в избушке их очутилась. И решили альвы помочь, приютить Велесову дочь.

Каждый день уходили вильни на работу свою в рудник. А Снегурке так говорили:

— Берегись, Снегурочка, Лели! Крепко двери все закрывай, никого в избу не пускай. Ибо скоро узнает Леля, где же ты от неё сокрылась и в какую глушь удалилась!

А в ту пору Леля Свароговна по палатам своим ходила. И брала́ то блюдце волшебное. Как по блюдцу катала яблочко, так выспрашивала его:

— Ты катись, золотое яблочко, да по блюдечку по серебряну. Покажи мне: кто́ всех прелестней, кто́ прекрасней всех в поднебесье.

И ответило Леле блюдце:

— Как прекрасна ты, дочь Сварога! Но прекрасней тебя намного дева та, что живёт у вильней за лесами и за горами, в их избе под семью шатрами.

И волшебное это блюдечко показало ей вновь Снегурочку.

И от этих слов дева Лелюшка рассердилася, взлютовалася. Обернулась она колдуньей безобразною и безумной.

И ходила Леля во Чёрный бор, рыла злые она коренья и готовила зелье лютое. И сливала зельюшко в чашечку, опускала в ту чашу яблочко.

И явилася Леля с яблочком у окошечка юной девы.

— Продаю золотые яблоки! — говорила она Снегурке. — А кто съест волшебное яблочко, обретёт тот вечную молодость!

И взяла́ Снегурочка яблочко и немножечко откусила. И тотчас на землю упала, и уже она не дышала.

Рассмеялася Леля грозно:

— Да!.. Кто съест волшебное яблочко, не состарится тот вовеки!

Вот вернулись с работы вильни. Видят: вот на земле Снегурка.

— Это Лелюшка-самоюдочка усыпила нашу Снегурочку!

И тогда в великой печали вильни гроб хрустальный созда́ли и златые цепи сковали. Тело девы в гроб положили, и к Ярилиной той горе с песней грустною относили.

И упрятали гроб в норе, что в Ярилиной той горе. Рядом с родовой усыпальницей, где была гробница Ярилы, что был братом девы Снегурочки, Велеса и Вилы дочурочки.

Там Ярила зимою во тьме засыпал, а весной на свет воскресал.

И повесили рядом вильни гроб Снегурочки на цепях, укрепивши их на столбах.

А затем ховец-могилу камнем завалили, и на той горе-ховце вишни посадили: чтобы раннею весной вишни расцветали, будто снегом — лепестками гору покрывали.

И потёк из слёз ручей из горы печальной сей.

А в то времечко юный Лель всё ходил и искал Снегурку — Велеса и Вилы дочурку.

Он искал её по лесам, и искал её по полям, забирался в крутые горы и бродил по берегу моря.

Обратился он к Солнцу Красному:

— Ай ты, батюшка Солнце Красное! Днём ты землю всю освещаешь и весь Белый Свет озираешь! Ты не знаешь ли, где Снегурочка, Велеса и Вилы дочурочка?

Солнце-батюшка отвечал:

— Я Снегурочки не видал. Может, Месяц Снегурку встретил, тёмной ночью её приметил?

Лель и к Месяцу обратился:

— Ай ты, батюшка ясный Месяц! Ночью землю ты освещаешь, весь подлунный мир озираешь! Ты не знаешь ли, где Снегурочка, Велеса и Вилы дочурочка?

Месяц-батюшка отвечал:

— Я Снегурочки не видал. Может, Ветер Снегурку встретил, на дорожке её приметил?

И отправился Лель к Стрибогу:

— Ай ты, батюшка Ветер буйный! Овеваешь ты каждый камень, и листочек, и стебелёк... Не встречал ли ты где Снегурку, Велеса и Вилы дочурку?

Ветер-батюшка отвечал:

— За Великою Ра-рекою, да за реченькою Окою, там где Клязьма течёт у могилы-ховца, есть пещера в горе — усыпальница. И в пещерушке той печальной, овевал я сам гроб хрустальный... Ну а в гробе том спит Снегурочка, Велеса и Вилы дочурочка.

Тут сын Финиста Лель — ясным соколом взвился, и на крыльях ветров к облакам устремился.

Полетел над лесами дремучими и болотушками зыбучими. И нашёл пещеру печальную, где качается гроб хрустальный.

Скинув перья на пол, он ко гробу пошёл. Открывал он крышечку гроба и Снегурочку целовал, перстень де́вице надевал.

— Вот тебе перстенёк, Снегурка!

Ну а перстень тот золотой был подарен Леле и Финисту Ладой-матушкою самой. И от самого Дня Творенья, сила в нём была воскресенья.

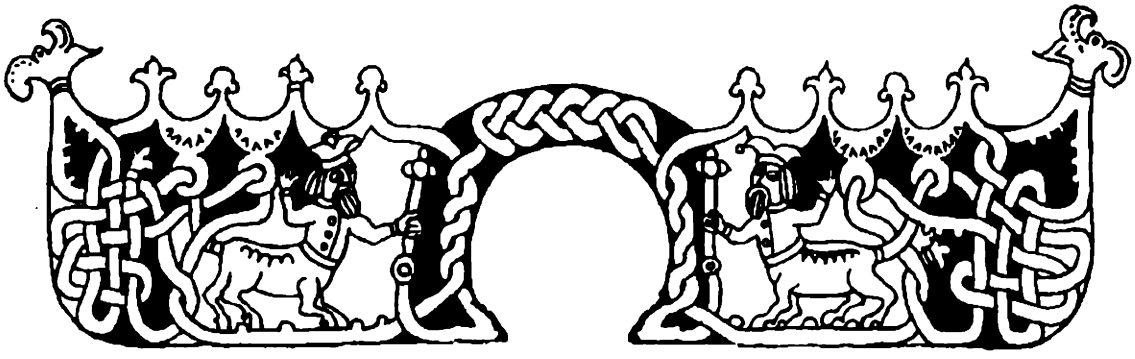
И очнулась Снегурка от тяжкого сна, и открыла ясные очи она:

— Здравствуй, Лелюшка мой прекрасный! Здравствуй, милый мой Сокол Ясный!

И тогда венцы принимали Лель, сын Финиста, и Снегурка в день великой богини Лели на Ярилиной той горе.

И пошёл от Снегурки с Лелем род снегу́ров, который слился с родом яров-волотоманов. Снег и Солнце, огонь и стужа слились вместе в его крови, будто память о той любви.

И теперь все славят Снегурку! Славят также юного Леля! Также Велеса с Вилой-юдой! Поминают и Лелю Свароговну!

КОРОБ ДАЖЬБОГА

ПЕРВЫЙ КЛУБОК

РОЖДЕНИЕ ДАЖЬБОГА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как родился Вышень-Дажьбог. И о битве Дажьбога с отцом своим, как они боролись-братались, расскажи о победе сына!

— Ничего не скрою, что ведаю...

По лесам дремучим и шёлковым травам вдоль по Дону, крутому его бережку, сам Перун Громо́вник проезживал. На другом бережку его — девы-русалки пели песни, пуская венки по волнам.

Рось — русалка прекрасная смелой была, она спела Перуну, пуская венок:

— Если б милый осмелился, Дон переплыл, поборол бы течение быстрой реки, — то герою тому я б любовь подарила, будь он стар, будь он молод, беден или богат!

Поднял брови густые Сварожич Перун и заслушался песней русалки Роси. Загорелась тут в жилах Перуновых кровь, удалая вскружилась его голова.

Он кидался-бросался в великий Дон и поплыл через Дон сизым Гоголем.

Переплыл через первую струечку и вторую струю без труда переплыл, третья струечка взволновалась, закрутила Перуна Сварожича — и отбросила вновь на крутой бережок.

Тут промолвил Перуну великий Дон:

— Ты, Перун Громовержец, Сварога сын! Ты не плавай, Перун, по моим волнам, мои волнушки все свирепые: струйка первая — холодным-хладна, а вторая струя — как огонь сечёт, третья струечка заворачивает.

Вновь Перун бросался в великий Дон. Дон опять Перуна отбрасывал, как отбрасывал — приговаривал:

— Не видать тебе моей дочери! Не гневи, Перун, Рода-батюшку, Ладу-матушку богородицу и жену свою — Диву грозную!

Тут запела Рось песнь печальную:

— Видно, нам с тобою не встретиться. Видно, мне, Рябинушке тонкой, век качаться одной у речки далеко от Дуба высокого!

Крикнул тут Роси Громовержец — раскатился гром по подоблачью:

— Не могу переплыть я великий Дон, не могу я стать твоим мужем, Рось! Но прошу тебя — стань у берега, стань у Камешка у горючего, покажи лицо своё ясное!

Встала Рось у Камня горючего. Тут снимал Перун бурю-лук с плеча, и согнул его будто радугу, и пустил стрелу огнегромную.

И сверкнула стрела, будто молния, раскатился гром в небесах. Рось тогда укрылась за Камешком — и стрела ударила в Камешек.

И возник в Бел-горючем Камешке — образ о́гненный, человеческий.

Собиралися-соезжалися к Камню тут цари и царевичи, также и короли-королевичи, и сошлись волхвы многомудрые. Рось с Перуном они прославили.

Солетались со всех сторонок к Бел-горючему Камню птицы. И слетела со Березани птица вещая Гамаюн.

Стала петь Гамаюн высоко в небесах:

— Высечь сына Роси из Камешка лишь Сварог небесный поможет, позовите его на помощь!

Рось призвала Сварога-батюшку. Трое суток он Камень обтёсывал, бил по Камню горю́чему молотом. Так родился вновь Вышний Тарх Дажьбог.

Его ноженьки все серебряные, ручки Тарха — в червоном золоте, и горит во лбу Солнце Красное, а в затылке сияет Месяц. По коси́цам его — звёзды частые, за ушами его — зо́ри ясные.

И сказал тогда Праотец Сварог:

— Нужен конь Дажьбогу прекрасному, чтобы бегал быстрее ветра, чтоб летал он быстрее птицы, чтобы мог тот конь целый год скакать! Ты ступай, Дажьбог, ко высоким горам, ты ступай к пещере глубокой, что закрыта железной дверью и запорами медными заперта. В той пещере цепями прикован конь. Белогривый конь — Кологрива. Разломай ту дверцу железную — конь услышит тебя и сорвётся с цепей, удержать тогда ты коня суме́й!

И пошёл Дажьбог ко высоким горам, и нашёл пещеру глубокую, стал разламывать дверь железную.

И услышал Дажьбога в пещере конь, и, заржав, сорвался с цепей своих, и хотел на волюшку вырваться. На коня вскочил молодой Дажьбог, обуздал его и осёдлывал.

Был Дажьбог сын Перуна на во́зрасте, словно сокол ясный на во́злете. Обучился клубки он прочитывать и играть на гуслях яровчатых, прославлять Сварога небесного, и Семаргла, и Рода-Пращура.

Научил его яснооκий Хорс, как обёртываться златогривым Львом. Гамаюн его научила перекидываться Орлом. Волх учил обращаться Волком.

На крутую он хаживал горочку, и кричал, и звал зычным голосом:

— Даст ли мне Сварог поединщика, чтоб под стать был мне он по силушке?

И пошла про Дажьбога слава — и великая слава, немалая да по гра́дам всем и укра́инам, доходила до Алаты́рских гор и до сада Ирия светлого, до Перунушки Громовержца.

Громовержец тут собираться стал, обуздал коня — Бурю грозную, сбирал свои стрелы-молнии, брал и палицу громовую.

Его конь бежит — Мать Земля дрожит, дым валит из ушей, пышет пламя из рта. У коня Перуна — жемчужный хвост, его гривушка золочёная и унизана скатным жемчугом, а в очах его — камень маргарит, куда взглянет он — всё огнём горит.

Сотворились тут чудеса — растворилися небеса. И поехал Перун да на Буре-коне, золотою главой потрясая, в небо молнии посылая.

И спустился он в чисто полюшко, и поехал он чистым полюшком, грудь свою копьём ограждая и небесный закон утверждая. С гор на горы конь перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелки реченьки промеж ног пускал.

Он проехал лесушки тёмные, переехал поля Сарачинские, доезжал до Дона могучего.

Мать Земля под ним сотрясалась, в Донушке вода расплескалась, в поле травушка всколыха́лась.

Услыха́ла Рось поступь славную и сказала так Громовержцу:

— Уж ты здравствуй-ка, сын Сварожич!

— Что ж — ты знаешь меня и по отчеству?

— Как Орла не узнать мне по вы́лету, не узнать как Перуна по вы́езду?

И ещё ему Рось промолвила:

— Ой ты гой еси, грозный бог Перун! Ты не вспыльчив будь, а будь милостив! Даждя ты найдёшь в чистом полюшке, не сруби у сыночка головушки. Мой сыночек Даждь молодёшенек, он на буйные речи заносчивый и в делах своих неуступчивый.

Выезжал Перун в чисто полюшко, выезжал на холм на окатистый, на окатистый холм — угористый.

И увидел: с восточной сторонушки едет Тарх Дажьбог на коне златом.

Мечет он булатную палицу да повыше леса стоячего, ниже облака проходящего, а другою рукой прихватывает, машет как пером лебединым:

— Ай ты, палица, ты булатная! Нет мне равного поединщика, на горе ли крутой, в чистом полюшке.

Говорил ему Громовержец:

— Уж те полно, Тарх, потешаться, похваляться пустою речью! Уж мы съедемся в чистом поле, мы поборемся-побратаемся — да кому Всевышний поможет?

Будто ото сна пробудился Даждь, и лихого коня поворачивал, и съезжался с Перуном во полюшке. То не горы в полюшке сталкивались, то столкнулись боги могучие.

Тут поднял булатную палицу сын Сварога Перун Громовержец, ударял булатною палицей по щиту молодого Даждя — на три части распался Дажьбожий щит, на три части сломалась палица.

Вновь разъехались в чистом полюшке, сшиблись копьями долгомерными — и сверкнули они, будто молнии. Только копья те посгибались, на три части они обломались.

Ударялись мечами острыми — на три части мечи сломались.

Как они боролись-братались — содрогалася Мать Сыра Земля, расплескалося море синее, приклонилися все дубравушки. Над Землёй всколебался небесный свод, под Землёй шевельнулся и Юша-Змей.

Тут сходили они со могучих коней и на Землю-Мать опускались. Обернулся тут Громовержец — стал Орлом, могучею птицею. Тарх Дажьбог тогда обернулся Львом, стал когтить Орла — птицу грозную.

И ослаб Орел-Громовержец, и упал на Матушку Землю.

— Ты скажи, бог могучий, как имя твоё. Назови свое́ имя-отчество, — так сказал Дажьбог поединщику.

— Я явился из Ирия светлого, я Перун Громовержец, Сварóга сын.

Тут сказал Перуну младой Дажьбог:

— Ты прости меня за такую вину! Встань, Перун — роди́мый мой батюшка!

Помирились они, побратались, и вскочили они на своих коней, и к Роси поехали рядышком.

Говорил тогда удалой Дажьбог:

— Ой ты, Рось — родимая матушка! Отпусти меня к Алаты́рским горам ко Перуну — батюшке ро́дному. Дай святое мне благословение.

Рось его тогда отпустила, в путь-дорожку благослови́ла.

Попрощался Дажьбог с Росью-матушкой и поехал к светлому Ирию.

ВТОРОЙ КЛУБОК

ДАЖЬБОГ, ЗЛАТОГОРКА И КОЛЯДА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как женился Дажьбог сын Перунович на младой Златогорушке Майе. И о гибели Златогорки, расскажи о её воскресеньи о рождении Коляды. И о том, как первые люди получили Звёздную Книгу.

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как по по́люшку Даждь проезживал, по лесам Оленем поскакивал, в небесах парил Ясным Соколом. Видно было, где он на коня вскочил, да не видно, где в стремена вступил — только видно в небушке Сокола.

Смотрит Сокол из поднебесья: в чистом поле наездница едет — Златогорушка Святогоровна. Шлем её в облака упирается, златы косы огнём разливаются. Едет в полюшке Златогорушка, а под нею конь будто лютый зверь, а сама-то спит крепко-накрепко.

Тут слетел с поднебесья Даждь, на коня вскочил Кологриву и вскричал с коня зычным голосом:

— Ай ты, Майюшка Златогорка! Спишь ты впрямь иль ты притворяешься? Не ко мне ли ты подбираешься?

Поляни́ца ж молчит — не воро́хнется.

Разгорелось тут сердце Даждя. Он схватил булатную палицу, бил он палицей поляницу. Поляница ж сидит — не воро́хнется, и на Даждя она не оглянется. Ужаснулся он и отъехал:

— Видно, смелость во мне всё по-старому, только силушка не по-прежнему!

Видит Даждь — дуб встал в чистом полюшке. Наезжал на дуб Тарх Перунович, ударял булатною палицей — и расшиб сырой дуб на щепочки.

— Значит, силы во мне всё по-старому. Видно, смелость во мне не по-прежнему!

Вновь наехал на поляницу — и ударил её в буйну голову. Поляница ж сидит — не воро́хнется, и на Даждя она не оглянется. Ужаснулся он и отъехал вновь.

— Видно, смелость во мне всё по-старому, только силушка не по-прежнему!

И увидел скалу в чистом полюшке, и ударил булатной палицей — и разбил на мелкие камешки.

— Значит, силы во мне всё по-старому. Видно, смелость во мне не по-прежнему!

Вновь наехал на Златогорушку, бил её булатною палицей — и отшиб себе руку правую. На коне поляница своро́хнулась и на Тарха Дажьбога оглядывалась.

— Я то думала — мухи кусаются, оказалось то — добрый молодец!

И схватила тут Златогорушка за златые кудрышки Даждя, подняла́ с конём Кологривой, опускала в хрустальный ларчик, а ларец ключом запирала.

И поехала вновь ко Святым горам, и заснула вновь, и забылась. Едет целый день вплоть до вечера, едет тёмну ночь до рассвета. А на третьи сутки могучий конь стал под ней брести-спотыкаться. И спросила его Златогорушка:

— Что же ты подо мной спотыкаешься?

— Ты прости уж меня, хозяюшка! Третьи сутки иду я без отдыха и везу Златогорушку с Даждем да ещё коня Кологриву.

Тут опомнилась Златогорка, вынимала хрустальный ларчик, отпирала его золотым ключом, вынимала Даждя Перуновича из ларца за кудри златые:

— Ах удалый ты, Тарх Перунович! Сделай ты великую заповедь и возьми-ка меня в замужество.

Будешь жить тогда ты по-прежнему. Коль откажешься — знать, тебе не жить. На ладонь положу, а другой прижму — только мокренько между ладошками будет!

— Ой ты, Майюшка Златогорка! Не страшны мне, Майя, слова твои. Ты сама мне, Майюшка, лю́ба! Я согласен на заповедь вечную! Я приму с тобой золотой венец!

Поезжали они да не в чисто поле, а поехали ко Святым горам. Вышли к ним Святогор со Плеяною. Святогор Златогорушку спрашивал:

— Ты кого привезла, дочь любимая?

— Привезла я могучего витязя, удалого Тарха Перуновича. С Даждем мы решили венчаться.

И сказал Святогорушка Родович:

— Что ж, честны́м пирком да за свадебку!

И созвали на эту свадьбу всех Сварожичей-небожителей, всех богов со Святых и Ирийских гор.

И на ту великую свадьбу, на почéстен пир соезжались Лада-матушка со Сварогом, Сурья-Ра с Волыней Свароговной, Хорс с Зарёй-Зареницей и Месяц, и Перун с Перуницей-Дивой, Велес Суревич с Вилой Сидой, и Семаргл-Огнебог, Макошь-матушка, все небесные боги, духи.

Повенчали Сварог с Ладой-матушкой Златогорушку со Дажьбогом. И на этой свадьбе Дажьбога пировало царство небесное, вместе с ним и вся поднебесная!

И отныне все славят Майю и Дажьбога, сына Перуна, вместе с ними и Святогора!

Далеко-далече во полюшке пыль клубилась, ковыль стелилась. Проезжали там добрый молодец, молодой Дажьбог сын Перунович, и удалая поляница — Златогорушка Святогоровна.

И скакали они много времени, как от той горы Алатырской, а потом и от Пятигорья, выезжали в степи Турдакские.

Находили тут чудо-чудное, усыпальницу у ручья, и гробницу ту белокаменну. А на ней надписана надпись:

«Тот в гроб ляжет — кому в нём лежать суждено».

Тут спустились они со своих коней и ко гробу тому склонились. И спросила так Златогорка:

— А кому во гробнице лежать суждено? Ну-ка, ляжем в неё да померяем — на кого же гроб этот вырублен?

И ложился Дажьбог в тот огромный гроб. Только гроб ему не поладился — он в длину длинён, в ширину — широк.

И легла в него Златогорка. Златогорке гроб тот поладился — он в длину по мере, и в ширь как раз.

И сказала тут Златогорушка:

— Ай же ты, Дажьбог, мой любезный муж, ты покрой-ка крышечку белую, полежу я в гробу, полюбуюся.

Отвечал Златогорке тогда Дажьбог:

— Не возьму, Златогорка, я крышечки, шутишь шуточку ты немалую, хоронить себя собираешься.

Тут взяла Златогорушка крышечку и свой каменный гроб закрыла. Захотела поднять — не может.

— Ай же ты, Дажьбог сын Перунович, мне в гробу лежать тяжелёшенько, ты открой скорей крышку белую, ты подай мне свежего воздуха...

Взял Дажьбог ту крышечку белую — только крышечка не поднялась, даже щелочка не открылась.

И сказала тут Златогорушка:

— Ты разбей-ка крышечку белую, вынь меня из гроба глубокого!

Тарх ударил булатною палицей вдоль той крышечки тяжкой каменной. А куда он ударил палицей — становился там обруч кованый.

Тут сказала ему Златогорушка:

— Ты возьми, Дажьбог сын Перунович, кладенец мой меч. Бей ты им по гробу глубокому, поперёк ударь крышки белой!

Но не смог поднять кладенец Дажьбог.

— Наклонись ко мне к малой щёлочке, я дохну в лицо твоё белое — у тебя прибавится силушки.

Наклонился к ней молодой Дажьбог, и дохнула в него Златогорушка — силы в нём прибавилось вчетверо. Тарх Дажьбог поднял тот великий меч и ударил по гробу глубокому. А куда он ударил мечом-кладенцом — становился там обруч кованый.

Говорила ему Златогорушка:

— Видно, мне не выйти отсюда. Здесь найду я свою кончину. Ты ж сыщи пещеру глубокую, и снеси туда плащаницу, и повесь её на златых цепях. И езжай скорей в Царство Тёмное. И проси у Вия Седунича перстень со рубином волшебным. Лишь рубин заклятие снимет и меня из Нави подымет!

Поскакал Дажьбог по степям, полетел в горах Ясным Соколом.

Прилетел он к речке Смородине, да ко той горе Сарачинской. И встречали его у Камня Велес Сурич и Вила Сида. Велес Камень тот отва́лил, в Пекло бога он пропустил.

И пришёл Дажьбог к Вию тёмному:

— Здравствуй, Вий — подземельный и тёмный князь! Я привёз поклон-челобитие от моей жены Златогорушки. Как легла она в плащаницу, в ту гробницу из бела камня, — так не может восстать оттуда. Просит Майя кольцо златое. Лишь кольцо заклятие снимет, лишь оно гробницу откроет.

Рассердился Вий — подземельный князь:

— Смерть нашла, увы, Златогорка! И в гробу лежит её тело, тень же Майи спустилась в Пекло. Ей кольцо уже не поможет!

Отвечал Дажьбог Вию тёмному:

— То кольцо заклятие снимет. И пробудится Златогорка по Седыеву повеленью!

Закричал тут Вий зычным голосом и созвал к себе нечисть с нежитью:

— Кто же ты, Дажьбог сын Перуна, коль посмел мне, Вию, перечить? Вию — князю Тёмного Царства! Вию — сыну Чёрного Змея! Поднимите мне веко тяжкое, я взглянуть хочу на Дажьбога! Дай мне руку, Тарх сын Перунов!

А Дажьбог в огне булаву раскалил — протянул её Вию тёмному.

Вий взял палицу раскалённую и взглянул на Тарха Перунича. И завыл, закричал на всё Пекло Вий:

— Здесь не место тебе, Вышний Тарх Дажьбог! Ты — Дажьбог! Перун! Ты — Сварог и Род! Вышний Тарх Дажьбог! Ты впускаешь свет! Разрушаешь ты Царство Тёмное! Уходи скорей к Солнцу Красному! Я даю кольцо золотое, отнеси его Златогорке!

Стал тут добрый Даждь ездить на коне по бескрайнему Царству Тёмному. Подъезжал к пещерам змеиным. А в тех тёмных пещерах — пленники: сорок там царей со царевичем, также сорок князей со князевичем, сорок мудрых волхвов, сорок витязей, а простого народа и сметы нет.

Выводил Дажьбог пленных Вия, оживлял и людские тени. Много вывел князей и князевичей, с ними и королей, королевичей, вывел также девиц, с ними малых детей.

— Выходите из царства Смерти! Выходите из нор змеиных! И идите за речку Смородину, и ступайте все по своим местам, по домам своим, к очагам родным! Вспоминайте потом Дажьбога! Без него вы бы вечно сидели здесь!

Выходили с великим шумом мертвецы из царства подземного, побежали за речку Смородину через мост калиновый тонкий.

А Дажьбог пошёл по пещерам — и зашёл в пещеру последнюю. Видит: дверь запорами запертая, наглухо замками закрытая.

И сорвал Дажьбог все замки с неё, сшиб запоры могучей рукою и раскрыл железные двери. И увидел под тёмными сводами в той пещере Кащея Бессмертного. На двенадцати он цепях висел, а под ним котёл на огне кипел.

И сказал Кащей богу светлому:

— Дай, Дажьбог, мне воды немножечко!

Наливал Кащею Дажьбог воды.

Выпил всё Кащей, запросил ещё. Наливал Дажьбог — выпил вновь Кащей. Просит в третий раз — дал опять Дажьбог.

И сказал Кащей богу светлому:

— Буду помнить твою услугу! За неё тебе три вины прощу! И как станем мы воевать — я не стану тебя

убивать! Только знай, что биться я буду с сыновьями и дочерями, что пойдут от тебя и Майи! Ибо ты пошёл против Смерти! Никогда ещё не бывало, чтоб она притупила жало!

Разорвал затем цепи тяжкие, полетел из тёмной пещеры он к свету белому, к Солнцу Красному.

Взял Дажьбог кольцо золотое, и из Пекла он выходил. И поехал вновь ко Турдакской степи. И вернулся он к Златогорушке. Подходил он к гробу печальному и с него заклятие снял, крышку каменную поднял, перстень Майюшке надевал.

И раздался тут голос Рода:

— Поднимайся из гроба, Майя! Возвращайся из царства Смерти! Чернобога заклятье снято, но — на время, а не навеки... По веленью Судьбы и Рода ты родишь Великого бога, а потом возвратишься снова — к Вию, князю Тёмного Мира.

Как далече в Турдакском поле — пыль поднялась, ковыль качалась.

Проезжали там Тарх Перунович вместе с Майюшкой Златогоркой. Где Дажьбог по полю проедет — там он жито в поле посеет... Златогорушка где проедет — золотые колосья спеют...

То не Солнышко засияло, то не Зорюшка возблистала — это Майюшка Златогорка с молодым Дажьбогом проехали. Приезжали они ко Смородине, да ко той горе Сарачинской.

Как положено Вышнем в Прави, — здесь, меж Явью и царством Нави, Златогорка должна остаться — ожидать, как наступит срок и Сварожий круг повернётся.

Как у речки быстрой Смородины распустился чудесный сад. В том саду поднялись хоромы — крутоверхие, златоглавые. В тех хоромах стоит кроватка.

Та кроваточка золочёная, ножки у кроватки точёные. На кроватке спит-посыпает сам Дажьбог с Златогоркой Майей. Златогорка под ним смлевает, сына Тарх Дажьбог зачевает — Коляду, молодого бога!

Меж Дажьбогом и Златогоркой золотое кольцо каталось. Там колечко каталось и думалась дума. Дума думалась, слово сказывалось. Дума крепкая — слово тайное.

— Отправляться пора мне, Майя, на сражение с Чёрным богом. Он грозил бедой неминучей всем потомкам нашего рода!

Златогорка с Даждем гадали — две стрелы над полем пускали. Вот одна летит — ясный сокол за ней. А другая летит — в стаю лебедей.

По гаданью и Дажьбога собирали в дальний путь, и корабль снаряжали — в море синее пускали.

То не Ясный Сокол по небу летит, то не Чёрный Волк на береге стоит. То корабль Дажьбога по морю бежит, то Кащеюшка колдует-ворожит. И от чёрной ворожбы — море хмурится, и от тех от слов Кащея волны крутятся!

И ронял Дажьбог колечко золотое — с пальца пало оно в море синее. Проглотила его щука быстрая — щуку ту не найти и не выловить!

И поднялися ветры буйные, расплескалося море синее. И корабль унесло ветрами далеко-далеко за три морюшка.

И подул Кащеюшка Виевич на спокойное сине море — и то морюшко заморозил.

А в ту порушку в светлом Ирии Златогорке приспело время — Коляду рождать и Овсеня.

Потрудилась Златогорка... Коляда и Таусень! Потрудилась, потужилась — и родила Таусеня. Таусеня-то Овсеня! А с Овсенем Коляду!

То не ясен Сокол в поле увивается — это братец Коляды рождается: Овсень-Таусень!

Выходила к нему сера Утушка. Так Овсеню Уточка сказывала:

— Ты не слушай, Овсень, ро́дну матушку! Не служи-ка ты богу Белому! Послужи-ка ты богу Чёрному! Ты служи Кащеюшке Виечу!

Говорила тут Златогорушка:

— Уж ты, дитятко-дитё, чадо милое! Ты не слушай, Овсень, серу Уточку! Не служи-ка ты богу Чёрному, а служи-ка Дажьбогу-батюшке! Как у батюшки Дажьбога три беды стряслось. Первая беда — он кольцо терял, а вторая беда — он покинул дом. Ну а третья беда — горе горькое, он не может тебя защитить...

И спросил Овсень Златогорушку:

— Что мне делать, скажи, ро́дна матушка?

— Мосты мостить.

— Кому ездить?

— Крышню — первому, а за ним Коляде, следом — Бусу!

Овсень-Таусень пошёл по дорожке. Пошёл по дорожке, нашёл топорочек. Ни мал, ни велик — с игольное ушко. Срубил себе сосну, настелил мосток, чтоб проехали три Вышня вдоль по этому мосту. Первый Крышень-бог, а второй — Коляда, третий — будет Бус Белояр.

Как два Сокола летели. Овсень и Коляда! Там лето — здесь зима! Как они летели — все люди глядели. Как они садились — все люди дивились. Как они вспорхнули — все люди вздохнули...

Потрудилась Златогорка... Ой, Коляда наш, Коляда! Потрудилась, потужилась и родила млада бога. Млада бога — Коляду!

Девять месяцев Майя не ела, девять месяцев не пива́ла во пещере горы Сарачинской. И роди́ла она млада бога! Златогорке служила Жива. Омывала Живушка Майю, Коляду она принимала!

Засияло на небе Солнце. Хорс с младою Зарей запели:

— Слава Божичу Коляде!

Звёзды с Месяцем заплясали и цветами мир забросали:

— Слава Божичу Коляде!

Звери во лесах заревели, рыбы во морях заплескали:

— Слава Божичу Коляде!

И запели люди по всей Земле:

— Коляда — Бог Сущий! Бог Сущий — Святой! Святой и Пресветлый! Пресветлый и Истинный! И Вседержитель!

И Сварог — царь небесный, услышал, что роди́ла Майя младенца, Коляду — молодого бога. Он послал Огнебога Семаргла, дабы тот ему поклонился.

Вот сошёл Семаргл с небосвода, прилетел к горе Сарачинской. Видит он — в пещере глубокой укрывается Златогорка. Девять месяцев хлеба не ела и студёной водицы не пила, и роди́ла младого бога, млада Божича Коляду!

А лицо Коляды — Солнце ясное, а в затылке сияет Месяц, а во лбу его — там звезда горит. А в руках его Книга Звёздная, Книга Ясная, Злата Книга Вед. Эту книгу Майя украсила золотыми частыми звёздами.

Как ко той горе Сарачинской собиралися-соезжалися — сорок грозных царей со царевичем, с ними сорок князей со князевичем, также сорок волхвов ото всех родо́в.

И все видели Огнебога — как сошёл с небес он к пещере, а в пещере видели Солнце.

И тогда Семаргл Сварожич по горе Сарачинской ударил. Бил её златою секирой — и всю гору озолотил. И раскрылась тогда злата кры́ница, истекла водица студёная. И ту воду пила́ Златогорка, пил ту воду младенец Божич, и пила́ её Злата Книга.

И та Книга учила сорок царей, и учила она также сорок князей, и учила волхвов многомудрых:

— В молодого бога уверуйте! В Коляду — молодого Крышня! Он сошёл с небес, он пройдёт по Земле и учить будет вере Вед!

И дары Коляде приносили — все цари, волхвы многомудрые. И дарили ему красно золото, и дарили ему бе́ло серебро. Зажигали волхвы свечи яркие и медовую сурью пили, вместе славили Коляду:

— Коляда наш, Коляда! Коляда Святой! Святой Величайший! Великий — Пречистый! Пречистый и Божий! И Божий Родитель!

Как у Майи Сын Божий родился, Чёрный царь Кащей изумился:

— Значит, бог великий родился, если целый мир просветился!

И Кащей увидел: идут цари, князи и волхвы многомудрые. И спросил у странников Чёрный царь:

— Где вы были? И что вы ви́дели?

— Были мы в горах Сарачинских, да у той ли речки Смородины. Были мы и видели сами — Коляда великий родился! Поклонились мы Сыну Вышня и дарили ему кра́сно золото, подносили и бе́ло се́ребро. Свечи яркие зажигали, чтоб они горели-сверкали — и тебя, Кащея, прогнали!

Разошёлся-разлютовался Чёрный царь Кащеюшка Виевич. Он изгнал волхвов многомудрых. И послал тогда по лицу Земли всех дасуней своих — войско чёрное. И велел Кащеюшка Виевич убивать повсюду младенцев.

И великий плач на Земле стоял, и померкло Красное Солнце. И надвинулся тучею Чёрный царь. А в горах уж демоны рыщут — ищут Майю и Коляду.

И отваливал Велес Камень, и открыл путь в Тёмное Царство.

И раздался голос Всевышнего:

— Время вышло всё, Златогорка! Колесо небес повернулось! Путь лежит твой в Тёмное Царство. Так Отцом поло́жено в Прави!

Плачет Майюшка Златогорка, к Вию сходит по воле Вышня. И корзиночку с Колядо́ю — Майя плыть по речке пускает.

— Ой, Смородина, речка быстрая! Укачай молодого бога, унеси его, но не к устью, ты его отнеси — к истоку, по дорожке лунной и звёздной, в Ирий к Хорсу и Заренице...

Хорс поднялся рано-ранёшенько и пошёл ко речке Смородине — зачерпнуть водицы студёной, чтоб водою чистой умыться и Всевышнему помолиться. И нашёл у берега Хорс ту корзинку, что вынесла речка, что сияла светом небесным.

И тогда унёс Хорс корзину и принёс в златые хоромы. В той корзине не было злата, а лежал в ней малый ребёнок. И сиял он светом небесным, ибо был в той корзине Божич, златовласый бог Коляда...

Как Коля́душка роди́лся, так на землю он спустился, в путь-дорогу снарядился. И учил он у крыни́ц юношей, да и деви́ц как им Бога прославлять и колядовать.

И отца из льдов великих Коляда освободил, чтоб Весна пришла и счастье всем Дажьбог дарил!

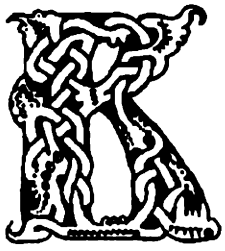
Лик же Коляды́ — Солнце Красное! А в руках его Книга Ясная! Пел Коля́душка, бог младой, — песни ясные и прекрасные!

ТРЕТИЙ КЛУБОК

ДАЖЬБОГ, МАРЕНА И ЖИВА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как женился Дажьбог на Маренушке. И о том, как она изменила ему и сбежала с Кащеем Виевичем, как женился Дажьбог на Живе.

— Ничего не скрою, что ведаю...

К светлый Ирий к горе Алатырской со всего Света Белого птицы слетались. Собирались они, слетáлись, о Сырую Землю ударились, обернулись они в ясуней.

Прилетели то в светлый Ирий Огнебог-Семаргл, Вихорь-бог Стрибог, бог Перун Громовержец с Дивою, ясный Хорс с Зарей-Зареницею, Волх, сын Змея, с прекрасной Лелею и Дажьбог, сын Роси, Перунович.

Их встречáли Сварог вместе с Ладою, приводили в чертоги хрустальные, угощали яствами разными, наполняли чаши хмельной сурьёй.

Как садились гости за златые столы, за златые столы, за камчáты скатерти — поднимали чаши одной рукой, выпивали единым духом.

После пира было гуляние по небесному саду Ирию. И гулял Дажьбог сын Перунович, подходил к расписнóму тéрему. А в тот терем высокий прохода нет.

Тут услышал Дажьбог сын Перунович, как играют в тереме гусельки и звенят золочёные струночки. И за-слушался он, и задумался, и понравились Тарху гусельки.

— Это терем Мары Свароговны — видно, там у неё гуляние.

Стал он биться-стучаться в терем — зашатались стены у терема, распахнулись двери железные. Поднялся́ сын Перуна по лесенкам и вошёл в палату Маренушки.

У Маренушки — развесёлый пир. У Марены гости приезжие из далекого Царства Тёмного: в ряд сидят Горыня с Дубынею и Усыня с Кащеюшкой Виечем.

Поздоровался с ними Перунович и садился за стол на скамеечку.

— Что ж не ешь, Дажьбог сын Перунович? — так спросила Ма́ра Свароговна.

А Дажьбог Марене ответил:

— Сыт, Марена, я — только что с пира у отца Сварога небесного.

А сам думает: если поешь у неё, заворожит она иль отравит, ведь Марена — колдунья известная.

Продолжались пир и гуляние. Здесь Кащей к Маренушке сватался, и хвалился он златом-се́ребром, и хвалился своим бессмертием:

— Все, Марена, тебе подвластны! Все боятся Марены-Смерти! Только я не боюсь — Бессмертный! Мы с тобою, Марена, вместе подчиним, покорим всю Вселенную!

Наконец пришло время позднее, стали гости прощаться с Маренушкой. Провожала Марена гостей,

проводила Кащея Бессмертного, а Дажьбога стала удерживать:

— Оставайся, Дажьбог сын Перунович, до рассвета, до света белого, и со мною, Мареною, сделай любовь! Будет мужем моим пусть Бессмертный Кащей, ну а ты, Дажьбог, — полюбовником!

Отвечал Дажьбог сын Перунович:

— Ты прощай, Марена Свароговна! Ты прощай уж, Маренушка-душенька, я не буду тебе полюбовником!

Обернулся Дажьбог от Марены и пошёл скорее из терема. Тут вскочила Марена Свароговна, и брала ножища-кинжалища, и стругала следочки Дажьбожии, их бросала в печку муравлену, как бросала их — приговаривала:

— Вы пылайте, следочки Тарха, вы горите в печке муравленой! И пылай в Дажьбоге Перуновиче по Марене душа его светлая! Чтоб не мог Дажьбог жить без душеньки, чтоб не мог без меня он ни есть, ни спать! Подымайтесь, дымочки, из печечки, подымайтесь, вы, ветры буйные! Соберите тоску ту тоскучую со всех вдов, сирот, с малых детушек, соберите со света белого, понесите её в сердце ярое — молодого Тарха Перунича! Посеките мечом булатным сердце буйное, молодецкое, поселите тоску ту тоскучую, дайте и сухоту сухотучую в его кровь, и в жилы, и в печень! Чтоб казалась ему Маренушка милей матери, отца-батюшки и роднее Рода небесного!

Будьте крепче булата, слова мои! Ключ к словам моим в небесах, а замок в морской глубине, проглотила замок этот рыба-кит. Рыбу-кит не добыть и замок не открыть! А кто рыбу добудет, замок отопрёт — гром того убьёт и спалит огонь!

А Горыня, Дубыня с Усынею возвращались назад в Царство Тёмное. Растворились вдруг небеса, покатились колеса златые, золотые колёса — огненные. А на той колеснице огненной сам Перун Громовержец покатывал, златокудрой главою встряхивал,

в небо молнии посылая. И поглядывал вниз на Землю. Видит он — Горыня с Дубынею и Усыня идут по дороженьке.

— Где вы были? — спросил Громовик Перун.

— Были мы в гостях на Рипейских горах у Марены Свароговны в тереме. Пили-ели мы, веселились мы, веселился там и твой сын Дажьбог!

Тут нахмурился Громовержец, покатил к Дажьбогу Перуничу:

— Мне не нравится, сын, что ты ходишь к Марене! Не прельстился ль ты красотой её? По-хорошему с ней ты сходишься — по-хорошему ль разойдёшься с ней? Не пеняй тогда ты на батюшку, не пеняй на родимую матушку, а пеняй, Дажьбог, на себя самого!

Огорчился Тарх и пошёл к Роси. И спросила Дажьбога матушка:

— Что случилось — скажи, чадо милое?

— Я скажу тебе правду сущую. Изобидел меня мой отец Перун, говорил — будто я у Марены сижу! Я всего заходил-то разочек, посидел у Марены часочек.

— За тебя Перун беспокоился. Та Маренушка — ведьма ужасная! Не ходи к ней, Дажьбог, в светлый терем, не прельщайся ты красотой её!

Тут сказал Дажьбог слово резкое:

— Ты по роду мне будешь матушка, а по речи своей — будто мачеха!

И пошёл он в терем к Маренушке:

— Проведу я с ней ночку тёмную на её кроваточке мягкой, а наутро возьму в замужество!

Тут в Дажьбоге кровь разыгралась, и сердечко в груди растревожилось, он расправил плечи широкие. И пошёл Дажьбог сын Перунович, подходил к высокому терему. А в тот терем Марены прохода нет.

Тут натягивал сын Перуна лук тугой за тетивочку шёлковую и стрелял стрелою калёною. Полетела стрела позлачёная, попадала в окошко косявчато — и окошко то проломила. Стал он биться-стучаться в терем. Зашатались стены у терема, распахнулись двери железные. И вошёл сын Перуна к Маренушке.

У Марены — пир и гуляние. У Марены гость с Царства Тёмного: сам Кащей Бессмертный сын Виевич.

И сказал Дажьбогу Кащеюшка:

— Ты почто, Дажьбог, к нам в окно стрелял? Проломил ты окошко косявчато и расшиб стекольчато зеркало!

Тут Дажьбогу досадно стало — вынимал он меч свой булатный, и поднял его над главою:

— Я тебя, Кащей, на куски изрублю!

Тут Марена со смехом говаривала:

— Не пугайся, Кащей, мил сердечный друг! Оберну я Тарха Дажьбога златорогим быстрым Оленем!

Тут брала Маренушка чашечку, а в той чашке — водица холодная, колдовала она над чашечкой, выливала она ту чашечку на Дажьбога Тарха Перуновича.

Вдруг не стало в светлице Тарха, вдруг не стало сына Перуна — стал Оленем он златорогим.

Не бежит, не гремит копытами, а калёной стрелою летит Олень. У Оленя копыта серебряные, у Оленя рога — красна золота, в каждой шёрсточке по жемчужинке.

И ходил Олень златорогий по высоким горам, по долинам. И бежал Олень ко речной воде, ко Роси — родной своей матушке, и студил копытом серебряным ту струю речную прозрачную.

Рось тогда Оленю промолвила, накативши на берег волнами:

— Не Олень то в полюшке ходит, в поле то мой сынок родимый — Тарх Дажьбог, Мареной обёрнутый.

И просила она Перуна:

— Громовержец, скажи Марене, чтоб вернула она мне сына, обернула Тархом — Оленя!

Громыхнул Перун в поднебесье:

— Ай же ты, сестрица Марена! Ты зачем Оленем — Златые Рога повернула Тарха Дажьбога? Отпустила

его в чисто полюшко? Обрати ты его обратно, а иначе, сестрица Мара, я пущу в тебя громовой стрелой!

Перекинулась Мара Сорокою, полетела в чистое полюшко — там, где ходят в поле олени. Ходят девять простых оленей, а десятый-то — златорогий.

Тут садилась Мара-Сорока на златой рог Тарха Дажьбога, стала Мара Тарху выщёлкивать:

— Ай же ты, Олень златорогий! Не наскучило ль тебе в чистом полюшке? По долам гулять, по горам плутать, по дубравам дремучим, по болотам зыбучим? И не хочешь ли пожениться? Ты со мной тогда сделай заповедь — и возьми Марену в замужество!

— Ай же ты, Марена Свароговна! Обрати ты меня обратно — я согласен с тобой венчаться!

И брала Маренушка чашечку, наполняла её ключевой водой, и брала три щепоточки маленьких из печи, от золы, от Сырой Земли. Посыпала щепоточки в чашечку, говорила над ней колдовские слова — очень странные, очень страшные. И из чаши Тарха обрызнула. И чихнул Олень три разочка — обернулся снова Дажьбогом.

И пришли они ко Ирийским горам ко Сварогу небесному в кузницу. Им сковал Сварог по златому венцу, и сыграл Дажьбог Тарх Перунович со Мареною вскоре свадебку.

Солетались на свадьбу весёлую со всего света белого птицы. Ударялись птицы о Матушку-Землю, обернулися во ясуней.

Собирались они, солетались и Дажьбога с Мареною славили. И сплела им Леля любви венок, подарила Рось голубой платок, подарила Лада гребёночку: коль махнёшь платком — будет озеро, а гребёночкой — встанет тёмный лес.

Стали гости гулять, пить и есть, плясать.

И плясала на свадьбе Жива, и кружилась она всем на диво: правой ручкой махнёт — встанет лес и река, левой ручкой — летят птицы под облака.

И плясала на свадьбе Мара, рукавами она махала: правой ручкой махнёт — лед на речке встаёт, левой ручкой махнёт — снег из тучи идёт.

Говорил тогда Тарх Маренушке:

— Замело, завия́ло дороженьки, и нельзя пройти мне к Маренушке. Прометý я дорожку — сам к милой пройду. Постелю́ посте́лю пуховую, обниму Маренушку милую!

Продолжалась свадьба небесная!

Мало ль времени миновало, много ль времни миновало у Марены с Тархом Дажьбогом родился́ сынок ясноокий.

Он роди́лся зимой, среди стужи и вьюг. И ему Дажьбог подарил свой лук. А Марена сына избавила от рождений-смертей круговерти, даровала ему бессмертье.

А женою ему стала дева Славуня, дочь великого Велияра. И он рос, удивляя мир, и прозвали его — Богумир.

Породил Богумир Севу, Руса, Славена. Также он породил дочерей — Древу, Скреву с сестрой Полевой. И пошли от него киммеряне, также русичи и славяне.

Как узнал про женитьбу Дажьбога сам Кащей Бессмертный сын Виевич, запрягал колесницу огненную, собирал несметную силушку и надвинулся тьмой на Ирийский сад.

То не тёмная туча близилась — то Кащея сила надвинулась, затопила мглой Землю-Матушку.

Как в ту порушку в светлом Ирии никого из Сварожичей не было — там один лишь был Вышний Тарх Дажьбог. Снаряжался он в чисто полюшко биться с той несметною силою.

Трое суток сражался Перунов сын, и побил он силу великую, а потом возвратился в Ирий. Лёг он спать и спит непробудным сном, над собой невзгоды не ведает.

Тут подъехал к крылечку Дажьбогову сам Кащей Бессмертный сын Виевич. Стал Марену он подговаривать, соловьём перед нею выщёлкивал, говорил Марене-кукушечке:

— Полетим, дорогая кукушечка, в золотое царство Кащеево! Там совьём мы, кукушка, по гнёздышку, и устелим его чёрным бархатом, и украсим его чистым золотом!

Говорил Бессмертный Маренушке:

— Я к тебе, Маренушка, сватался, ты должна была быть моею! Ты пойди за Кащея замуж! Моя матушка — Мать Сыра Земля, а мой батюшка Вий — подземельный князь! А Дажьбог — сколо́тный Перуна сын от Роси — всего лишь русалки! Лишь со мной ты станешь царицею, а не с Тархом, сыном Перуна!

И Маренушка призадумалась:

— Мне ли жить вместе с Дажьдем-богом? Мне ль Кукушке жить с Ясным Соколом? Лучше быть царицей с Кащеюшкой! Вороницею с Чёрным Вороном!

И тотчас она улетела Вороницею со Кащеем. А Дажьбог всё спит непробудным сном, над собой

невзгоды не ведает, что была у него молодая жена, да сбежала вместе с Кащеем.

Только прочь они улетели — пробудился в саду Дажьбог. Боги тут возвратились в Ирий, стал их Тарх Дажьбог тут выспрашивать:

— Вы скажите скорей — где жена моя? Где Маренушка молодая?

Отвечал Дажьбогу отец Перун:

— Слышал я от ветра Стрибогова: улетела Мара кукушкою с вороном — Кащеюшкой Виечем.

Говорил тогда молодой Дажьбог:

— Надо ехать нам за угоною!

Отвечал Перун:

— Честь ли, слава ль мне — за чужою женою следовать? Ты езжай один за угоною. Ничего-то у них ты не спрашивай, как застанешь их в чистом полюшке — отсеки у Кащея голову!

Поезжал Дажьбог за угоною. Как Марена Дажьбога увидела — наливала вина чару полную, заступала ему дороженьку. Как увидел Марену могучий конь — тут же встал на дороге как вкопанный. Стал коня стегать удалой Дажьбог, конь не слушает, не идёт вперед.

Тут сказала Марена Тарху:

— Свет мой ясный, Тарх, сын Перуна! Меня силой везёт Бессмертный! Выпей чару вина зелёного ты с великой тоски-печали!

Выпил чару Дажьбог — захотел ещё, наливал ещё — по другой горит. Тут напился с печали он допьяна и упал на Матушку-Землю.

— Велика́ власть Хмеля могучего! — рассмеялась Марена грозно и сказала Кащею слово:

— Ты, Бессмертный Кош, отсеки главу неразумному Даждю-богу!

Отвечал Бессмертный Маренушке:

— Как Дажьбог меня из пещеры спас, куда скрыли меня Велес с Вилою, я ему обещал три вины про-

стить. Это будет прощение первое.

Тут Марена Дажьбога подхватывала и столкнула в колодец глубокий — тот, что вёл в подземное царство. И упал Дажьбог в Царство Тёмное.

Пробудился в провале Перуна сын, он вставал на ноженьки резвые, и свистел, и звал зычным голосом.

Подбегал к провалу могучий конь, опустился он на колени и свой длинный хвост опустил в провал.

Ухватился крепко Дажьбог за хвост, и на Землю Сырую поднялся он. И вскочил Дажьбог на лихого коня, и поехал вновь по дороженьке.

Вновь стоит жена на дороге. Как увидел Марену могучий конь — тут же встал на дороге как вкопанный. Стал коня стегать удалой Дажьбог, конь не слушает, не идёт вперёд.

Вновь сказала Дажьбогу Мара:

— Если конь не идёт, значит, он устал. Дай коню отдохнуть, отдохни и сам. Слезь с коня, мой Даждь, и с усталости зелена вина выпей чарочку. Как день летний не может без солнышка, так и я не могу без тебя, мой свет, не могу я есть, не могу и спать!

Выпил чару Даждь — захотел еще, наливал ещё — по другой горит. Тут напился с печали он допьяна и упал на Матушку-Землю.

— Велика власть Хмеля могучего! — рассмеялась Марена грозная и сказала Кащею слово:

— Ты, Бессмертный Кош, отсеки главу неразумному Даждю-богу!

Отвечал Бессмертный Кош Марушке:

— Раз Дажьбог меня из пещеры спас — я ему обещал три вины простить. Это будет второе прощение.

Тут Марена Дажьбога подхватывала и бросала его чрез своё плечо, как бросала его — приговаривала:

— Там, где был удалой добрый молодец, — там горючий стань Белый Камешек. Первый год пройдёт — ты лежи на Земле, и второй пройдёт — ты лежи на Земле, третий год пройдёт — ты сквозь Землю пройди и низвергнись в царство подземное!

Как тут конь Дажьбога несчастного побежал один к Алатырским горам, стал он бегать по саду Ирию.

И увидел коня Громовержец:

— Не видать что-то сына родимого, не видать Дажьбога могучего, знать, случилося что неладное!

Тут Перун Громовержец коня оседлал и поехал по полю широкому. Переехал он лесушки тёмные, переехал поля Сарачинские и доехал до Камня горючего. Тут он Камень горючий покатывал, а покатывал — приговаривал:

— Там, где был Бел-горючий Камешек, стань на месте том добрый молодец — молодой Дажьбог сын Перунович. Стань ты, Камень, легчее лёгкого!

Тут Перун поднимал этот Камешек, чрез плечо его перекидывал. Там, где был Бел-горючий Камешек, — там вдруг стал удалой добрый молодец.

И сказал Перуну тогда Дажьбог:

— Надо ехать нам за угоною!

Отвечал Перун:

— Честь ли, слава ль мне — за чужою женою следовать? Ты езжай один за угоною. Ничего с жены ты не спрашивай, как застанешь их в чистом полюшке — отсеки ты Кащею голову!

Тут вскочил Дажьбог на лихого коня и поехал по полю широкому.

Не ковыль в чистом поле шатается — зашатался там добрый молодец, молодой Дажьбог сын Перунович. Вот доехал до речки Смородины, принагнулся он к быстрой реченьке, и вскричал Дажьбог громким голосом:

— Кто тут есть на реке перевозчиком? Отвезите меня на ту сторону! Примите меня, хозяева, — Велес Суревич с Вилой Сидой! Накормите меня белым хлебом, напоите вином медвяным!

Отвечают ему хозяева:

— У нас в Тёмном Царстве — горькое житье. У нас хлеба белого — нет, и питья медвяного — нет. А есть — гнилые колоды, а есть — водица болотная!

Говорил Дажьбог сын Перунович:

— Отвезите меня на ту сторону! Отвезите меня, проводите к Каракайской Чёрной горе, ко дворцу Кащея Бессмертного!

Перевёз через речку Смородину Тарха, сына Перуна, Велес. И давал он Дажьбогу скатерть:

— Разверни-ка, Дажьбог, эту скатерть по горам-холмам и долинушкам и ступай по скатерти белой — так придёшь ты к царству Кащея!

Поезжал Тарх Дажьбог той скатерочкой по горам-холмам, по долинушкам, и приехал он в Царство Тёмное. Горы там в облака упираются и стоит чертог среди чёрных скал — замок то Кащея Бессмертного.

Он костями людскими подперт, человеческой кровью крашен. Вкруг чертога Кащея — железный тын. И на каждом столбочке — череп, каждый череп огнём пылает.

Увидала его Марена, говорила Кащею слово:

— Не убил ты Тарха Дажьбога — он опять к нам в гости пожаловал!

Подходила она близёшенько, кланялась Дажьбогу низёшенько:

— Свет мой ясный, Тарх, сын Перуна! Меня силой увёз Бессмертный! Как день летний не может без солнышка, так и я не могу без тебя, мой свет, не могу я есть, не могу и спать! Выпей чару вина зелёного ты с великой тоски-досады!

Выпил чару Дажьбог — захотел ещё, наливал ещё — по другой горит. И напился с печали он до́пьяна и упал на Матушку-Землю.

— Велика власть Хмеля могучего! — рассмеялася Мара грозная и сказала Кащею слово:

— Ты, Бессмертный Кош, отсеки главу неразумному Даждю-богу!

Отвечал Бессмертный Маренушке:

— Как Дажьбог меня из пещеры спас, я ему обеща́л три вины простить. Это будет прощенье последнее. Коль сойдёмся мы ещё раз в бою, не уйдёт от меня Тарх Перунович!

Тут сходила Маренушка в кузницу и сковала она пять железных гвоздей, поднимала Дажьбога под пазухи, приносила к скалам Кавказским. И распяла на скалах бога. И забила в ногу железный гвоздь, и в другую вбила она другой, в руки белые вбила она по гвоздю, а последний гвоздь обронила. И в лицо ударила молотом — он облился горячей кровью.

Как была у Марены Свароговны Жива-Лебедь — сестра родная. Говорила она Сварогу:

— Дай прощенье и благословение полетать мне по тихим заводям и поплавать мне Белой Лебедью! Я хочу лететь к Царству Тёмному, погостить у родной сестрицы!

Дал прощенье Сварог Живе-Лебеди. Полетела она к Сарачинским горам — погостила там у сестрицы. Стала Лебедью Белой погуливать, по горам она стала полётывать и увидела бога распятого, молодого Тарха Перунича.

И сказала ему Лебедь белая:

— Молодой Дажьбог сын Перунович! Ты возьмёшь ли меня в замужество? Я спасу тебя от неверной жены, от Маренушки — верной Смерти!

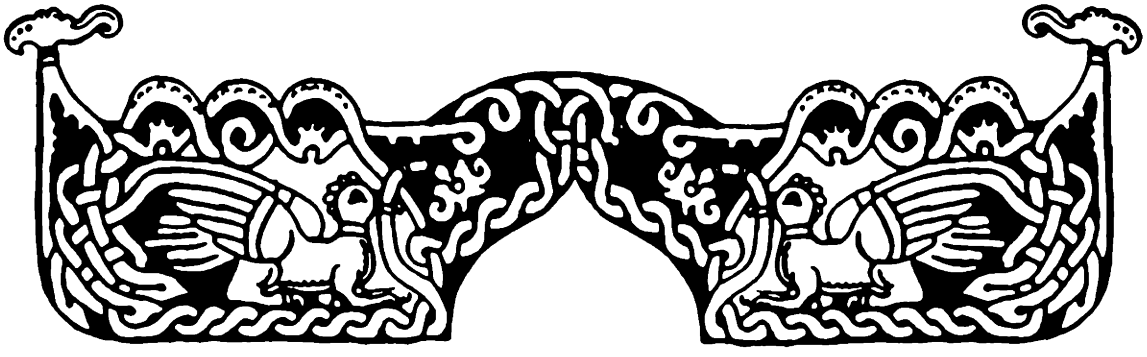
И сказал Дажьбог сын Перунович:

— Я возьму тебя замуж, Лебёдушка, Жива, дочь Сварога небесного!

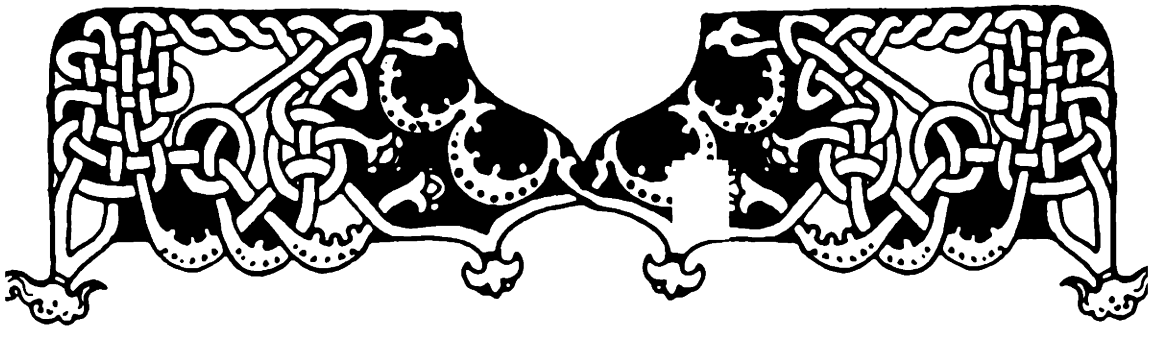
И тогда Свароговна Лебедью полетела в кузню небесную, доставала клещи железные, отдирала теми клещами от скалы Дажьбога могучего.

Уносила Дажьбога Лебёдушка далеко из Тёмного Царства к Алатырским горам в светлый Ирий.

Оживляла Дажьбога живой водой и лечила раны кровавые.

КОРОБ СВАРОГА

ПЕРВЫЙ КЛУБОК

БИТВА ТРЁХ РОДОВ

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как из Сварги похитили звёздных коров. Как Сварог созывал силы Ирия! Расскажи и о распре на Ра-реке, что прозвали Битвой Трёх Родов!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Думы строгие мои, песни долгие... Вейтесь вы чрез реки широкие, вейтесь через горы высокие. Там по горушкам, по дорожушкам скачут турицы златорогие.

Поперёд-то стада туриного там бежит Земунушка Родовна. Рожки у Земун — красна зóлота, а копытушки — бела сéребра, шерсть унизана скатным жемчугом. Ест траву Земун и даёт молоко, и течёт молоко по небесному своду, и сияет частыми звёздами.

Скачут за Земун её детушки: Амалфея, Дана, Волыня — златорогие звёздные турицы. Рождены́ они Родом-батюшкой и Земунушкой-богородицей.

И ступали те млады турицы всё по травушке да муравушке. И от морюшка шли до моря, и от края небес до края.

— Ты куда бежишь, свет Земунушка, с молодыми своими детками?

— Мы бежим-спешим к Белым водушкам да ко Камешку Алатырскому. Обойдём вокруг Камня Белого, в белы водушки окунёмся — в красных девушек обернёмся.

Думы строгие мои, песни долгие... Ве́йтесь вы чрез реки широкие, ве́йтесь через горы высокие. Там по го́рушкам, по доро́жушкам скачут турицы златорогие.

— Ой вы, турицы златорогие! Отвечайте по чести, по совести — где вы побыли, погуляли где? И какое вы чудо видели?

— Ой, мы видели чудо-чудное... Как в своей златой колеснице пролетал бог Ра — Солнце Красное. Он к нам руки-лучи со небес простирал, и ласкал нас, и обнимал...

Много ль, мало ль ми́нуло времени — за́чали от Солнышка турицы. И роди́ла Амелфа — Велеса. Дана — братьев Валью и Вритью. А Волыня роди́ла Хорса.

Как у внуков Земунушки Родовны волосы горят красным золотом, ноги — в серебре по коленочки. И зажат в правой рученьке каждого — Синь-горючий Камень Алатырь.

А в глубоком Подземном царстве Вий Седунич с Паном похаживал. Говорил сыну Вий:

— Пан могучий! Сделай ход из чрева земного, с дымом — подымись в мир небесный! Ты затми, Пан, Красное Солнце! Укради-ка ты стадо звёздное!

Распалил огонь козлоногий Пан и прожёг проход в поднебесный мир там, где встали Пановы горы. И затмил собой Солнце Красное, и угнал с небес стадо

звёздное. И похитил из колыбели также братьев — Валью и Вритью.

И пригнал их Пан в царство Виево. Вий тех братьев усыновил. Чтоб забыли о Ра-Родителе, память Предка в них усыпил.

И Земун тогда опечалилась — обмелели реки молочные. Погрузилась Земля во тьму. И с небес пошли не дожди — повалился пепел горючий. Запрудил тогда Вритья реки, Валья проглотил Солнце Красное.

Нет воды для зверя рыскучего, нет воды для птицы летучей! Оскудела тогда Мать Сыра Земля... Стали рыскать по ней звери лютые, волки хищные и медведи, стали красть у людей скотину...

За горою крутой и за Ра-рекой расшумелись леса дремучие. В тех лесах дремучих костры загорелись и огни воспылали горючие. Вкруг огней тех люди сбирались, к небесам они обращались:

— Ты, Семаргл-Огнебог, воспылай до небес! Передай Перуну Сварожичу и Дажьбогу, Барме и Индрику — славу нашу, Семаргл могучий!

— Ты, Сварог небесный! Пошли сынов в службу дальнюю, многотрудную! Сокрушите Осла, вы, ревущего! Улетит пусть зловещей птицей далеко от Дерева ветер!

И прорёк Сварог, царь небесный:

— Отправляйтесь, боги, на поиски! Отыщите рождённых Даной! Возвратите стадо ирийское!

Взвился бог Семаргл сын Сварожич закружился огненным вихрем.

— Мы отыщем звёздное стадо!

И вскочили тут на коней крылатых Даждь с Перуном — боги Ирийские. Также Барма великий — владыка молитв. Также Индрик могучий, сын Дивного Дыя. И пошли с богами их роды, — все ясуни, бармы и дивы!

И пошли за Волгу — Великую Ра! На богах — кольчуги булатные, на руках — златые пластины, на плечах — медвежии шкуры, а в руках — мечи и секиры. Словно птицы, раскинув крылья, полетели к битве ясуни!

Прилетели боги к Великой Ра, да ко тем лесам Светлояровым, за которыми — горы Пановы.

И сказал тогда Тарх Дажьбог:

— Нужно нам великого Велеса звать на битву с Вием и Паном! Он мне будет дед! Да и Пан украл — дочь его, Поману, сестру Роси!

И ответил ему батюшка Перун:

— Мы с тобой проведаем Сурича! Зазовём его мы на славный бой!

И тогда Даждь-бог обернулся — Гамаюном, волшебной птицею. Полетел во тот Светлояров лес ко Великому Китеж-граду.

Под окошечко сел косящетое, где беседовал царь с царицей: Велес Суревич с Вилой Сидой.

— Этой ночью, — сказал Велес Суревич, — приходили к нам Карна с Желею, пламя мыкая в роге огненном! Знать, идут сюда боги Сварги — с родом Виевым ратоваться! Будут биться они против Вальи и Вритьи — милых братьев, обманутых Вием! Против дочки нашей Поманы, что похитил великий Пан! Также против Лутони-бога, что родили Пан и Помана! Могут сгинуть в огне ветви нашего рода — по вине Вия с Паном и воле Сварога!

Вила Сидушка прорекла в ответ:

— Мы должны на ту битву родных не пустить, чтобы кровь свою защитить! Мы напустим на них жажду, голод и сон, а еду заколдуем и питье зачаруем... Китаврула мы призовём. Пусть волшебник глаза тем богам отведёт — и родных от смерти спасёт!

А Дажьбог-Гамаюн под окошечком то, что Сида сказала, — запомнил всё. И к отцу он снова вернулся, и опять собой обернулся.

И подъехали Даждь с Перуном ко тому Светлоярову озеру. Видят — вот золотая лодочка. Китаврул на ней — перевозчиком. Возит он гостей на ту сторону ко Великому Китеж-граду.

А уж как та лодка украшена, — и чеканкою, и резьбою. Нос-корма у ней позолочены, рытым бархатом обколочены. И в той лодочке — будто дивный рай, кипарисовый, виноградный сад. Там цветы цветут, птицы песнь поют. И столы там у́браны яствами, рядышком — кроватки тесовые.

Китаврул на ладью-ту гостей проводил и усаживал за столы. Предлагал им выпить напиточков и откушать златые яблочки.

Отвалила ладья Китаврулова и поплыла по Светлояру ко Великому Китеж-граду.

Вдруг то озеро обернулось во туманушке — океаном. Берег китежский стал вдруг островом, прозываю-

щимся Буяном: там и дуб растёт коренистый, рядом — ёлочка щепотиста.

Как на дубе том висит цепь златая, кот Баюн по ней важно ступает. Как направо пойдёт — сказку скажет, а налево — песнь запоёт. А по ёлочке той — скачет белочка, что златы орехи грызёт, изумруды лущи́т, вынимает и в шкатулочки их кладёт.

И садились боги за златые столы — на скамьи, за ка́мчаты скатерти. Слово молвил тогда бог Перунушка:

— Наливайте-ка нам напиточков!

Тарх Дажьбог отца отговаривал, только тот его не послушал. Как наелся он и напилися — тотчас на кровать повалился. И тогда Дажьбог пития выливал, и мечом столы разрубал.

И тотчас ладья Китаврулова приставала к причалам Китежа. И пошёл Дажьбог ко златым вратам. Входит в город. Вокруг — терема, белокаменные дома. Мостовые у́стланы золотом и каменьями самоцветными.

Доходил Дажьбог до реки, за которой чудесный замок — на семи ветрах о семи шатрах.

Видит: радужный мост пред собою. И пошёл Дажьбог по тому мосту к Семиверхому замку Велеса.

Как пришёл, явились пред ним — Велес Суревич с Вилой Сидой.

Обратился Даждь ко хозяевам:

— Велес Суревич, сын Амелфы! Ты примкни к дружине Сваро́говой! Ведь в твоей могучей деснице — полнота есть силы державной! Если б мы потянули вместе братский плуг в порыве едином, то тогда никакая сила не смогла бы с нами поспорить!

Отвечал Перуничу Велес:

— Нет, сражаться с родною кровью — не пристало мне, сын Перуна! И скажу ещё: меч не скован, не отточено то железо, что моих одолеет братьев — сыновей великого Сурьи!

И тогда Дажьбог, сын Перуна, вынимал изостренный меч. И сошлись тотча́с в рукопашную Велес буйный и Тарх Дажьбог.

Как они боролись-братались — содрогалася Мать Сыра Земля, расплескалось и море синее, приклонилися все дубравы.

И воскликнул Велес сын Сурьи:

— Помоги-ка мне, Вила Сида, образумить сына Перуна!

Подскочила к ним Вила Сида, и хватала за кудрышки Даждя. И сбивала на Землю Сырую его. И тогда они привязали — Даждя цепью злато́ю к дубу.

— Вот теперь ты будешь, Перунич, песни петь нам, как Гамаюн! Или вечером сказки сказывать, как любимец наш — кот Баюн!

И воскликул тогда Тарх Перунович, и по небу гром раскатился:

— Ты проснись-пробудись, грозный батюшка! Помоги-ка мне, бог Перун!

Мало времени миновало — разгулялась непогодушка, туча грозная поднималась. Шла та туча грозная на́ горы — горы с тучи той порастрескались, и на камешки раскатились. Подходила к лесам — приклонились леса, разбежались в лесах звери лютые. Становилась туча над морем — море синее расходилось, разметались в нём рыбы быстрые.

Из-под той-то грозноей тученьки со громами, огнями сверкучими прилетел Орёл сизокрылый. Стал летать Орёл, клекотать в небесах:

— Почему приковали Тарха? Почему его привязали? Из-за Велеса — сына Сурьи, из-за Сиды — дочери Рода!

Не взлюбилась та речь буйну Велесу, он выскакивал на широкий луг. Лук тугой снимал с своего плеча, брал калёну стрелу у Дажьбога, направлял стрелу в птицу вещую. А Дажьбог у сырого дуба, глядя на стрелу, приговаривал:

— Слушай, батюшка лук! Ты, калёна стрела, — не пади ты ни в воду, ни на́ гору, не пади в дуб сырой и в сизо́го Орла — попади-ка в грудь буйна Велеса!

Не попала стрела ни на гору, ни в воду, не попала стрела в дуб сырой и в Орла — повернулась в грудь буйного Велеса, сбила с ног она бога грозного.

И тогда Орёл сизокрылый обернулся снова в Перуна. И послал Перун громовую стрелу — и разбился сырой дуб на щепочки. И спадали тогда цепи тяжкие вниз на землю с Тарха Дажьбога.

И сказал Перун буйну Велесу:

— Я тебя, грозный Велес, Коровы сын, уничтожу и не помилую!

— Не найдешь ты меня, — Велес так отвечал. — От тебя я сумею упрятаться! Вот идёт человек — стану тенью его, ничего ты со мною не сделаешь!

— Я убью человека, его я прощу, но тебя затем не помилую!

— Тогда я — под коня! Не отыщешь меня! — отвечал ему Велес, Коровы сын.

— И коня я забью, и тебя погублю, погублю тебя, не помилую!

— Я запрячусь в дупло, там спокойно, тепло — ничего ты со мною не сделаешь!

— Я тот дуб расщеплю и тебя отыщу — я найду тебя, не помилую!

И тогда бог Велес сын Суревич руку с перстенем ввысь подымал, перст свой к небесам воздымал. А в том перстне — Рубин Сокровения, что добыт в пещере у Родника — у источника Возрождения.

И когда ударила молния в тот великий Рубин Сокровения — вмиг растаяло наваждение.

Вдруг исчез и сам Китеж-град святой с Семиверхой башней Златой. И пропал вокруг океан, сгинул чудный остров Буян.

И увидел Перун сын Сварожич вместе с сыном Тархом Дажьбогом, что вокруг лишь лес Светлояров — травушка вокруг чуть трепещет, озерцо синей гладью блещет...

Так Перунушка со Дажьбогом Китеж-град в лесу не нашли и ни с чем обратно пошли, да в дубравушках заблудились и к сражению припозднились.

А Семаргл, Барма и Индрик подъезжали к Пановым кряжам. Где течёт Великая Ра-река, и в неё впадает Ока.

Барма — бог сладкозвучный, поэт из поэтов, начал петь, восхваляя Сваргу, проклиная Пана и Вия. И по

зову Бармы, царя молитв, Сивый Мориан появился. Вслед за Сивой явились — Рудые. Собралось великое воинство.

И искали боги могучие всех коров, украденных Паном. И услышали их мычанье.

Видят боги — у Камня горючего реки запрудил мощный Вритья. Сила Вритьи возбуждена, охватил его жар подземный, преградивши собою воды, он лежит на дне Подвселенной.

Подъезжал к нему мощный Индрик на могучем Единороге. Змей шипел, как в пьяном угаре:

— Я тебя, Индрик-бог, вызываю на бой! Я тебя, мощный Индрик, с конём проглочу!

Но ему не ответил Индрик, распалённый гневом и хмелем.

Колдовать тут начала Дана. Напустила она тучи тёмные, град, и гром, и грозные молнии. И во тьме надвинулся Вритья, в рог ударил Единорогу. И тогда колдовскою силой Индрик-бог обратился в волос. Вритья бил по тонкому волосу.

По́днял палицу мощный Индрик — содрогнулось всё поднебесье, как разбил он голову Вритьи. Будто сук, секирой обрубленный, Змей упал на Матушку Землю.

Вол хотел победить Быка, но сразил его мощный Индрик. Он — безногий, бесплечий, безрукий победить хотел Индрик-бога! Погрузился он в долгий мрак — тот, кому был сам Индрик враг!

Индрик чары Даны разрушил. И поникла Данушка Родовна. И на сына она упала, и прикрывала его собою. Сверху Дана-мать, снизу сын — так лежат Корова с Телёнком.

И ударил палицей Индрик. И поверг он лютого Вритью, обуздавшего все потоки. И поверг он Дану Земуновну. И столкнул их бог со Великой Ра — и все воды ринулись в море.

О, кого испугался Индрик? Что за страх проник в сердце бога? Почему, в Орла обратившись, улетел он от тела Вритьи? Он увидел Месть — Волка Огненного, пересекшего путь Орла.

Вот была задача нелёгкая у Семаргла и бога Бармы — отыскать уведённых Паном всех родных дочерей Земун. Видит Барма: в Синий Валун обернулся сын Волги-Ра.

Слышит Барма: мычат коровы под Великою той горой. К ним свой голос добавил Барма — с Сивой, Рудыми и Семарглом.

Испугался тут мощный Валья, побежал он от громкой песни, но, богов увидевши, — замер. Лёг горою, не уклоняясь.

И тогда бог Индрик могучий, рогом мощным Единорога проломил великий Валун. Словно Дятел, кору пробивший, он разбил преградушки Вальи.

Барма-бог молитвой раскрыл Валун, пробуравил своею силой. А Семаргл ударил секирой — и Крыни́ца в Камне раскрылась.

И роди́лся тогда в Крыни́це, что струила волшебный мёд, сам премудрый Квасура-бог.

И съезжалися к той Крыни́це грозные цари и царевичи, вслед за ними — князи́ и князевичи, приходили волхвы многомудрые. Все в Крыни́це че́рпали мёд. Пили все медо́вую сурью.

И открыли они врата́, и вошли волхвы в подземелье. И нашли в пещере сокрытой — тот Огонь, что светит во тьме. И, раскрыв глубокие тайны, стали ведать те мудрецы: это Пламя поэтам не чуждо, ими тот Огонь разожжён.

Вот лежит великий Валун, порождённый силою Вальи. У подножия той горы там лежит поверженный Вритья.

И тогда великая туча обложила гору печальную, и рыдала чёрным дождём над сынами матушки Даны...

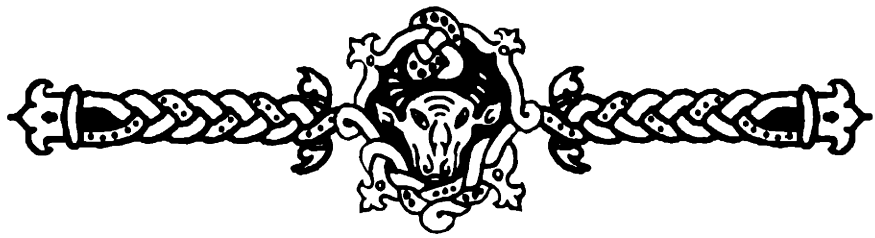
И сверкнула молния в туче, как великий Огненный Всадник проплывал над сею горой.

— Се Закон! Исполнен Закон! — прокатилося в горней выси.

И тогда печальные паны вереницею вышли из недр горы. Приклонили они колени.

И глава их к небу подня́л — Ключ Златой от Врат Сокровенья. Этот Ключ стал платой за жизнь Вальи с Вритьей и их заключенье.

Так за теми Вратами Тайны заключили Валью и Вритью. Заключили их не на годы, заключили не на столетья, а на долгие тысячелетья....

Видя поле, кровью зали́тое и засеянное костями, видя заключение братьев, — тяжкой скорбью сердце исполнилось у великого сына Сурьи. И в тоске-печали глубокой молвил о́н тогда Виле Сиде:

— Первоцветы счастливых лет на моих лужочках увяли! И с весенних ласковых пастбищ всех телятокбратцев угнали! Словно дуб, пораженный молнией в самую свою сердцевину, оказался я одиноким без друзей и братьев любимых!

И сказала так Вила Сида:

— Солнце деток уж не увидит, красных дней они не дождутся... Оттого в лесочке тоскует, и считает их дни кукушка... И рыдает ночь напролёт соловей о минувшем счастье, и черёмуха осыпается, ибо будет опять ненастье.

И призвал Китаврула Велес:

— Друг старинный, строитель дивный! Ты оставь кормило златое на своей летучей ладье... Ты возьми-

ка кормило власти. Был ты кормчим на корабле — стань же князем во Китеж-граде! Ты его окружи неприступной стеной, опоясай мощными рвами! Сделай город таким, чтоб укрыться могли в нём все немощные и старые!

И сказала так Вила Сида:

— Пусть всегда за стеною его обретут беззащитные вдовы, сироты приют. Те, что слёзы льют о погибших мужьях, и о братьях, убитых в жестоких боях!

Тут прощаться стали супру́ги с князем Китежа — Китаврулом. И промолвил слово прощанья Велес, сын великого Сурьи:

— Нам пора идти, словно птицам время с летних вод подыматься! Улетать мне — лебедем белым. Виле — уткой в тростник забиваться. Мы сокроемся в чаще леса, как листы, что сорваны ветром. Время нам оплакивать близких и печалиться о потерях!

И сказал он так напоследок, власть вручая кормщику мудрому:

— Мир храни! И всегда с любовью управляй ты городом чу́дным! И правителем будь счастливым! Кня́жи праведно и премудро!

И ступали Велес и Сида по лесам, горам и долинам. И бродили они много дней по болотушкам и трясинам... И плутали в глухих чащобах, пробиралися в буреломах...

Наконец, они выходили ко широким и белым во́дам — на пустынное Белозерье. И края им те полюбились, там супруги и поселились... И под сенью широкой сосен, под шатром от могучих елей боги тризны и славы пели.

Жили там лишь дыханием ветра, обогреты щедротой солнца, напоёны дождями и укрыты снегами... И так шли века за веками...

ВТОРОЙ КЛУБОК

БИТВА ЗА ИРИЙ. ПОТОП

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о Кащеевой гибели нам. Расскажи о Конце Света Белого и о битве за Ирий-сад!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Говорил Дажьбог сын Перуна:

— Не пустил нас Велес сын Суревич на великую битву у Ра-реки! Мне же предстоит бой славней того — одолеть Кащея Бессмертного!

Отвечала Дажьбогу Макошь:

— Не найти тебе Смерть Кащея — он с Мареною-Смертью дружен. И в бою ему Смерть не писана, ведь Кащей — это бог бессмертный!

Ей Дажьбог Перунич ответил:

— Не могла завязать так Макошь, Род не мог допустить такое! Всё рождённое Смерть имеет! Значит, есть она у Кащея!

И спросил Дажьбог Макошь-матушку:

— Где находится Смерть Кащея? Помоги мне, матушка Макошь!

Отвечала Дажьбогу Макошь:

— Далеко его Смерть упрятана, глубоко его Смерть схоронена! Далеко на Буяне-острове вырос дуб до самого неба. И на дубе сундук окованный,

в сундуке спрятан Заяц, в Зайце спрятана Утка, а в той Утке Яйцо. В том Яйце ты отыщешь Кащееву Смерть!

И поехал Дажьбог к морю синему. Видит: в небе летит Ясный Сокол — то Семаргл-Огонь сын Сварожич:

— Я тебе помогу, добрый Тарх Дажьбог!

Видит: в небе Орёл сизокрылый — то Перун Громовержец, Сварога сын:

— На меня надейся, могучий Даждь!

Видит в поле Дажьбог Волка серого — это Огненный Волх, Змея Индры сын.

— Не забудь обо мне, Тарх Перунович!

Вот подходит Дажьбог к морю синему:

— Как бы мне переправиться к острову?

Всколебалось тут море синее, и поднялся из моря Поддонный Змей. Лёг тот Змей чрез морюшко синее:

— Ты ступай по мне, Вышний Тарх Дажьбог!

И поехал по Змею Перуна сын — и доехал он до Буяна. Видит он — на острове дуб стоит, в небо кроною упирается. И висит высоко на ветвях его тот сундук со Смертью Кащеевой.

— Как бы мне достать тот сундук с ветвей?

Прилетел Орёл Громовержец и ударил в дуб громовой стрелой — сотряслась тогда поднебесная, дуб на щепочки расщепился, и сундук упал и разбился.

Выскочил из него серый Заяц.

— Как бы мне догнать Зайца серого?

Появился Волк — Змей могучий Волх, побежал за Зайчиком серым, и догнал Зайца Волк, растерзал его, и порхнула из Зайчика Уточка.

— Как бы мне поймать серу Уточку?

Прилетел тут Рарог — Огонь-Семаргл, растерзал Семаргл серу Уточку. И упало из серой Уточки Золотое Яйцо в море синее.

— Как бы мне Яйцо это выловить?

Тут поднялся из моря Поддонный Змей и принёс Дажьбогу Перуновичу то Яйцо с Кащеевой Смертью.

И поехал Дажьбог в Царство Тёмное. Подъезжал к палатам Кащеевым. Увидала его Марена, наливала питья хмельного.

— Свет мой ясный, Тарх, сын Перуна! Как день летний не может без солнышка, так и я не могу без тебя, мой свет, не могу я есть, не могу и спать! Выпей чару вина зелёного ты с великой тоски-досады!

Тут занёс Дажьбог руку правую, ею принимал чару горькую. Налетела тут Лебедь Белая — Жива, дочь Сварога небесного, — и толкнула чарочку горькую: улетела чара далёхонько.

Тут опомнился Тарх Перунович.

И поднял Дажьбог свой могучий меч, отрубал Маренушке головушку. Тут упал Сокол Рарог-Огонь с небес и сжигал её тело белое.

Разгорался огонь палящий! Разгорался на полсвета белого!

И сказал Дажьбог Тарх Перунович:

— Принимайте требу, небесные боги! Принимайте Марену Свароговну!

Вынимал Дажьбог Золотое Яйцо — и Кащею Яичко показывал.

Тут Кащей закричал богу светлому:

— Ты не трогай, Дажьбог, Золотое Яйцо! То Яйцо появилось при Рождении Мира! У него нет ни Матери, нет и Отца! О рожденьи Яйца не расскажет никто! Только Род тайну ведает эту!

И промолвил Кащею тогда Дажьбог:

— В том Яйце Смерть твоя скропостижная!

И разбил Дажьбог Золотое Яйцо — и упал Кащеюшка Виевич.

Как разбил Дажьбог Золотое Яйцо — раздался голос Рода небесного:

— Из Яйца возникает Великий Огонь! Наступает Конец Света Белого! Поднимаются Воды Великие!

Пришло время очистить Землю!

Расступись во все стороны, Мать Земля!

Гнев идёт!

Озарил Семаргл Царство Тёмное, опалил Огонь силы чёрные. И все ринулись ко Рипейским горам прочь с земель спалённых Сварожичем!

Оставляя дорогу чёрную, шёл Семаргл-Огонь по Земле Сырой, рассыпался он во все стороны. Вслед летел Стрибог из-под облака, раздувая великое пламя! Он ревел и выл, как могучий зверь, пробегая по кронам деревьев!

И пошли, поползли ко Рипейским горам силы грозные, силы тёмные. И сама Седунюшка Родовна, Чёрный Ворон и Уточка серая, Дый, и Вий — Седуневы детушки, и Горынюшки — дети Виевы, Змей — Поддонный Царь и Грифон, а за ними и навьи с юдами.

Расступилась тогда Мать Сыра Земля, и поднялся из Пекла сам Чёрный Змей, полетел Чёрный Змей к Алатырским горам, к самому саду Ирию светлому!

Мать-Земля потрясалась от топота, помрачилося Солнце Красное, вниз на Землю звёзды попадали и померкнул на небе Месяц.

Тут Сварог небесный услышал, что приблизилась к Сварге сила. И созвал он в Ирий Сварожичей.

Собирались боги бессмертные и садились на троны в Ирийских горах. Пировали они на Ала́тыре, и Сварог небесный промолвил:

— То разлились не воды вешние, силы навские к саду близятся! Встаньте все на защиту Ирия!

Роги турии затрубили: на защиту Ирия светлого, на защиту дерева жизни встали все бессмертные боги.

Вышел бог Семаргл в вихре-пламени, выезжал в колеснице огненной бог Перун, метая перуны. Сирином порхнул буйный Велес. Вслед за ними и Барма — Лебедем, Финист выпорхнул — Ясным Соколом.

Собрало́сь небесное воинство!

Как сбиралися боги сильные — потрясалася Мать Сыра Земля, из морей вода разливалась.

И сходилися в чистом полюшке силы грозные грудь на грудь. Бил Сваро́г Змея Чёрного молотом, бог Семаргл сжигал Вия тёмного, а Сварожич Перун бился с Индриком, Велес бился с Дыем Седуничем, а Поддонный царь со Денницею. Мать Земун сражалась с Седунею. Бог Ярилушка — с Сивым Мором.

Заструилася кровь горячая, пар пошёл струиться под облако и разли́лись реки кровавые.

Так молила Марена Вышня:

— Боже Вышень наш, Всемогущий! Дай мне, Вышний, ключи от Сварги! Чтоб чрез Ирий пройти мне в Пекло, где мой трон близ Чёрного трона!

И услышал Вышний молитву. И послал к Свароговне Велеса, чтоб открыл он Смерти ворота. И прошла Марена чрез Ирий, и пришла к горе Сарачинской ко

горючему Камню Чёрному. Велес Камень тот отвалил — и Марена спустилась в Пекло.

Едет Смерть на Змее Трёхглавом по реке огня в Пекле жарком. На главе у ней не златой венец — это ящерица свернулась, на руках её не браслеты — свились змеи чёрными кольцами.

Вот пред Марой — хоромы Вия. Здесь пред Вием сам Радогаст сидит: он в деснице скипетр держит и умершие души судит. И в просторном зале дворца души ждут его приговора.

Видит Мара: мучатся трое. Голова пылает у первого, у второго — руки по плечи, и горят у третьего ноги.

И спросила тогда Марена:

— Чем же трое те согрешили, что такую приняли муку?

И ответил ей Радогаст:

— Я про то скажу тебе, Мара. Первый гордо носил корону, был тираном на троне царском. Был второй — его казначеем, запускал в казну свои руки. Третий — царским был воеводой, по колено стоял в крови.

Видит Мара — мучатся двое. И у первого змеи в глаза впили́сь, за язык второй был подвешен. Первый был судьёю неправым, Правду с Кривдой не различал. Клеветал второй на людей и сводил соседей в могилу.

Сходит в тёмную глубь Марена шаг за шагом и круг за кругом. Видит Мара — мучат злодеев, что ушли при жизни от Прави. Видит жён и мужей, что бросали детей. Видит и лицемеров, предателей, и воров, и убийц, чёрных магов и жриц. Пожирает их страшный Яма в чёрной яме во глу́би Пекла.

И услышала Мара голос:

— Подымись, Марена, на Землю! Подошла пора жатвы смертной! Отворились ворота Пекла, отвалился и Чёрный Камень!

И тогда спросила Марена:

— Боже Вышень наш, Всемогущий! Гром ли это, земля ль трясётся? Иль широкое море плещет?

— То не гром, не Земля трясётся, не широкое море плещет — делят мир меж собою боги. Велес, Дый, Семаргл, и Дажьбог, Вий, Перун, Купала, Ярила — все ясуни Звёздного Неба.

К ним идёт Марена Свароговна, что восстала из Пекла тёмного и пришла от Чёрного Камня. Вся в слезах Марена горючих.

И спросил её Громовержец:

— О сестра, Марена Свароговна! Отчего, Маренушка, плачешь? Отчего горючие слёзы по твоим ланитам струятся?

Отвечала ему Марена:

— О мой брат, Перун Громовержец! Как не лить мне слёзы горючие! Я прошла по гордой Индерии, Каракайским Чёрным горам, по земле, оставленной Богом.

— Что ты видела там, Марена?

— Много там грехов, беззаконий. Там лжецами попрана Правда и Землёю той правит Кривда. Нет почёта старцам от юных, и отца не слушают дети. Кум с кумою имеет тяжбу, братья бьются между собою. Снох своих обижает деверь, брат сестрою сестру не кличет! Предаются все вожделенью, предаются тяжким порокам. Нет там свадеб, разврат царит. И все жёны — мужьям враждебны. На отца сыночек доносит, брат — на брата, и мать — на дочь. И смешались там все сословья. Кто был первым — тот стал последним, а по-следний — воссел над всеми. Там правитель славен тиранством. Воин там — грабитель, насильник, не встаёт на защиту рода. Трус там мнит себя всех храбрее. А глупец слывёт мудрецом. Жрец оставил свои обеты, попирает истину Вед. Почитают в тех землях — мощи, отвергают светлых богов, и не славят Бога Всевышнего!

И Перун Марене ответил:

— Ой, сестра, Марена Свароговна! Ты утри горючие слёзы! Меж собою мы мир поделим и придём к Всевышнему Богу. Обратимся к Богу с мольбою, чтоб Он дал нам ключи от Неба. Мы откроем семь небосводов — хлынут воды с Неба на Землю и её от скверны очистят!

Тут из Ирия к Богумиру, сыну Даждя, явился Велес:

— О мой правнук! Царь Богумир! Знай, идёт на Землю несчастье, и укроют её снега. А потом прольются дожди, воды хлынут и всё погибнет!

И ещё сказал мудрый Велес:

— Сделай Двор на бег лошадиный! Стены подыми выше вод! Там устрой лужайки зелёные и построй дома́ и навесы, приведи-ка сюда ты всех тварей по паре, принеси семена всех растений!

— Как же я ту работушку сделаю?

— Ты возьми, Богумир, мой волшебный рог. Лишь его к губам поднесёшь — звери все придут на призыв твой, семена принесёт буйный ветер!..

И вот Боги мир поделили.

Велес взял ключи от Ирийских врат. Взял Перун гром, грозы и молнии. Разрушенье и страсти взяли дети Седуни. Возрождение мира взял Тарх Дажьбог. Взял Ярила цветенье весеннее. Стал Сварог управлять всяким родом, омовениями — Купала, а Стрибог — ветра́ми могучими.

И пришли они к Богу Вышнему. И ему все боги молились. И молитву ту Бог услышал, и отдал от Неба ключи.

И открыли боги небесный свод. И с небес пошли не дожди, в сто потоков хлынули воды.

И поднялись Воды Великие!

Видя воды многие лютые, испугались люди и звери, побежали в горы крутые. Как они подымались в горы — превращались в камни горючие.

Наполнялись водою дебри, разливались реки широкие, поднимались звери к вершинам. Лютость в кротость тут превратилась, страхом сильным она укротилась. Лев с овцою стояли вместе — на вершинах гор.

Поднимались на́ горы люди, побежали туда и звери. Люди вниз смотрели со страхом, как земли вдруг не стало видно, — всё покрыла собой вода...

Все холмы водою скрывались, смерти горькой тут предавался — род зверей.

Крик великий все поднимали, кверху глас и дух испускали — в злой тот час.

Птицы в синее небо подня́лись, из последних сил в нём летая, — пользы нет!

Птицы падали в шумные воды, все тонули, всех скрыли волны — та вода!..

Богумир с женою Славуней, с дочерьми и всеми сынами скрылись во Дворе за стена́ми, взяв с собою птиц и животных, семена всех земных растений.

Минова́ло три долгих года. И все люди, растения, звери жили в том Дворе чу́дной жизнью. И сошла наконец вода.

И тогда Сварог вместе с Ладой на себе подымали небесный свод. Разогнал Дажьбог тучи тёмные. Доставать стали боги Землю — и лицо тут Земли открылось, и вода под Землёю скрылась.

Над зелёной Землёй летают Матерь Слава, Перун — Орёл, Гамаюн — Дажьбог, Сирин — Велес, Алконост — бог Хорс, Рарог — бог Семаргл, Финист-Сокол — Волх, Лебедь — Жива.

И вознёс Богумир славу Велесу, и Дажьбогу, и Богу Вышнему!

ТРЕТИЙ КЛУБОК

ЗАКОНЫ СВАРОГА

— Расскажи, Гамаюн, птица вещая, о рождении русского рода, о законах, Сварогом данных!

— Ничего не скрою, что ведаю...

Как закончился первый свет — смыло все грехи со Земли Сырой, оживили мир Ясный бог Дажьбог с легкокрылою Живой-Лебедью.

Насадили они тёмные леса, заселили они синие моря. В небеса запустили стаи певчих птиц, а зверей свирепых — в тёмные леса, и в моря — китов, а в болота — змей.

Утвердил Дажьбог в этом мире — Правь, отделил Дажьбог Явь от Нави. Стал он богом Прави и Яви.

Приняли Дажьбог с Живой-Лебедью золотые венцы Свароговы и сыграли в Ирии свадьбу.

И на свадебке гости-сватушки так спросили сына Перуна:

— Ты на чём приехал, великий Даждь?

— На златой колеснице Солнца. Гамаюн колесницу ту принесла. Как летит она в небе синем — прикло-няются все дубравы.

Ударяю я по Земле жезло́м — тает снег, лёд в реках кроши́тся, зеленеет трава, расцветают цветы, и поют в садах птицы певчие!

И спросили они невестушку:

— Ты на чём приехала, Жива?

— Я на сошечке по бороздочке, на овсяном колосочке, на пшеничном пирожочке!

И кружилась Жива Свароговна: правой ручкой махнёт — встанет лес и река, левой ручкой — летят птицы под облака.

— Пойду ли в сад зелёный, выйду ли в сад зелёный. Далеко ли погляжу — горы там высоки, там озёра глубоки!

Как на горушке крутой поднялся́ высокий дуб. У него-то корни булатные, его веточки — все хрустальные, его жёлуди — позлачёные, ну а маковка — вся жемчужная. На ветвях его птицы песнь поют, в серединушке — пчёлы гнёзда вьют.

Как под тем высоким дубом Жива и Дажьбог сидят, Жива и Дажьбог сидят — разговаривают:

— Ах, что это за садок, за зелёненький такой! Ах, что это за цветы, за лазоревые! Ах, что это за мило́й, что за ласковый такой!

И пошли у Живы Свароговны с молодым Дажьбогом Перуновичем скоро детушки — Арий с Кисеком. Ну а Арий затем породил сынов — Кия, Щека и Хорива — младшего.

Их поила Земун молоком своим, колыбель качал бог ветров Стрибог, их Семаргл согревал, Хорс им мир озарял.

Появились у них и внуки, а потом появились правнуки — то потомки Дажьбога и Живы, и Роси — русалки прекрасной, то народ великий и славный, племя то по имени — *русъ*.

Во святом саду, в светлом Ирии после трёх лет Потопа Великого с неба падали клещи огненные — перед добрым Тархом Дажьбогом, пред родными его сынами.

Получил те клещи Свароговы Арий-праотец. Арий стал железо выковывать. Показал Перун тогда Арию — как мечи ковать и как стрелы лить.

— Вот мечи и стрелы могучие! — так сказал ему Громовержец. — Победите вы сим оружием всех врагов Руси!

Восхищён был тогда Арий-праотец грозной силой кованья Перунова.

У горы Алатырской в Ирии после трёх лет Потопа Великого золотые предметы падали — плуг с секирой и чаша глубокая.

Подходил к тем предметам брат старший Кий, поднял Кий золотой, павший с неба плуг, стал он плугом землю распахивать.

Подходил к тем предметам премудрый Щек. Поднял он глубокую чашу, наливал он в чашу хмельну сурью́, приносил он жертвы Всевышнему.

Брал секиру могучий Хорив — стал он воином грозным и князем великим.

Как в Кавказских горах, в светлом Ирии после трёх лет Потопа Великого падал с свода небесного Камень. Падал он перед добрым Даждем, пред родными его сына́ми.

Был тот Камень мал и весьма студён, и была на Земле тьма великая. И не смог тот Камень никто познать, и не смог никто от Земли поднять.

Собиралися-соезжалися к Камешку цари и царевичи, также и короли, королевичи, собрались волхвы многомудрые. Собиралися-соезжалися, вкруг него рядами рассаживались, много дней богов прославляли.

И распался Камень на две половины — внутри Камня была надпись найдена.

Кто же высек её? Кий — великий князь? Щек — премудрый волхв? Хорив — воин-царь? Арий-праотец? Или Тарх Дажьбог?

Высек те слова во плоти Сварог — он узнал их от Рода-Всевышнего.

Рёк Всевышний Бог:

Чады вы Мои! Знайте, ходит Земля мимо Солнца, но Мои слова мимо вас не пройдут!

Дети Рода небесного! Родичи! Знайте, люди, законы Мои! Вы, потомки Сварога — сварожичи! Вы, потомки Перуна, русалки Роси! Люди русские — русичи, слушайте!

Почитайте Бога Всевышнего! Чтите все Его нисхождения! Убегайте от Кривды и следуйте Правде, чтите род свой и Рода небесного.

Познавайте Явь, Правь и Навь! И ищите мудрость повсюду — хоть на самом Крае Земли, в безднах моря, средь частых звёзд!

Пусть ведут вас к чертогам Света — Матерь Слава и Велес-свят!

Чады вы Мои! Рождены вы Сварогом и Родом!

Кости взяты от твёрдого камня, от Сырой Земли Матушки — тело, кровь-руда от Чёрного моря, а дыхание ваше от ветра.

Ваши очи взяты от Солнца, мысли ваши от облака взяты. Как по синему небу проносятся тучи, так и в вас проносятся лёгкие мысли, и за добрыми мыслями — следуют злые. Мысли добрые — свет из Ирия, злые — отблеск пламени Пекла!

Вы же следуйте свету звёзд! Пусть на небо трудна дорога! Узок путь, что волос над бездной! Вниз же путь широк и прото́рен, вниз спускаться легче и проще! Не ищите вы звёзд в отражении вод, а взирайте на небосвод!

Вы ступайте Стезёю Правой, что ведёт к небесным чертогам! Избегайте Тропы Неправой, что низводит в глубины Пекла!

Чады вы Мои!

Ваша первая мать — Майя-матушка, мать небесная, богородица, а вторая мать — Мать Сыра Земля. Третья мать — что мучилась в родах.

Если матушка Майя вас не возлюбит, ничего на Земле Сырой не родится, и младенцу не выжить у рожени́цы! Если матушка Майя поможет, то Земля воздаст и накормит вас! А у рожени́цы дитятко живо́ родится!

Вы сыны Дажьбога и Майи! Почитайте Матерь Всеславу! Слышьте песню Матери Славы, что летит из Сварги над Русью!

И держите Русь в своём сердце! Берегите Русскую Землю! Знайте, та земля будет вашей землей, что полита в боях вашей кровью святой!

Почитайте друг друга, сын — мать и отца, муж с женою живите в согласии. На едину жену должен муж посягать, а иных за сестёр своих почитать.

Также чтите вы за второго отца — князя рода, учителя и жреца!

Знайте, внуки Дажьбога, что русские боги не приемлют кровавых жертв. Лишь плоды и цветы, зёрна, овощи, сурью.

Сохраняйте в посты от съедения чрево. Берегите всегда от сграбления руки и уста охраняйте свои от хулы.

Почитайте великие праздники: дни Дажьбога и Вышня-бога, Коляды, Перуна и Велеса, и Ярилы, и Златы Майи!

Почитайте Купальские дни. Чтите вы Кострому с Купалой. Омывайтесь в воде живой! Сам Купала на то омыванье указал вам: «Пусть будут чистыми как тела, так и души ваши!»

Почитайте вы также Перунов день. Вспоминайте дела Перуновы, как Перун победил зверя Скипера

и как сёстрам своим он свободу дал, как очистил их в водах Ирия.

Вспоминайте Перуна с Дивою! Поминайте и Велеса мудрого! Имена его прославляйте!

После жатвы вы вспоминайте об успении Златогорки. Почитайте день Лели с Волхом — чу́дным Финистом Ясным Соколом!

Славьте и Коляду с Овсенем! И Колядки пойте в Колядов день! И всегда прославляйте Макошь!

Почитайте вы три дня в неделе — среду, пятницу и воскресенье.

В среду Велес с Дажьбогом во Китеже бились, чтобы кровь родная не ли́лась! И тогда же в Битве Трёх Родов Золотая Крыница вскрылась!

Ну а в пятницу Макошью-матушкой был предсказан Дажьбогу — Великий Потоп.

В воскресенье Дажьбога Жива-Лебедь спасала, ожи-вляла водой и сняла со скалы. И на крыльях своих лебединых подняла, унесла в Ирий-сад к Алатырским горам.

Если кто в воскресенье работает — то не будет ему прибытка, ни по жребию, ни по таланту во другие шесть дней без изъяна. Друг ко другу ходите, друга дружку любите, будет радостно вам — пойте песни богам.

От сожженья Мары и до свадьбы Живы вы блюдите Великий пост. Почитайте яйца в честь Яйца Седыя, что разбил Дажьбог наш, вызвав тем Потоп.

Коль не будете заповедь слушать — Дый раскроет своды небесные, спустит он горящие камни и прольёт из кузни небесной он расплавленное железо!

Око Сурьи иссушит все реки, моря, загорится тогда Мать Сыра Земля — от восхода до самого запада, от полудня гореть будет до́ ночи. Загорятся горы с раз-дольями, загорятся и лесушки тёмные!

Будет день последний! И Солнце во тьме! И Орёл — украшенье небесное света вам не даст в утешение! И сойдут на Землю Сварожичи! Сокрушенье придёт от Бога! И ослабнет рука у всякого, и смятутся дети и старцы, и изменит их лица пламень.

А затем возмутятся все струи морские, и разверзнутся хляби небесные! И водою той Землю вымоет, как скорлупку яичную, как девицу и вдовушку.

Дух тогда восстанет на Силу — и Стрибог успокоит море. Велес двери откроет в Ирий. Но лишь праведный свет обрящет! И Сварог лишь его пропустит!

Почитайте страстную неделю — как скорбел Дажьбог от распятья до спасения Лебедью-Живой, так и вы скорбите смиренно. И не пейте питья хмельного, не скажите бранного слова!

От тех бранных слов Майя-матушка на Ирийских горах встрепенётся, запекутся кровью её уста.

Вы ликуйте:

— Спасён Вышний Тарх Дажьбог! К нам идёт Весна, Жива-матушка!

Чады вы Мои!

Если вы Мой закон не возлюбите, и не будете празд-новать праздники, и поститься в посты не станете, напущу на вас градобитие, напущу и морозы лютые, и Земли Сырой потрясения, и Огонь палящ, и великий Мор на людей, скотину и ваших птиц. Напущу свирепых зверей на вас!

И придут от Чёрного моря звери страшные, звери лютые, волоса у них — до Сырóй Земли, а на лапах у них когти острые. Поедят они вашу скотинушку, всех волов и коров, что пасутся в горах!

Если вы не уйдёте от Кривды — напущу я великие казни, и войною поднимется царь на царя, и восстанет отец на сына, на отца сын, и брат на брата, и сосед пойдёт на соседа — и начнётся кровопролитье.

Невесёлая встанет година, и поднимется птица Обида, вступит девой на Матушку-Землю, лебедиными крыльями всплещет и прогонит годы обилья. Вы начнёте ковать крамолу и про малое молвить — большое! говорить: «сё — моё, то — моё же!»

И придут языци неверные, и прольют они вашу кровушку за неправду и беззаконие.

Я на вас напущу стаи чёрных птиц, у которых клювы железные, и начнут те птицы летать, клевать. Вы нигде от птиц тех не скроетесь! Поспешите вы на могилы — ко усопшим своим родителям и попросите их, чтоб пустили вас, — вас не пустят к себе усопшие!

Кто сему посланью не верит, тот, кто скажет, что всё здесь ложно, — тот получит вечную муку, и в конце жизни — смерть ужасную, а не в Ирии жизнь счастливую.

Чады вы Мои!

Кто все эти законы возлюбит, будет Бога Всевышнего славить, станет толком слова толковать Мои — от того отойдут все несчастия, станет тот наследником Ирия!

И при жизни взойдёте вы Правой Стезёй в Китеж град и в Ирий святой! И пробудитесь к жизни вечной! И тогда упадёт с ваших глаз пелена, вы восстанете ото сна!

И придёте вы вместе ко Синей реке и ко той горе Алатырской, до долины с чу́дными травами. И увидите Деда с Бабою. И отныне будете с Нами в вечной жизни в Святых краях!

Здесь цветы увидите чу́дные, и леса, и горы, и долы. Вы свивать начнёте Снопы, станете трудиться в полях на святой Велесовой ниве! Урожай вы здесь соберёте в закрома Сварога небесного. Ибо то богатство иное!

На Земле вы были во прахе, и в болезнях все, и в страданиях — здесь же вечно мирные дни.

Вы увидите Птицу Славу. Как она, вся сияя светом, бьёт крылами в саду Ирийском! И все перья её иные: золотистые и серебряные, также розовые и белые, также синие и зелёные!

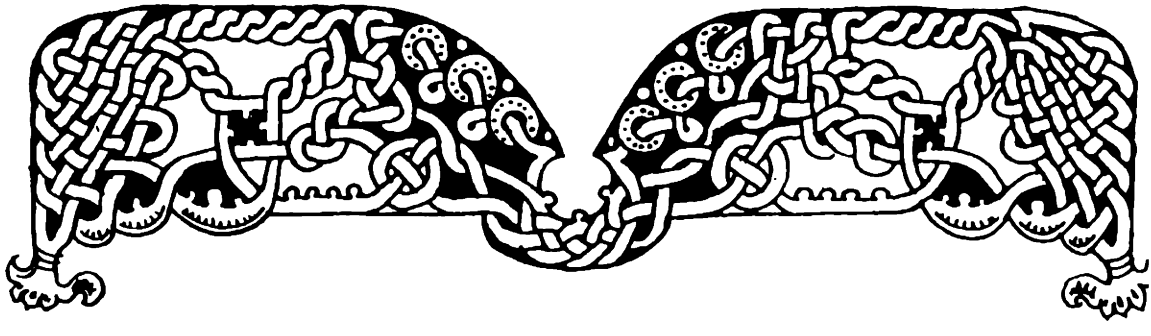
Вы увидите степи райские в небе синем, в пречистой Сварге. И та синь идёт от Сварога. И там Велес правит стадами. Мы приносим здесь для моленья виноград, и мёд, и зерно.

И увидите Коляду, бога Велеса с богом Крышнем. И пребудете вечно с Правью.

Верьте вы в три лика Всевышнего, знайте истину Божьих Вед! Ныне, присно, от века в век.

СЛОВО О КНИГЕ

Как сохранились «Веды Руси»

«Песни Гамаюна» — наиболее известные и лучше всего сохранившиеся на Руси. Впервые они были мной опубликованы в 1992 году. А полное их собрание составило «Звёздную Книгу Коляды», изданную в следующие годы.

Книга эта пробудила интерес к древней волжской традиции. Меня многие спрашивали, откуда взялись эти песни, кто и как хранил их. Чтобы ответить на этот вопрос, следует рассказать о последних хранителях традиции.

Некоторые песни из этой книги я слышал в детстве от своей бабушки. А родился я в селе Сокольском на Волге, в Нижегородчине.

Это сказочный, берендеевский край. И предки мои были в сём краю священниками и крестьянами, бурлаками и рыбаками. Но более всего славились они тем, что знали старинные сказки, предания.

И сам А. Н. Островский, усадьба коего до сих пор стоит неполалёку, по местным берендеевским легендам написал известную всем сказку «Снегурочка», где рассказал о Берендеевом царстве, о поклонении Яриле и Велесу. А ведь узнал сии легенды барин от предков наших или близких родственников...

Ой, и мало я ценил то время! И жалею сейчас об этом. Это было обычно: и сказки, что рассказывала бабушка, и русская печка, и куры в сенях, и ткацкий станок на чердаке, и домотканая рубаха. И даже... куричий бог (горшок на заборе), дух-шилишига за печкой, волшебный урошный камень, святая вода у иконки святого Николая...

А рядом, почти под окнами, катит волны величественная, святая Волга-матушка. И здесь же Пановы горы, укрывающие колдовские тайны панов — древ-

них подземных жителей. И совсем рядом сказочные берендеевские леса. И не-далече Ярилино озеро — Светлояр, у коего сокрылся святой Китеж-град...

Тогда-то я и начал сам рассказывать сказки. Рассказывал соседским детям и то, что слышал от бабушки, и то, что знал из книг. Но чаще связывал разные сказки, былины, перепевал их.

Будучи в школе — а тогда мы жили в старинном городе Гороховце Владимирской области, — я, с помощью родителей, устроил школьный исторический музей. Мы собирали местные легенды, старинные церковные книги, изучали древнюю историю родного края. Тогда по книгам родителей я освоил старославянский язык.

И стал записывать легенды и сказки, по ним с друзьями устраивал спектакли-мистерии...

«Песни Гамаюна» — это часть «Звёздной Книги Коляды». В неё также входят «Песни Алконоста», «Песни Сирина» и «Песни Финиста».

Общий свод песен называют также «Золотой...» или «Звёздной...» «... Книгой Коляды». Известна она и под именами «Птичья книга» или «Голубиная Книга» (она же «Глубинная Книга»). Иначе: «Живая книга», «Животная Книга».

Меня всегда занимала эта традиция. Словно эхо от волшебной песни слышались строки из этой книги и в сказках бабушки, и в легендах, и в преданиях... Глубинный духовный смысл этой традиции открывался при соприкосновении с тайными течениями русского православия.

Дело в том, что в разные времена части Гамаюновых песен хранились общинами, скитами (так именовались тайные толки русского православия). И даже в тех изводах «Голубиных» и «Животных книг», что были изданы в прошлом и в начале нашего века, можно найти много общего с собранными мной по осколкам Гамаюновыми песнями.

К наследию этой тайной православной традиции вначале я прикоснулся в раннем детстве.

Эта традиция передавалась по линии отца. И следует сказать, что пращуры по сей линии много веков служили Православной церкви и занимали немалые чины в высшей иерархии. В русском православии всегда жило течение, духовный исток коего принадлежал ведической древности. Течение это именовалось «христовщиной» (более известно под именем «хлыстовщина»).

Последователи этого течения не отделяли себя от господствующей Православной церкви и не только соблюдали все обряды, но и служили в самой церкви и почитались одними из ревностных её последователей и жертвователей. Потому они не подвергались преследованиям, в отличие от старообрядцев. Замечу, раскольники «хлыстов» отделяли от себя, считали кудесниками и волхвами за тайные обряды: волшебное причащение изюмом, поклонение Богородице, которую именовали Матерью Сырой Землей, за песни, наполненные языческими образами.

Многие сомневались и в том, что они христиане. Их уподобляли буддистам, ибо самого Христа «божьи дети» («хлысты») признавали одним из многих Детей Божьих, что сродно с учением о Бодхисаттвах. Христами и Богородицами они почитали и тех, что рождались среди самих «хлыстов». В одно время могло быть несколько Христов и Богородиц, узнаваемых по особой волшебной силе.

Одной из старейших ветвей этой традиции были «анастасиевцы», последователи «обретёной Богородицы» Анастасии (старицы Настасьи Карповны), что была казнена за ересь в Санкт-Петербурге в октябре 1733 года. Рождённого ею «обретённого Христа», в миру Андрея, преследовал сыщик Ванька Каин. Кстати, и современные «анастасиевцы» сохранили преемственность древнего учения, восходящего к тайным течениям русского православия.

Здесь не место рассказывать в подробностях об особенностях сего толка в русском православии. Сошлюсь только на исследования «христовщины» Мельникова-Печерского в его работах «Письма о расколе», «Тайные секты». А в книге Мельникова-Печерского «В лесах» рассказано о языческих обрядах, о тайных сектах и расколе на Волге (т.е. как раз в тех местах, откуда я родом).

Рассказывает Мельников-Печерский и о последователе старца Капитона крестьянине Юрьевецкого уезда Костромской губернии Даниле Филипповиче. Он жил сразу после раскола, т.е. в XVII столетии, и был объявлен своими учениками, а потом и почти всеми «божьими людьми» Живым Богом.

На Данилу сошёл Дух Святой, явившийся в огненной колеснице в славе своей. По преданию, Данила проповедовал, творил чудеса, возносился в небеса. Также «по наставлению Духа Святого Данила утопил книжное писание». Во время споров о том, по старым или по новым книгам можно спастись, Данила говорил, что ни те, ни другие никуда не годятся и что для спасения души необходима одна — «Книга Золотая, Книга Животная, Книга Голубиная, Сам сударь Дух Святой». Из-под Юрьевца, где в XVII веке учил Данила, из деревни Будырино, вышли и мои предки по прямой линии, Асовы. Конечно, они были знакомы с этими тайными течениями, но сами «хлыстами» не были, ибо хранили традицию более глубокую.

Следует сказать об истории берендеевского рода Асовых и о самих волжских берендеях. Ныне, пожалуй, на Волге, под Костромой и Юрьевцем, не отыщешь человека, который называл бы себя берендеем, все берендеи слились с прочими русскими родами.

Но ещё в начале XX-го века такое разграничение по вероисповеданию ощущалось, ибо берендеи хра-

нили собственно древнюю русскую ведическую веру. Эту традицию застали здесь и П. И. Мельников-Печорский, и А.Н. Островский.

Сами же берендеи в сих местах появились в XII–XIII вв., накануне монгольского завоевания. Под Юрьевцем они поселились при Всеволоде Большое Гнездо и сыне его Юрии (в честь коего назван Юрьевец). Тогда они переселились из-под Мурома, из Переславля Залесского и Переславля Рязанского (ныне Рязань), где и ныне можно найти берендеевские и казачьи названия: села Берендеево, Урюпино, Казаки (такие же названия можно найти и на Дону). Дело в том, что ранее, в VIII–XI вв., сии земли принадлежали обширнейшей Чернигово-Северской Руси, в которую входили и все казачьи земли на Дону, и Тмутараканская Русь (Тамань).

Будыри и иные берендеи поселились сначала под Муромом на Оке, т.е. на северной окраине Северской земли, а потом и на Волге. Корни же этих родов уходят на Северный Кавказ и Тамань. Издревле будырями называли тех, кто строил ладьи и челны-будары, или бусы (казаки и сегодня называют так небольшие суда).

Однако будыри — это не только те, кто строит суда, но и те, кто будоражит, будит. Издревле их артели хранили и духовную традицию, потому «будами» называли также и храмы-часовни (отсюда «будка», «будинок»). Кораблями называли себя и сами духовные общины, эта традиция перешла к «божьим детям». Во главе корабля обычно стоял «буссар» (т.е. «царь буса-корабля»).

Вспомним и то, что Будом или Побудом (т.е. «пробужденным», сиречь «буддой») «Книга Велеса» именует самого князя Буса Белояра (IV в.). Современником Буса Белояра был и князь берендеев Асень, Хранитель Вед. От сего Асеня и ведут свой род берендеи Асовы из деревни Будырино.

Тяга к корабельному делу сохранялась в роде Асовых и последние два века. Мне рассказывали, что брат моего прадеда в середине прошлого века был корабельным головою на одном из волжских судов.

Сам же прадед, Платон Григорьевич Асов (1839–1912), обеднел и закончил жизнь бурлаком. Страсть к корабельному делу передалась и моему отцу, инженеру-кораблестроителю, а потом и мне — я много лет работал на черноморских судах.

Но главный корабль, построенный Асовыми, — это корабль «Звёздной Книги»: «То не просто летучий корабль расправлял могучие крылья — это Звёздная Книга Вед разворачивала страницы!»

Но не сразу я пришёл к этой книге и традиции. До этого я успел закончить Московский Университет, работал в журнале «Наука и религия», ходил на судах и яхтах в Чёрном море, восходил в горы — и чаще всего в Приэльбрусье. Тперь переселился в Геленджик. где создаю Славянский культурный центр в дольменной зоне у реки Жане.

И всегда, оказываясь в тех местах, я чувствовал, что я здесь не в первый раз, будто давным-давно уже видел и эти берега, и эти горы... Просыпаясь ночью на корабле, я вдруг вспоминал, что говорил во сне, но не на русском и даже не на старославянском, а на очень древнем, едва понятном языке...

И это ощущение с годами становилось только сильнее. Поэтому затем я так много работал над темой русских (казачьих) корней на Северном Кавказе, устраивал экспедиции по древним городам Русколани, о которой узнал из «Книги Велеса».

Восходил на Эльбрус, древнюю Алатырь-гору. Выпустил несколько книг по истории Русколани. И теперь эта тема вошла в школьное образование. По этим местам проводят экскурсии мои друзья-казаки из кисловодской турфирмы «Ариана». Приезжайте на Кавказ, не пожалеете!

Работать над текстами Гамаюновых песен начал в 1991 году, когда стал работать в журнале «Наука и религия».

Тогда я продолжил изучение ведической традиции, которую уже тогда не разделял на славянскую и индийскую и даже иранскую, китайскую и иные. Какой бы достаточно древний источник я ни открыл, всегда узнавал знакомые с детства сюжеты, созвучные имена...

Уже давно я пришёл к выводу, что древнейшие мировые мифы лучше всего сохранились на Руси. Русские боги только надели личины былинных богатырей, бояр, святых.

В волшебном и сказочном, былинном мире нет границ между народами. Сюжеты и образы свободно перетекают из Руси в Грецию, Иран, Индию, Китай. Им не препятствуют ни горы, ни пустыни, ни моря. Большие куски текстов из песен калик перехожих можно найти в индийской Ригведе, где они даны более подробно. И, наоборот, некоторые едва отмеченные в Пуранах Индии сюжеты мощно и многокрасочно даны в русских балладах, в былинном эпосе. И так далее, и так далее. Речь идет о тысячах источников, о многих томах, кои заключают в себе разные куски общемировой ведической традиции. Однако исток Вед находится на Руси, именно русская традиция наиболее архаична. Именно русский язык изначально предназначен для хранения важнейших песен.

Потом, после реставрации этих изначальных сказаний, я вернул им древнее имя «Песни птицы Гамаюн». И тогда же мною было проведено их сличение со сказаниями, как славянскими, так и общеарийскими-ведическими. Каждому сюжету, образу, выражению Гамаюновых песен можно дать слыку на источник: сродную фольклорную песнь или духовный текст.

Это и было сделано в первом издании (1992 года). Правда, это издание было заявочным, многое в него

не вошло. И это была первая книга о традиции после более 70 лет молчания. Потом, более подробно, эти источники были приведены и обсуждены в издании «Мир славянских богов» и других.

И всегда, когда я работал с источниками, с древними текстами, в том числе с помакской «Ведой славян», с дощечками «Книги Велеса», с «Бояновым гимном», с руническими надписями, я ощущал помощь от моих читателей, от учителей, и просто любителей русской истории, наших древних традиций. И ныне, благодаря им, «Русские Веды» заняли достойное место в отечественной литературе и культуре. За последние годы мною было выпущено уже 35 книг в трёх европейских странах. Кроме «Гамаюновых песен» мне удалось опубликовать 25 изданий переводов «Книги Велеса» (к 2010 году). Также удалось издать перевод «Боянова гимна», памятника IV века; болгаро-помакскую «Веду славян».

Эти тексты, переводы, теперь вошли в вузовские и школьные учебники. И особенною любовью пользуются именно «Гамаюновы песни». По ним снимаются мультфильмы, пишутся картины, проводятся фестивали, их обсуждают в журналах, в клубах, в интернете и т.д. Также радует включение текстов «Гамаюновых песен» во многие школьные пособия.

И таких пособий становится всё больше, по ним учатся уже сотни тысяч учащихся, которым требуются и сами эти песни. И лучше — в последней окончательной редакции, куда включены любимые детьми песни о Костроме и Купале, о Снегурочке и деде Морозе и иные.

По этому сборнику известный поэт Е. Евтушенко преподаёт русскую культуру в трёх вузах в США. Также они включены в программы Боннского Фридрих-Вильгельм Университета (ФРГ), старейшего в Европе, и т.д. В России также ведутся курсы по славянс-

кой мифологии в ряде вузов. Защищаются диссертации, идёт научная работа. Также выпущены уже не поддающиеся счёту научно-популярные издания, художественные произведения, основанные на тех же «Гамаюновых песнях».

На основе этой традиции и продолжается работать над романами, сказочными повестями. Древняя традиция — это прежде всего литература. И она имеет продолжение в настоящем времени, она обретает новую жизнь, переходит и в кино, и в мультфильмы.

Для этого многое сделано. Вышел в свет роман «Хроники Святояров», возрождающий древнюю волжскую легенду. Выходят и сказочные повести для детей. И я приглашаю для сотрудничества инвестров, издательства, мульт- теле- и киностудии для работы в этом направлении.

Меня волнует также и иное. Как спасти части традиции, сохранившиеся за рубежами нашей страны. Нам известно, где, в каких странах и хранилищах, хранятся славянские ведические рукописи.

Все перечисленное является направлениями, по коим работает ныне «Славянский культурный центр», создаваемый нами близ города Геленджик в дольменной зоне на реке Жане.

Чтобы открыть эпоху Русского Возрождения, сделать более счастливым окружающий нас мир, обрести ту идею, которая даст нам понимание пути, коему мы должны следовать, необходимо обратиться к корням, к великому наследию Руси Ведической.

ТОЛКОВНИК

АЛАТЫРЬ – «всем камням камень», сакральный центр Мироздания, священная Алатырская гора в Рипейских-Ирийских горах. В земном мире – это Эльбрус (древние имена: Альбораз (тур.), Алабыр (авест. и пехл.).

АЛКОНОСТ – птица Зари, воплощение Хорса. По пояс имеет образ человечий, а ниже – птичий. Держит в руках лотос.

АМЕЛФА (Амалфея) – дочь коровы Земун, мать Велеса. В русских былинах – Амелфа Тимофеевна, мать Василия Буслаева. В греческих мифах – корова либо коза Амалфея, вскормившая Пана и Зевса.

АРИЙ – прародитель русских людей, сын Дажьбога и Живы.

БАРМА – бог читающий Веды (ср. «бормотать»). В русских былинах он – Бермята либо Пермята (отсюда название города Пермь). В Индии он – Брахма.

БЕЛОВОДЬЕ – другое имя Ирия-рая. Беловодьем (Белозерьем) именовали и Север Евразии. Иное Беловодье – суть земли Урала близ Иремеля (Ирийской горы).

БОГУМИР – прародитель ряда славянских племён: русов, северян, полян, кривичей, древлян. Сын Дажьбога и Мары.

БУРЯ-ЯГА – супруга Велеса, ипостась Вилы Сиды. Хозяйка избушки, стоящей на границе двух миров.

БУС БЕЛОЯР – князь славян-антов IV века. Воплощение Вышнего (Крышня-Коляды).

БУЯН – райский остров в море-океане. На нём – обитель Велеса и сокрытый Китеж-град, проявляющийся во многих мирах. Буяном почитался также – полуостров Тамань в Чёрном море, на нём пел песнопевец Боян.

ВАЛЬЯ – сын Даны, брат Вритьи, поверженный Индриком, обратился в Валун (Панову гору). Впоследствии – один из Белозерских старцев. В Индии он – Валу.

ВЕДЫ – «Ведение», священная книга древних славян. Также – книги ведической религии Индии.

ВИЛЫ (русалки) – крылатые феи. Обычно живут

в цветах. Водяные бывают с рыбьим хвостом.

ВОЛЫНЯ – дочь Сварога, супруга Ра и Владычица Океана. Родила от бога Ра дочерей Раду и Плеяну. Дух-покровитель Волынского-Каспийского моря.

ВЕЛЕС – бог мудрости, любви, богатства, животного мира, проводник в загробный мир и страж Ирия, сын коровы Земун, а в другую эпоху – Амелфы, супруг Вилы Сиды. Другие имена: Асила (сильный), Рамна (сын бога Ра), Тавр (значит «бык»), Гвидон (от «говядо», т. е. «бык» и «дон», т. е. «потомок Даны»). В русских народных былинах, сказках и балладах его место заняли Василий Буслаев, Алёша Попович, Ставр Годинович, Иван Быкович, Иван Медведко, князь Михайло, князь Роман. Он же в Авесте – Раман (божество мира и скота), в Ведах Индии – Рама (нисхождение-аватара Вишну-Всевышнего).

ВИЙ (Ний) – царь подземного мира, сын Чёрного Змея и козы Седуни.

ВОЛХ (Финист) – бог войны, сын Матери Сырой Земли и Индрика-Змея, супруг Лели.

ВРИТЬЯ – сын коровы Даны, брат Вальи, поверженный Индриком. Впоследствии – один из Белозерских старцев. В Индии он же – Вритра.

ВЫШЕНЬ (Вышний бог) – в «Велесовой книге» и помакской «Веде славян» – Всевышний. Вышень – определение Рода, Крышня, Велеса, Коляды, Дажьбога. Славянское имя бога Вишну.

ГАМАЮН – птица вещая. Она пропевает книгу «Вед». Она же птица Хумай в Сибири и Иране, Гаруда в Индии, Хуан в Китае. Её песня предвещает явление новой династии русских царей.

ГОРА-ХОВЕЦ (Ярилина гора). Гора-могила, где гроб Ярилы, воскресающего весной, и Снегурки, воскресающей зимой. Гребенская гора в городе Гороховце Владимирской области.

ГОРЫНЯ – горный великан, может обращаться в Змея Горыныча, охраняет подступы к Тёмному Царству и к Ирию. Побратим Велеса, брат Дубыни и Усыни.

ДАЖЬБОГ — воплощение Всевышнего, солнечный бог, сын Перуна и русалки Роси, прародитель русского народа. Русы — потомки Ария, сына Дажьбога. Супруг Майи, Марены, Живы.

ДАНА (Дану) — небесная Корова, дочь Земун, родившая Вритью и Валью (также Дона-батюшку). В «Ригведе» — Дану, мать данавов, убитая Индрой. Из её крови образовалась река Дон (потому её отождествляют с матерью Сва-Славой, с Росью и другими духами-покровителями реки Дона-Волги-Ра). В ирландских сказаниях есть племена богини Дану. В греческой мифологии она же — Даная, мать Персея.

ДЕВАНА — дочь Дивы и Перуна. Богиня охоты, покровительница девственниц. Она же у римлян — Диана. По чешск. «Mater Verborum»: «Devana — Letnicina i Perunova dci».

ДЕННИЦА — сын Месяца и Зари-Зареницы, Утренняя звезда. Он же у греков — Фаэтон, у христиан — Люцифер.

ДИВА-ДОДОЛА (Летеница, Перуница) — супруга Перуна, дочь Дыя и Дивии. Богиня грозы и молнии.

ДИВИЯ — дочь Седуни и Рода, супруга Дыя, родила Диву. Она же на Крите Ма-Дивия.

ДОН — сын (ипостась) Даны и Ра, дух Волги-Ра, истекшей из крови Даны, поверженной Индриком-зверем. Отец русалки Роси (потому Росью, или рекой-Rasa именовали Волго-Дон). Ипостась Велеса, стал Поддонным Черноморским Змеем. Он же у греков Адонис, у семитов Адонай.

ДОЛЯ — добрая богиня, помощница Макоши, ткёт счастливую судьбу.

ДУБЫНЯ — лесной великан, может обращаться в Змея, охраняет Пекло.

ДЫЙ — сын Седуни и Рода, супруг Дивии, родил Диву, Индру, Чурилу. Это бог материального мира в противоположность Сварогу — богу духовного мира. У латинян он же — Юпитер, у иранцев — Патат Дый, в Сибири —

дракон Дея. Он же в Индии – Дьяус.

ЖЕЛЯ – от слова «жалеть», божество похоронного обряда, сестра Карны.

ЖИВА – богиня жизни, весны, супруга Дажьбога. Спасла Дажьбога от Марены.

ЗВЕЗДИНКА АСЯ – дочь Садко, внучка Святогора, воплощение Сиды. Супруга Велеса.

ЗЕМУН (Замунь) – небесная Корова, мать Дану, Амелфы, Велеса Старого. Из её вымени течёт молочная река по саду Ирия.

ЗЛАТОГОРКА – воплощение Златы Майи, дочь Святогора. Великанша, первая супруга Дажьбога. Была погребена в каменной гробнице в Турдакских степях.

ИНДРИК – сын Дыя. В санскрите Индра «владыка». Он главный бог «Ригведы». Более древний смысл имени – «иноземец», «иной», «бог Нави» (ср: inter в англ. «предавать земле», «хоронить», также «между»). В Южной Руси он – демон, Индрик-зверь.

ИРИЙ (Сварга) – славянский ведический рай, расположен в Рипейских горах (на Урале это Иремель, на Кавказе – Эльбрус). Правит Ирием Сварог. В Ирии собираются и пируют небесные боги. По Ирию течёт молочная река.

КАРНА – от слова «корить» – божество похоронного обряда, сестра Жели.

КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ – сын Вия и Матери Сырой Земли, владыка Тёмного Царства. У греков ему соответствуют Аид. За преследование бога Ярилы был заключён в поземелья Нави. Освобождён Дажьбогом, который потом воевал с ним.

КВАСУРА – бог хмеля, славянский Дионис. Скандинавы его знают под именем Квасир.

КИЙ – сын Ария, внук Дажьбога, прародитель восточных славян, основатель Киева.

КИТЕЖ – город, согласно средневековой легенде исчезнувший в водах озера Светлояр (в Нижегородской области близ Семёнова и села Владимирское). В тайной тради-

ции — рай. Построен Китаврулом

КИТАВРУЛ (Китаврас) — бог созвездия Стрельца. строитель Китеж-града. В Индии ему соответствуют гандхарвы, в Иране — гандарвы, в Греции — кентавры. Англичане его называют Мерлином, а французы — Морольфом.

КОЛЯДА — нисхождение Всевышнего в эпоху Коляды. Второе воплощение Крышня, сын Дажьбога и Златогорки. Дал славянам «Звёздную Книгу», победил Чернобога.

ЛАДА — женская ипостась Рода, супруга Сварога, богородица. Лада — матерь богов, она же — Рожаница, Матерь Сва. Обращается в дракона Ладона. Имя значит «супруга».

ЛЕЛЯ — богиня любви, дочь Лады и жена Волха Змеевича.

МАГУЛЬ — нисхождение в Навь птицы Гамаюн.

МАКОШЬ — мать жребия. Вместе с помощницами Долей и Недолей она определяет судьбу людей и богов. Она — пряха, прядёт нити судьбы подобно античным мойрам.

МАРЕНА (Мармара) — богиня смерти, зимы, вторая супруга Дажьбога. Украдена Кащеем Трипетовичем, впоследствии — его жена и противница Дажьбога. Сожжена Дажьбогом.

МАТЕРЬ СВА (Слава, Вселава) — птица, дух Великой Матери. Духовная энергия Сварога. Покровительница Руси. Дух реки Славы (Волго-Дона). В Индии — птица Матаришван.

МАТЬ СЫРА ЗЕМЛЯ — богиня земли, плодородия, подобная греческой Гее.

НАВЬ — тёмная сила, управляющая миром, одновременно — загробный мир, «тот свет». Также — философское понятие, близкое к понятию Инь в китайской философии, «тамас» в индийской философии (пассивные силы, пытающиеся сохранить мир неизменным).

НЕДОЛЯ — богиня, помощница Макоши, ткёт несчастливую судьбу.

ОБИДА — лебедь, птица печали, обиды. Всегда противостоит Орлу, Соколам — птицам верховных светлых богов.

ОКА – русалка, богиня реки Оки, жена бога любви Камы, мать Клязьмы. Она же в Индии Лакшми.

ОРЕЛ – птица Перуна Громовержца, его инкарнация.

ПАН – сын Вия и Матери Сырой Земли, украл для Вия дочерей Земун. Демон, имеющий власть над вулканами, растительным и животным миром. Он же Пани в Индии, Пан в Греции, Фавн – в Риме.

ПАНОВЫ ГОРЫ – горы на Волге, на одном из их отрогов (Дятловой горе) стоит Нижний Новгород. Пановы подземелья в Нижнем были известны до середины XIX века (отмечены путешественником маркизом де Кюстином).

ПЕКЛО – славянский Аид, или ад. В разное время им правили – Чёрный Змей, Скипер-Зверь, Индрик-Зверь, Волх, Кащей. Пекло, как и Аид, разделяется на три уровня, подобные греческим Тартару (самый глубокий уровень), Эребу (подземному пекельному царству, Пеклу) и собственно Аиду – надземной местности перед входом в подземное царство (это и есть Тёмное Царство).

ПЕРАСКЕЯ – Змея, царица подземного царства, супруга Индрика-Змея, затем первая супруга Волха. В Индии она – Прасаха.

ПЕРУН – Громовержец, бог грозы и войны. Сын Сварога. Супруг Дивы-Додолы и отец Дажьбога. Был замещён Ильёй-пророком, а в фольклоре – Ильей Муромцем и Егорием Храбрым. Победил зверя Скипера. В Инди он – Парджанья.

ПЛЕЯНА – дочь Солнца-Ра и Владычицы Океана. Супруга Святогора. У греков она – Плейона. Имя происходит от греческого «плейн», то же, что русское «плыть», либо от «пелейас» – «голубки». Также есть толкование имени «пленительная».

ПРАВЬ – одно из основных понятий славян-ского любомудрия. Понимается как всеобщий закон, установленный Всевышним. Согласно этому

справедливому закону, существует мир. Это понятие подобно «саттве» индийской философии (ясность, гармония, лад).

РА – бог Солнца, обратившийся рекой Ра (Волгой). Различают Ра-реку, текущую по Земле, и небесную Ра-реку (Млечный путь). Рождён из лица Рода (иначе из Звёздного Молока Земун). Отец Рады, Хорса. В Древнем Египте он сын Коровы – Ра, отец Хора (Гора).

РАРОГ – огненный сокол, воплощение Сварожича-Семаргла. Рарог, по преданию, может появиться на свет из яйца, которое девять дней и ночей высиживает человек на печи.

РЕБИ – кузнецы, помощники Сварога. От «ребята», то есть отроки-слуги, помощники. В «Ригведе» – рибху.

РИПЕЙСКИЕ ГОРЫ (Рифейские – от «риф» – скала) – небесные горы, где находится сад Ирия. Известны по греческим, скифским и индийским мифам. На Земле – это Урал, также Кавказ, Алтай (у иных народов – Гималаи, Олимп и т.д.).

РОД – Рождающая ипостась Всевышнего, в которой Он творит Вселенную, видимый и невидимый мир. Вначале Род был заключён в «мировом яйце», потом разбил его. Род – безличен, «отец и мать всех богов». Но может являться и личностью. В Индии Рода зовут Праджапати (Предок, Прадед).

РОСЬ – дочь Дона (Днепра), русалка. От Перуна родила Дажьбога. Дух реки Роси (Волги и Дона). Прародительница русских людей (через Дажьбога). Потому восточные славяне – сыны Дажьбога и «русские», то есть – потомки Роси.

РУСАЛКИ – девы вод, дочери либо жены водяных.

САДКО – сын Вана и Мери Святогоровны. У греков – Одиссей, у римлян Улисс, в арабских сказаниях – Синдбад.

САРАЧИНСКАЯ ГОРА – гора у Смородины, на ко-

торой расположен Чёрный Камень, под которым вход в Навь. В яви – гора Каракая близ Эльбруса. Связана с Алатырской горой (Эльбрусом) и со всем миром Нави.

СВАРОГ – мужская половина, ипостась Рода. Бог-творец. Он завершает творение Вселенной, устраивает «поднебесную», достает с помощью Уточки Землю из первичного Океана. Сварог – небесный кузнец. Когда он ударил молотом по Бел-горюч Камню, родился бог огня Сварожич-Семаргл. Он населил Землю, создал первых людей из камня, научил их кузнечному ремеслу. Дал Законы.

СВЯТОГОР – сын Рода, древнейший славянский бог. Охраняет столб, поддерживающий небо. Он же Атлант.

СЕД (Седый) – одно из имен Рода. Значит – седой, светлый, святой. Седава-звезда – это звезда Рода, Полярная звезда. Он же у этрусков первопредок Сатре, в Риме – царь золотого века Сатурн. В Индии сиддхи – святые волшебники, у кельтов сиды – святые народы блаженных островов.

СЕДУНЬ – Коза, рождённая Родом в начале времён (ср.: драть как Сидорову козу). Из пены её молока родилась Уточка и Чёрный Змей. Мать Дыя, Дивии и Вия. Являлась в образе Сета в Египте.

СЕМАРГЛ – бог огня, ипостась Велеса. Является птицей соколом Рарогом. В первой битве светлых и тёмных сил он победил Чёрного Змея. Он – бог огненных жертвоприношений, посредник между людьми и небесными богами. Супруг Ночи-Купальницы, отец Купалы и Костромы.

СИВА – он же Сивый Мориан, тень Велияра Сивого. В Индии – Сива (Шива). Имя значит: «живой».

СИРИН – птица, инкарнация Велеса. Сирин до пояса – человек, от пояса же – птица. Кто послушает её голос, забывает всё на свете и уходит в Навь.

СИДА — супруга Велеса. Она же Азовка, Ненила, Ясуня, Домна, Ася Звездинка. Имя значит «мудрая» (сидни-оседни это святые мудрецы). Она же в Индии Сита, супруга Рамы, в Шумере и Аккаде — Сидура, в Египте — Исида. Сида (Сидоу) названа супругой Велеса в «Толковой Палее 1477г.» (Син. Сп, 210, л. 556): «Велос же поча женоу Сидоу».

СКИПЕР-ЗВЕРЬ — царь надземного Пекла (у греков — Аида). Главный противник Перуна. Вначале он победил Перуна и закопал его в землю. После освобождения Перуна был им побеждён и завален Кавказскими горами.

СМОРОДИНА — огненная речка между Светлым и Тёмным Царствами. Течёт под Ра-рекой в нижнем мире (нижняя Ра-река). Греки называли её Ахеронт. В яви проявляется во многих местах: Москва-река, Кызыл-су близ Эльбруса и т.п.)

СНЕГУРОЧКА — дочь Мороза и Метелицы. Растаяла в Сретенье от любви к Лелю.

СТРАТИМ — воплощение Стрибога — бога ветров.

СТРИБОГ — Сварожич, сын Сварога. Бог вихря, урагана. Ветры — Стрибожьи внуки. Вместе с другими богами освобождал Перуна из заточения.

СУРИЦА — напиток и богиня. Приготавливается из забродившего мёда с использованием хмеля, других трав и молока. В индийской мифологии — дочь Солнца и невеста Сомы (иранского Хомы, русского Хмеля).

СУРЬЯ — Солнце, божество солнца. Сам солнечный диск и священный напиток.

ТУРДАКСКИЕ СТЕПИ — степи Ставропольского края близ Пятигорья. Там был русколанский-сиракский город Успа (Татарское городище), где по преданию была усыпальница Майи Златогорки.

УСЫНЯ — великан, сын Вия. Охраняет проход в Царство Нави.

УТОЧКА — птица, породившая мир. Иной образ Рода-Седыя, Вилы Сиды, а также Козы Седуни.

ФИНИСТ – сокол, птица-воин, инкарнация бога войны – Волха, Ярилы защитник Руси.

ХМЕЛЬ – 1) растение, из которого приготавливают божественный напиток, 2) бог Хмель, подобный индийскому Соме и иранскому Хоме.

ХОРИВ – брат Кия, сын Ария.

ХОРС – бог Солнца и солнечного диска. Супруг Зари-Зареницы. Вместе с другими богами освобождал Перуна из заточения. Он же Хор (Гор) в Древнем Египте.

ЦАРЬГРАД – город, в котором жили люди и правили Святогор и Плеяна. Столица малоазийской Атлантиды, в отличие от острова – Атлантиды По-морской.

ЧЕРНОМОР – Поддонный царь, Дон, ипостась Велеса. Пытался жениться на Диве-Додоле, но был отвергнут. В народ-ных сказаниях он – муж царицы Белорыбицы.

ЩЕК (Пащек) – брат Кия и Хорива, сын Ария.

ЮША – Змей, несущий Землю. Имя его сохранилось в народных говорах, родственные имена – Яша, Ящер. Славянский «родственник» индийского змея Шеши.

ЯВЬ – светлая сила, управляющая миром, одновременно – сам этот светлый мир, «белый свет». Также – философское понятие, подобное понятию Янь в китайской философии, «раджасу» в индийской философии (активные силы, пытающиеся изменить мир). Противостоит Нави.

ЯРИЛО (Яр) – сын Дивы и Велеса, бог земледелия, плодородия, в другой ипостаси – бог-воин. Противник Кащея, Мориана. Был обращён Вольгою в Зайца, потом его расколдовал Велес. Он победил Змею Ламию, освободил Ярину, дочь Святогора.

ЯСУНЬ – понятие, противоположное «дасуни». Может означать Ирий, Небо, небесных богов, славян-ариев.

КАЛЕНДАРЬ (КОЛЯДЫ ДАР)

21 марта *(1 белояра*)* **Красная гора** (Славянский Новый год, весеннее равноденствие). Празднуется Освобождение Дажьбога Живой («Песни птицы Гамаюн» VI, 3). Воскресение Буса Белояра («Книга Велеса», Бус I, 6)

14 апреля *(25 белояра)* **Семик.** Семаргл зажги снега. Празднуется обретение Золотой Книги Коляды. Семаргл Сварожич ударяет по Алатырю и даёт знания, находит Книгу Вед (Гамаюн I,2; IV, 1). Велияр возносит Книгу Вед на златой престол в Китеж-граде (Гамаюн III, 1).

20/21 апреля *(31 белояра — 1 ладеня).* **Рождество Буса Белояра.** (Боянов гимн; Бус I:1). Поминают и Рождество Крышня, Коляды («Веда славян» т. I, XI).

22 мая *(1 купальня).* **Ярилин день.** Рождество Ярилы у озера Светлояр от Дивы и Велеса. Ярила сражается с Суровой Ламией и освобождает Ярину (Гамаюн III, 1, Коляда X 6, 7).

21/22 июня (*31 купальня — 1 кресеня*). **Купала и Кострома.** Солнцеворот-Крес. Русалии длятся от 14 июня до 7 июля, дня Купальницы.

Все дни поминают звёздных брата и сестру: Кострому и Купалу (Гамаюн IV, 3). Также поминают о победе Перуна над Скипером, о купании Живы, Марены и Лели (Гамаюн II, 3). О купании Зари-Зареницы (Гамаюн IV, 2).

---

*В скобках даны старые названия месяцев, которые по числам соответствовали зодиакальным периодам.

2 августа *(11 ильменя).* **Перуново Свято** (Ильмень-день). Поминают Перуна и Ильма (Гамаюн, Короб II).

28 августа *(6 святовита).* **Спас** (Коляды и Овсеня). **Успение** Майи Златогорки. (Гамаюн VI, 2).

21/22 сентября *(30 святовита — 1 велесеня).* **Овсень малый.** Торжество-Воскресение Майи.

Осеннее равноденствие. Дажьбог спустился в Пекло и освободил Майю, надев ей кольцо. Майя рождает Коляду и Овсеня (Гамаюн VI, 2).

7 октября *(16 велесеня).* **Леля-заревница.** (Гамаюн V, 1).

7 — 15 ноября (*17 — 25 эвлисеня*). **Сварожки.**

7/8 ноября. Радогощ. Дедова ночь (Деды). Поминки по усопшим предкам. Почитание деяний предков, битв и побед по «Книге Велеса».

15 ноября. Сварожки. День Сварога и Семаргла. Чтение Короба Рода.

20/21 декабря *(30 овсеня — 1 коляденя).* **Овсень большой. Рождество Коляды.** Зимнее сонцестояние.

21 — 29 декабря (*1 — 9 коляденя*). **Колядования.** (Гамаюн VI, 2; «Веда славян», т. I, песна XI).

30 декабря — 11 января *(10 — 22 коляденя).* **Святки.** (Гамаюн, Короб Рода).

Также это дни, когда почитают Велеса Зимнего (Морозко) и его дочь Снегурочку (Гамаюн: V). Мороза Красного Носа почитают и 31 января.

15 февраля *(27 бересеня).* **Сречa.** День встречи Зимы с Весною, Марены с Дажьбогом (Гамаюн VI, 3).

Также до 18 февраля (до Троянова дня) дни встречи Поманы и Томины (Коляда X, 2).

14 — 20 марта *(24 — 30 лютеня).* **Масленица.** Последняя неделя лютеня. Прощание с Мареною. И встреча Весны-Живы. Почитание Золотых яиц Рода. Отпускание птиц (Короб Сварога).

Велик-день. В воскресенье после первого **полнолуния,** наступившего после Рождества и Вознесения Буса Белояра (после 7 ладеня).

Качание на качелях. Свадьба Солнца и Волыни, рождение Рады и Радуницы (Коляда II, «Веда славян», т. I, песна VI, Алконост I, 2).

Радуница (Радоница). Во вторник второй недели после Велик дня. Вторник посвящён Солнцу и дочери его Радунице, коя выходит за Коляду. Это день свадеб (как и Покров-Крышний, 14 октября).

Иллюстрации

Виктора Васнецова на страницах: 6, 16, 20, 38, 48, 70, 82, 84, 91, 103, 107, 119, 123, 127, 143, 149, 163, 172, 183, 187, 193, 217. Аполинария Васнецова на страницах: 131, 133. Андрея Клименко на страницах: 22, 46, 67, 157, 201, 205, 225. Сергея Соломко на странице 169. Максимилиана Преснякова на странице 62.

содержание

I. Короб Рода
Рождение Мира..... 7
Битва с Чёрным Змеем..... 12
Творение Сварги и Пекла..... 19

II. Короб Перуна
Рождение Перуна..... 28
Перун побеждает Скипера..... 36
Перун и Дива..... 44

III. Короб Велеса
Велес, Дива и Ярила..... 58
Велес и Буря-Яга..... 65
Велес и Вила..... 77

IV. Короб Семаргла
Три поездки Семаргла..... 88
Хорс и Заря-Зареница..... 93
Купала и Кострома..... 104

V. Короб Лели
Волх и Леля..... 114
Велес и Ася Звездинка..... 130
Снегурка и Лель..... 148

VI. Короб Дажьбога
Рождение Дажьбога..... 160
Дажьбог, Златогорка и Коляда..... 167
Дажьбог, Марена и Жива..... 181

VII. Короб Сварога
Битва Трёх Родов..... 198
Битва за Ирий. Потоп..... 211
Законы Сварога..... 221

Слово о книге 232
Толковник 241
Календарь..... 252

УДК 133.3
ББК 85.42
А90

Рекомендовано Московским институтом повышения квалификации работников образования для самостоятельного чтения в 5-м и 6-м классах для школ, лицеев и гимназий гуманитарного профиля

Асов Александр

А90 **Русские веды. Песни Птицы Гамаюн. Изборник «Книги Коляды»** // Воссоздал А.И. Асов. Иллюстрации Виктора и Аполлинария Васнецовых, Сергея Соломко, Максимилиана Преснякова и Андрея Клименко. — М.: Амрита, 2011. — 256 с.: ил.

ISBN 978-5-413-00396-1

Наследие Русских Вед — «Песни Птицы Гамаюн» (часть «Книги Коляды») представляет свод русских преданий о Рождении Мира, о богах горних: Свароге, Перуне и Велесе, а также о самых почитаемых духах стихий и покровителей Руси: Финисте и Леле, Костроме и Купале, Морозко и Снегурочке и иных.

На обложке птица Сирин В. Васнецова.
Буквицы и заставки Максимилиана Преснякова.
Титульный лист А. Асова и М. Преснякова.
Фото волхва Буса Кресеня из фильма «Внуки Дажьбога» (Центрнаучфильм, 1992)

Книга печатается в авторской редакции.

© Асов А.И., 2011
© М. Пресняков, иллюстрации
© А. Клименко, иллюстрации
© ООО «Амрита», 2011

ISBN 978-5-413-00396-1

Александр Асов

Песни Птицы Гамаюн

Изборник «Книги Коляды»

Подписано в печать 26.04.11.
Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 13,44.
Тираж 3000 экз. Заказ № 3792

ООО «Амрита»
109153, Москва, ул. Моршанская, д. 3, корп. 1
тел./факс: 8 (499) 264-05-89, тел.: 8 (499) 264-05-81
e-mail: info@amrita-rus.ru www.amrita-rus.ru

Книга — почтой: 107140, Москва, а/я 38
тел.: 8 (499) 264-73-70

Розничный магазин:
ул. Краснопрудная, д. 22а, стр. 1
тел.: 8 (499) 264-13-60

При участии ООО Агентство печати «Столица»
тел.: (495) 331-14-38; e-mail: apstolica@bk.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

И Хранители Вед слушали те песни. И завязывали узелки на память. И были то не просто узлы, а знаки слов. И складывались те слова в узлы, в нити строк. И сматывались те нити в клубки... А клубки складывались в короба берестяные.

И каждый раз потом, являясь в Китеж-граде, Гамаюн рекла Хранителям:

«Откройте короб песен! Размотайте клубок!
Ибо кончилось Время Древнего Молчания
и пришло Время Слов!»

Другие книги автора:

ISBN 978-5-413-00396-1